

ISSN № 0130-3600

04105740
2023000033

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГРУЗИЯ

4

1985

**ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС
МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ ГОРБАЧЕВ**

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

Информационное сообщение о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза	3
Речь Генерального секретаря ЦК КПСС товарища М. С. ГОРБАЧЕВА на Пленуме ЦК КПСС 11 марта 1985 года	5
Михаил Сергеевич Горбачев	11
Обращение Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР к Коммунистической партии, к советскому народу	12

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

МОРИС ПОЦХИШВИЛИ. Стихи. Перевел Сергей Алиханов	17
ВАХТАНГ ГОРГАНЕЛИ. Стихи. Перевел Глан Онанян	21
ТЕНГИЗ БУАЧИДЗЕ. Дорога в Детство. Роман. Перевод с грузинского автора	24
АДАМ ШОГЕНЦУКОВ. Стихи. Перевел с кабардинского Лев Озеров	107
ПАОЛА УРУШАДЗЕ. Стихи	112
ЭЛИСО ЗАРИДЗЕ. Пастух. Рассказ. Перевела с грузинского Анаида Беставашвили	115

40 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ВЛАДИМИР ВАХТАНГАДЗЕ. Подвиг в Суарском ущелье	121
--	-----

4

1985

საქართველოს
ბიბლიოთეკა

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
МАНАНА ГВЕТАДЗЕ. Верность	
ГУРАМ БАРНОВ. Приключения одного сказочного героя. В фольклоре, литературе и на театральной сцене	138
ВЛАДИМИР ЧЕРЕДНИЧЕНКО. Временные отношения в поэзии Николоза Бараташвили	151

НАУКА

От гипотезы к теории. Беседа с академиком Т. В. ГАМКРЕЛИДЗЕ	161
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

ОТАР ЛОРДКИПАНИДЗЕ. Взаимодействие двух культур	172
ИРИНА ЛЕЖАВА. Сокровенное одеяние слова	177
Л. ТИХОНОВА. Осваивая впервые важную тему...	181
ЮРИЙ АНОХИН. Вместо рецензии	185
МИХАИЛ РАЗМАДЗЕ. Поэт своего времени	188

ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ.

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВ. Следствие о Кавказском тайном обществе. Декабрь 1825 — март 1826	189
ПРИДОН СИХАРУЛИДЗЕ. Грузинская первопечатная книга в Москве	199

ИСКУССТВО

ОЛЬГА КОСТИНА. Мераб Бердзенишвили	206
АЛЕКСАНДР ЗЛАТКИН. Весна уходит... Заметки о новом фильме Нодара Манагадзе	216

ХРОНИКА	120, 223
----------------	----------

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

О ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

11 марта 1985 года состоялся внеочередной Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

По поручению Политбюро ЦК Пленум открыл член Политбюро, секретарь ЦК КПСС т. Горбачев М. С.

В связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко участники Пленума почтили память Константина Устиновича Черненко минутой скорбного молчания.

Пленум отметил, что Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату.* Ушел из жизни выдающийся партийный и государственный деятель, патриот и интернационалист, последовательный борец за торжество идеалов коммунизма и мира на земле.

Вся жизнь Константина Устиновича Черненко до конца была отдана делу ленинской партии, интересам советского народа. Куда бы ни направляла его партия, он неизменно, с присущей ему самоотверженностью, боролся за претворение в жизнь политики КПСС.

Много внимания уделял Константин Устинович Черненко последовательному проведению курса на совершенствование развитого социализма, на решение крупных задач экономического и социального развития, повышение благосостояния и культуры советского народа, на дальнейший подъем творческой активности масс, улучшение идеологической работы, укрепление дисциплины, законности и порядка.

Большой вклад внес Константин Устинович Черненко в дальнейшее развитие всестороннего сотрудничества с братскими странами социализма, осуществление социалистической экономической интеграции, упрочение позиций социа-

листического содружества. Под его руководством твердо и последовательно проводились в жизнь принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем, давался решительный отпор агрессивным замыслам империализма, велась неустанная борьба за прекращение навязанной империализмом гонки вооружений, устранение угрозы ядерной войны, за обеспечение надежной безопасности народов.

Как зеницу ока берег Константин Устинович Черненко единство нашей Коммунистической партии, коллективный характер деятельности Центрального Комитета и его Политбюро. Он всегда стремился к тому, чтобы партия на всех уровнях действовала как сплоченный, слаженный и боеспособный организм. В единстве мыслей и дел коммунистов видел он залог всех наших успехов, преодоление недостатков, залог поступательного движения вперед.

Пленум подчеркнул, что в эти скорбные дни коммунисты, весь советский народ еще теснее сплываются вокруг Центрального Комитета партии и его Политбюро. В партии советские люди с полным основанием видят руководящую и направляющую силу общества и полны решимости беззаветно бороться за реализацию ленинской внутренней и внешней политики КПСС.

Участники Пленума ЦК выразили глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Пленум ЦК рассмотрел вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС.

По поручению Политбюро с речью по этому вопросу выступил член Политбюро тов. Громыко А. А. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Горбачева М. С.

Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Пленум единодушно избрал тов. Горбачева М. С.

Затем на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Горбачев М. С. Он выразил глубокую признательность за высокое доверие, оказанное ему Центральным Комитетом КПСС, отметил, что очень хорошо понимает, сколь велика связанная с этим ответственность.

Тов. Горбачев М. С. заверил Центральный Комитет КПСС, что он приложит все силы, чтобы верно служить нашей партии, нашему народу, великому ленинскому делу, что

бы неуклонно осуществлялись программные установки КПСС, обеспечивалась преемственность в решении задач дальнейшего укрепления экономического и оборонного могущества СССР, повышения благосостояния советского народа, упрочения мира, чтобы настойчиво воплощалась в жизнь ленинская внутренняя и внешняя политика Коммунистической партии и Советского государства.

На этом Пленум ЦК закончил свою работу.

РЕЧЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС ТОВАРИЩА М. С. ГОРБАЧЕВА НА ПЛЕНУМЕ ЦК КПСС 11 МАРТА 1985 ГОДА

Дорогие товарищи!

Всех нас, всю нашу партию и страну постигло тяжелое горе. Ушел из жизни верный ленинец, выдающийся деятель Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства, международного коммунистического движения, человек чуткой души и большого организаторского таланта — Константин Устинович Черненко.

Большой и славный путь прошел Константин Устинович. На каждом участке, который ему поручала партия, все полнее раскрывались его талант, умение работать с людьми. На посту Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Константин Устинович Черненко отдавал все силы и знания развитию экономики страны, росту благосостояния и культуры народа, обеспечению безопасности Родины, сохранению и упрочению мира на земле.

Как зеницу ока берег Константин Устинович Черненко единство Коммунистической партии, коллективный характер деятельности Центрального Комитета и его Политбюро. Он

всегда стремился к тому, чтобы партия на всех уровнях действовала как сплоченный, слаженный и боевой организм. В единстве мыслей и дел коммунистов видел он залог успехов, преодоления недостатков, залог поступательного движения вперед.

Стратегическая линия, выработанная на XXVI съезде, последующих Пленумах ЦК при деятельном участии Юрия Владимировича Андропова и Константина Устиновича Черненко, была и остается неизменной. Это — линия на ускорение социально-экономического развития страны, на совершенствование всех сторон жизни общества. Речь идет о преобразовании материально-технической базы производства. Речь идет о совершенствовании системы общественных отношений, прежде всего экономических. Речь идет и о развитии самого человека, о качественном улучшении материальных условий его жизни и труда, его духовного облика.

Нам предстоит добиться решающего поворота в переводе народного хозяйства на рельсы интенсивного развития. Мы должны, обязаны в короткие сроки выйти на самые передовые научно-технические позиции, на высший мировой уровень производительности общественного труда.

Чтобы успешнее и быстрее решить эту задачу, необходимо и далее настойчиво совершенствовать хозяйственный механизм и всю систему управления. Идя по этому пути, выбирая оптимальные решения, важно творчески применять основополагающие принципы социалистического хозяйствования. Это значит — неуклонно осуществлять плановое развитие экономики, укреплять социалистическую собственность, расширять права, повышать самостоятельность и ответственность предприятий, усиливать их заинтересованность в конечных результатах работы. Это значит подчинять все экономическое развитие в конечном счете интересам советских людей.

Партия будет неуклонно проводить разработанную ею социальную политику. Все во имя человека, на благо человека — это программное положение должно наполняться все более глубоким и конкретным содержанием. Понятно, что улучшение условий жизни человека должно основываться на его возрастающем вкладе в общее дело. Там, где допускаются отклонения от этого принципа, неизбежно нарушается социальная справедливость, представляющая собой важнейший фактор единства и стабильности социалистического общества.

Как одну из коренных задач внутренней политики партия рассматривает дальнейшее совершенствование и разви-

тие демократии, всей системы социалистического самоуправления народа. Задачи здесь многогранны. Немало в этом плане делается. Имеется в виду дальнейшее повышение роли Советов, активизация профсоюзов, комсомола, народного контроля, трудовых коллективов. Впереди настойчивая работа и по уже намеченным, и по новым направлениям.

Углубление социалистической демократии неразрывно связано с повышением общественного сознания. Эффективность воспитательной работы проявляется прежде всего в том, как рабочие, колхозники, интеллигенция участвуют в решении больших и малых проблем, как они трудятся, как борются с недостатками. Повышение трудовой и социальной активности советских людей, укрепление дисциплины, воспитание патриотизма и интернационализма — важная задача всей идеологической деятельности.

При этом будут и впредь приниматься решительные меры по дальнейшему наведению порядка, очищению нашей жизни от чуждых явлений, от любых посягательств на интересы общества и его граждан, по укреплению социалистической законности.

Мы и дальше обязаны расширять гласность в работе партийных, советских, государственных и общественных организаций. В. И. Ленин говорил, что государство сильно сознательностью масс. Наша практика полностью подтвердила этот вывод. Чем лучше информированы люди, тем сознательнее они действуют, тем активнее поддерживают партию, ее планы и программные цели.

В области внешней политики наш курс ясен и последователен. Это — курс мира и прогресса.

Первая заповедь партии и государства — беречь и всемерно укреплять братскую дружбу с нашими ближайшими соратниками и союзниками — странами великого социалистического содружества. Мы будем делать все от нас зависящее для расширения взаимодействия с социалистическими государствами, для повышения роли и влияния социализма в мировых делах. Мы хотели бы серьезного улучшения отношений с Китайской Народной Республикой и считаем, что при наличии взаимности это вполне возможно.

Советский Союз поддерживал борьбу народов за освобождение от колониального гнета. И сегодня наши симпатии — на стороне стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые идут по пути укрепления независимости и социального обновления. Они для нас — друзья и партнеры в

борьбе за прочный мир, за лучшие, справедливые отношения между народами.

Что же касается отношений с капиталистическими государствами, то хочу сказать следующее. Мы будем твердо следовать ленинским курсом мира и мирного сосуществования. На добрую волю Советский Союз всегда ответит доброй волей, на доверие — доверием. Но все должны знать, что интересами нашей Родины и ее союзников мы не поступимся никогда.

Мы ценим успехи разрядки международной напряженности, достигнутые в 70-е годы, и готовы участвовать в продолжении процесса налаживания мирного, взаимовыгодного сотрудничества между государствами на началах равноправия, взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела. Новыми шагами в этом направлении можно было бы достойно отметить сорокалетие Великой Победы над гитлеровским фашизмом и японским милитаризмом.

Никогда прежде над человечеством не нависала столь страшная угроза, как в наши дни. Единственный разумный выход из создавшегося положения — это договоренность противостоящих сил о немедленном прекращении гонки вооружений — прежде всего ядерных — на Земле и недопущении ее в космосе. Договоренность на честной и равноправной основе, без попыток «переиграть» другую сторону и диктовать ей свои условия. Договоренность, которая поможет всем продвинуться к желанной цели — полному уничтожению и запрещению навсегда ядерного оружия, к полному устранению угрозы ядерной войны. В этом мы твердо убеждены.

Завтра в Женеве начнутся переговоры между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Подход СССР к этим переговорам хорошо известен. Могу лишь еще раз подтвердить: мы не стремимся к достижению односторонних преимуществ перед Соединенными Штатами, перед странами НАТО, к военному превосходству над ними; мы хотим прекращения, а не продолжения гонки вооружений — и поэтому предлагаем заморозить ядерные арсеналы, прекратить дальнейшее развертывание ракет; мы хотим действительного и крупного сокращения накопленных вооружений, а не создания все новых систем оружия, будь то в космосе или на Земле.

Хотелось, чтобы наши партнеры по переговорам в Женеве поняли позицию Советского Союза и ответили взаимно-

стью. Тогда соглашение стало бы возможным. Народы мира вздохнули бы с облегчением.

КПСС — партия интернациональная по своей природе.

Наши единомышленники за рубежом могут быть уверены: в борьбе за мир и социальный прогресс партия Ленина, как всегда, будет тесно сотрудничать с братскими коммунистическими, рабочими, революционно-демократическими партиями, выступать за единство и активное взаимодействие всех революционных сил.

Товарищи! Решение стоящих перед нами сложных задач предполагает дальнейшее укрепление партии, повышение ее организующей и направляющей роли. КПСС всегда исходила и исходит из той ленинской мысли, что принципиальная политика — единственно правильная политика. Такая политика, разрабатываемая коллективно, будет осуществляться последовательно и неуклонно. Партия — именно та сила, которая способна учесть интересы всех классов и социальных групп, всех наций и народностей страны, сплотить их воедино, мобилизовать энергию народа на общее дело коммунистического созидания.

Политика партии была и будет направлена на упрочение союза рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, на неуклонное укрепление дружбы народов нашей великой многонациональной державы.

КПСС будет всемерно развивать творческую инициативу молодежи, заботиться об улучшении условий труда и быта женщин, о нуждах и запросах ветеранов войны и труда.

В сложной международной обстановке, как никогда, важно поддерживать обороноспособность нашей Родины на таком уровне, чтобы потенциальные агрессоры хорошо знали: посягательство на безопасность Советской страны и ее союзников, на мирную жизнь советских людей будет встречено сокрушающим ответным ударом. Наши славные Вооруженные Силы будут и впредь располагать для этого всем необходимым.

Сейчас широко развернулась подготовка к XXVII съезду КПСС. На нем будет рассмотрена новая редакция Программы партии, определены перспективы развития страны на следующую пятилетку и до 2000 года.

Время требует напряженной, творческой работы всех партийных организаций сверху донизу. На всех участках, везде и повсюду коммунисты должны быть примером выполнения гражданского долга, добросовестного труда на благо об-

щества, повсеместно утверждать ленинский стиль в работе. В первую очередь это относится к кадрам партии, ^{и партий-}ным и государственным руководителям. КПСС будет ^{неуклон-}но проводить линию на усиление требовательности, на повышение ответственности за порученное дело.

После завершения Пленума члены Центрального Комитета, первые секретари обкомов, все его участники разъедутся на места с тем, чтобы с новой энергией взяться за дела. А дел предстоит немало. Прежде всего надо успешно завершить работу по выполнению планов экономического и социального развития нынешнего года и обеспечить тем самым уверенный старт следующей пятилетки.

Суровая зима несколько затормозила реализацию плановых заданий в ряде отраслей. Значит, сейчас надо собраться, мобилизовать резервы, напрячь все силы, чтобы восполнить недоделанное и к концу года выйти на намеченные рубежи.

Товарищи, в эти дни мы еще острее ощущаем, насколько могучи и монолитны ряды коммунистов, насколько сплочен и един наш советский народ. На недавних выборах советские люди вновь выразили единодушную поддержку курсу нашей партии и государства. Эта поддержка вдохновляет и обязывает.

Сегодня Пленум Центрального Комитета возложил на меня сложные и большие обязанности Генерального секретаря ЦК КПСС. Хорошо понимаю, сколь велико оказанное мне доверие и сколь велика связанная с этим ответственность. В предстоящей работе рассчитываю на поддержку и активную помощь членов Политбюро, кандидатов в члены Политбюро и секретарей ЦК, Центрального Комитета партии в целом. Ваш многогранный опыт — ступень исторического опыта нашего народа. Обещаю вам, товарищи, приложить все силы, чтобы верно служить нашей партии, нашему народу, великому ленинскому делу.

Разрешите выразить уверенность, что, идя навстречу XXVII съезду КПСС, народ и партия, сплоченные вокруг Центрального Комитета, сделают все, чтобы еще богаче и могущественнее была наша Советская Родина, чтобы еще полнее раскрылись созидательные силы социализма.

МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ ГОРБАЧЕВ

Михаил Сергеевич Горбачев родился 2 марта 1931 года в селе Привольном Красногвардейского района Ставропольского края в семье крестьянина.

Вскоре после Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. в возрасте 15 лет он начал свою трудовую деятельность. Работал механизатором машинно-тракторной станции. В 1952 году вступил в члены КПСС. В 1955 году окончил Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (юридический факультет), а в 1967 году — Ставропольский сельскохозяйственный институт, получив специальность ученого агронома-экономиста.

С 1955 года М. С. Горбачев — на комсомольской и партийной работе. Работает в Ставропольском крае: первым секретарем Ставропольского горкома ВЛКСМ, заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации, а затем вторым и первым секретарем крайкома комсомола.

В марте 1962 года М. С. Горбачев был выдвинут партгором Ставропольского территориально-производственного колхозно-совхозного управления, а в декабре того же года утвержден заведующим отделом партийных органов крайкома КПСС.

В сентябре 1966 года он избирается первым секретарем Ставропольского горкома партии. С августа 1968 года М. С. Горбачев работает вторым секретарем, а в апреле 1970 года избирается первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС.

М. С. Горбачев — член Центрального Комитета КПСС с 1971 года. Был делегатом XXII, XXIV, XXV и XXVI съездов партии. В 1978 году избран секретарем ЦК КПСС. В 1979 году — кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. В октябре 1980 года М. С. Горбачев переведен из кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР 8—11-го созывов, председатель Комиссии по ино-

странным делам Совета Союза. Депутат Верховного Совета РСФСР 10—11-го созывов.

Михаил Сергеевич Горбачев — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. На всех постах, которые ему поручает партия, трудится со свойственными ему инициативой, энергией и самоотверженностью, отдает свои знания, богатый опыт и организаторский талант претворению в жизнь политики партии, беззаветно служит великому делу Ленина, интересам трудового народа.

За заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством М. С. Горбачев награжден тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями.

ОБРАЩЕНИЕ

**ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС, ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР, СОВЕТА МИНИСТРОВ
СССР К КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ,
К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ**

Дорогие товарищи!

Коммунистическая партия Советского Союза, Советское государство, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни Константин Устинович Черненко — выдающийся партийный и государственный деятель, патриот и интернационалист, последовательный борец за торжество идеалов коммунизма и мира на земле.

Вся жизнь Константина Устиновича Черненко до конца отдана делу ленинской партии, интересам советского народа. Куда бы ни направляла его партия, он неизменно, с присущей ему самоотверженностью, боролся за претворение в жизнь политики КПСС, в рядах которой состоял более пятидесяти лет.

От комсомольского вожака и парторга погранич-

ԿՈՆՏԱՆՏԻՆ ՍՏԻՆՈՎԻՉ ՉԵՐՆԵՆԿՈ

ной заставы до Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР — таков жизненный путь К. У. Черненко. В высших постах в партии и государстве во всей полноте раскрылся его талант организатора, руководителя ленинского типа. Центральный Комитет партии, Политбюро ЦК КПСС во главе с К. У. Черненко вели большую и плодотворную работу по мобилизации трудящихся на выполнение решений XXVI съезда КПСС, последующих Пленумов Центрального Комитета.

Последовательно проводился курс на совершенствование развитого социализма, на решение крупных задач экономического и социального развития, повышение благосостояния советского народа, дальнейший подъем творческой активности масс, улучшение идеологической работы. В центре внимания партии постоянно находились вопросы укрепления дисциплины, законности и порядка, кадровой политики, активизации деятельности Советов, комсомола, народного контроля, школьной реформы, повышения общественной роли литературы и искусства. Ведется активная работа по подготовке к очередному, XXVII съезду КПСС, разработке новой редакции Программы партии.

На международной арене усилия партии концентрировались на дальнейшем развитии всестороннего сотрудничества с братскими странами социализма. С деятельностью К. У. Черненко связаны переход к новому этапу социалистической экономической интеграции, упрочение позиций социалистического сотрудничества.

ЦК КПСС, Советское государство твердо и последовательно проводили в жизнь принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем, решительно противодействовали агрессивным замыслам и устремлениям наиболее реакционных кругов империализма, неустанно боролись за прекращение навязанной империализмом гонки вооружений, устранение угрозы ядерной войны, за обеспечение надежной безопасности народов.

В связи с тяжелой утратой Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР обращаются к коммунистам, к советскому народу с призывом еще теснее сплотиться

вокруг ленинского Центрального Комитета партии и его Политбюро. В Коммунистической партии Советского Союза трудящиеся нашей страны с полным основанием видят руководящую и направляющую силу советского общества. Все дела и помыслы партии направлены на беззаветное служение коренным интересам советского народа, делу коммунизма.

КПСС вооружена бессмертным революционным марксистско-ленинским учением. Она неуклонно следует по пути, указанному Лениным, и с этого пути не свернет никогда.

Партия и впредь будет проводить курс на всестороннее совершенствование развитого социализма. Она считает высшим смыслом своей деятельности дальнейшее повышение материального и культурного уровня жизни народа на основе интенсификации экономики, всемерного ускорения научно-технического прогресса. Со всей настойчивостью будет все более полно осуществляться во всех сферах нашей жизни присущий социализму принцип социальной справедливости, неотступно проводится одобренная и поддержанная трудящимися страны линия на укрепление дисциплины, порядка, организованности. Партия и дальше будет укреплять союз рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, братскую дружбу советских народов, составляющих основу жизнедеятельности нашего общества, будет развивать социалистическую демократию. Партия считала и считает высшими духовными ценностями советских людей марксистско-ленинскую убежденность, коллективизм, патриотизм, пролетарский социалистический интернационализм.

КПСС, Советское государство делали и делают все возможное и необходимое для укрепления социалистического содружества, упрочения позиций социализма на мировой арене, для предотвращения ядерной катастрофы и обеспечения прочного мира. Мы хотим и настойчиво добиваемся прекращения гонки вооружений, предотвращения милитаризации космоса. Наша конечная цель — полное уничтожение ядерного оружия повсюду на планете, полное устранение угрозы ядерной войны. Советский Союз неизменно выступал и выступает за конструктивный диалог, за практические меры, ведущие к снижению международной напряженности,

к установлению атмосферы доверия, сотрудничества и взаимопонимания между всеми народами и государствами.

Советский Союз никому не угрожает и не стремится к военному превосходству. Но он не допустит того, чтобы какая-либо другая страна или коалиция государств получили такое превосходство. Вот почему мы и впредь будем неустанно повышать бдительность, крепить обороноспособность нашей социалистической Родины.

Наши симпатии и наша поддержка на стороне народов, борющихся за свободу и национальную независимость. В борьбе за мир и социальный прогресс КПСС неизменно верна последовательному курсу на всемерное сплочение сил международного коммунистического и рабочего движения.

Цели партии ясны и благородны. Они позволили КПСС снискать безграничное доверие трудящихся. В единстве с народом — сила партии. В единстве с партией, в ее руководстве — сила народа.

Константин Устинович Черненко, посвятивший всю свою жизнь верному служению партии, советскому народу, навсегда останется в памяти коммунистов, всех советских людей. Он останется в нашей памяти как страстный пропагандист марксистско-ленинских идей, как отзывчивый и требовательный руководитель, как человек чуткий и внимательный к нуждам и заботам людей труда.

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР твердо уверены в том, что коммунисты, все советские люди, проявляя высокую сознательность и организованность, будут трудиться с еще большим энтузиазмом и самоотверженностью, крепить экономическое и оборонное могущество нашей Родины, достойно нести знамя Великого Октября.

МИРНАЯ

Как повзрослели наши дети!
У них и мудрости порой
В вопросе больше, чем в ответе:
— Войну не победить войной?..

Сокрытой истины коснуться
Умеет их пытливый взгляд.
Над клоунами не смеются —
Над цирковой судьбой грустят.

Они великолепно знают —
Откуда? — кто их разберет —
Что реку преодолевают
Не на словах, а только вброд.

Когда в тревоге стынут дали
И в напряженье длятся дни,
Давно пора, чтоб все узнали,
Что знают исподволь они.

●
Припомните, в один из этих дней,
Когда к нам возвращались журавли,
Врагов мы принимали за друзей,
А мудрости безумство предпочли.

Но это все, конечно, не беда.
И стоит ли об этом сожалеть,
Когда помчалась талая вода
И время наступило птицам петь!

Но если тишина стоит стеной,
И мы друг друга можем потерять,
Тогда вот здесь, как и в глуши лесной,
Необходимо громко закричать!

Мгновение ты должен возвернуть,
Оно уже уходит, поспеши!
Поверь, сейчас ты должен поступить
По первому движению души.

Ты никогда не будешь горевать,
Что на пределе разума и сил,
Чтобы вернуть, спасти и удержать,
Какую-то черту переступил.

ДОРОГА, КОРРИДА, ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

А поезд, как бык, и ревет и летит,
И в этом полете утеряна мера.
Вселенная,
 словно коррида, гудит,
И машет луною,
 как желтым сомбреро.
Вот красным плащом поведет семафор,
И поезд, помедля,
 срывается с места,
Могучим загривком взметая простор...
И он тоже здесь...
 Он спешит на фиесту...

Грядущего колокол звонит по ком?..
Вдруг поезд на шпагу рассвета наткнется.
Но кровь на арене засыплют песком,
И зрелище вновь ни на миг не прервется.
Начнется такое, что только держись...
И нету оттуда обратного рейса —
Со смертью не соединяется жизнь
На всем протяжении,
 словно два рельса.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

Время — хладная могила,
Нет оттуда хода, нет!
Сколько дней оно и лет
Вычло или разделило.

От вопросов вспухнет темя,
А ответов не понять.
Все, что хочет доказать —
В срок само докажет время.

Ничего не объясняет;
Безошибочно оно.
А луна взошла давно
И задумчиво сияет.

Лунный свет мне волю свяжет,
Все пойдет и вкривь и вкось.
То, что мне не удалось —
Время все потом докажет.

ЛУКАВАЯ ЮМОРЕСКА

Щеколду отобью и смерти храм покину —
Отныне те врата отверсты для людей.

Но с дерева греха

бес прыгнет мне на спину,

Вопьются пятерни

дьявольских когтей...

О, как же мне стряхнуть тебя,

дьявол-сплетня,

Дьявол-зависть,

как тебя мне пристыдить.

Но мировой распад не отвратит обедня,

Вселенная умрет — ей предстоит остыть.

Вселенских катастроф предвестником визжащим

Дьявол тут как тут.

И, путаясь в ногах,

О будущем твердит, молчит о настоящем,

То чмокнет,

яд и мед оставив на губах.

Не соблазнитель, нет, дьявол — провокатор!

Он в золоте сидит, он блещет в хрустале.

Кричит: скорей, скорей!

Взгляни в иллюминатор —

На самолетном он кривляется крыле.

Истошно хохоча, в стволах взрывает порох,

В храбрящейся душе

он празднует труса.

О, правдолюбец мой, что ж ты увидишь в шорах

Дьявол их тебе надвинул на глаза.

У совести в ногах, как мина, он взорвется,

Едва на скользкий путь задумаешь ступить.

Продаст дьявол все, что только продается,

И остальное все попробует купить.

Бывает с виду он

застенчивым и скромным,

Бывает даже он пришибленным порой.

Появится — уйдет.

Прикинется бездомным,

Все смотрит на тебя с укором и тоской...

Но камня у меня за пазухою нету.

Пусть пристаёт, шустрит —

он сгинет, пропадет!

Не помешает мне

служить добру и свету.

Не замутить ему

бездонный небосвод!

Но если где-нибудь я человека встречу,

А на лице его дьявольская тень, —

Его улыбка вдруг

впивается мне в плечи,

И я иду домой и плачу целый день.

Перевел Сергей АЛИХАНОВ

Вахтанг ГОРГАНЕЛИ

ПЕПЕЛ

О, с той поры обожгло меня грозно и мощно
Жаром стихов — между жизнью и смертью на грани,
Пепел стучит в мое сердце и денно и ночью,
Пепел того, кто остался на поле брани,
Парень, в бессмертье шагнувший сквозь ад канонады,
Рядом со мной в этой жизни земной и мгновенной,
Грома раскаты — от песни его и гранаты,
Ясное небо — в улыбке его незабвенной!

...Он умирал на земле сталинградской, и ветер
Плакал, седой от пожарищ, от горя и гари,
Он угасал, но казалось, что лик его светел,
Словно зарницы от смерти его сберегали,
Он улыбался губами, сухими от боли,
Взрывы терзали и землю, и дальние дали,
Буря ревела, но слышало ратное поле:
Имя любимой бескровные губы шептали...

Как я хочу послужить своей песней герою,
Чтобы высокое мужество было воспето,
Как под горою слиянье Арагвы с Курою,
Как над горою сиянье небесного света,
Как я хочу, чтобы в мире бурлящем, огромном
Кончились разом все горести, муки и беды,
Как я хочу, чтобы в мире единственным громом
Был и остался салют светозарной Победы!

О, та война обожгла меня грозно и мощно
Жаром стихов — между жизнью и смертью на грани,
Пепел стучит в мое сердце и денно и ночью,
Пепел того, кто не дрогнул на поле брани...

В НОЧЬ ПОД НОВЫЙ ГОД

Друзья! Встречая Новый год,
Подыдем тост под мирным кровом
За то, чтоб не было невзгод
В военном зареве багровом,

Чтоб строил счастье мир труда,
А пушки больше не стреляли,
Чтоб ни за что и никогда
Друзей в боях мы не теряли!

Народ за правду стал стеной,
На подвиг шел, презрев усталость, —
Безмерно дорогой ценой
Победа Родине досталась.

Хочу я памяти помочь,
На песню грусть не променяю —
Под Новый год другую ночь
Внезапно я припоминаю:

Вот так же падали, скользя,
Снежинки с крутизны небесной,
И было их полет нельзя
Прервать ни выстрелом, ни песней,

Вот так же точно, ей-же-ей,
Как, может быть, во время оно,
Сосульки скалились с ветвей
Зубами снежного дракона,

Но притаилась в серой мгле
Бессонная передовая —
Мела поземка по земле,
Тревогу ей передавая,

Мела... Сыпучий снег уже
Скрипучий наст коврами выстлал,
Когда на главном рубеже
Меня в атаку поднял выстрел,

И вот с врагом пришла пора
Сойтись в жестокой рукопашной,
Взорвалось грозное «ура!»
Над заметенной снегом пашней,

Я в той атаке ранен был
Под Новый год в краю далеком,
И отгремевшей схватки пыл
Развевал ветер по дорогам,

А я под деревом лежал,
И неба сень меня касалась,
И сотни раскаленных жал
Впивались в грудь мою, казалось...

С тех пор прошло немало лет,
Немало судеб облетело,
Той новогодней ночи след
Хранят мои душа и тело.

Мы победили силы зла —
В ту ночь в трассирующих брызгах,
Я думаю, меня спасла
Любовь моих родных и близких...

Друзья! Встречая Новый год,
Подыдем тост под мирным кровом
За то, чтоб не было невзгод
В зловещем зареве багровом,

Чтоб строил счастье мир труда,
А пушки больше не стреляли,
Чтоб ни за что и никогда
Друзей в боях мы не теряли!

Перевел Глан ОНАНЯН

ДОРОГА В ДЕТСТВО

Р о м а н

ПРОЛОГ

В ПОЗАБЫТОЙ связке бумаг я случайно наткнулся на старые письма, и глаза мои невольно наполнились слезами. Ничего не поделаешь — годы. Эти пожелтевшие от времени листки могли вызвать грусть, сожаление, печаль, но... слезы?

«Пройдут годы — десять, двадцать, тридцать. Быть может, исчезнет и память о том ужасе, что зовется войной. Все позабудут, что нам пришлось перетерпеть, и этот холод, голод и одиночество покажутся неправдоподобными. Ничье сердце не сожмется от боли, никто не задумается о нашей судьбе, не вспомнит о нас...

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ГРУЗИНСКОМУ ИЗДАНИЮ

Большинство нынешних читателей имеет лишь опосредованное представление о времени, отраженном в произведении. То было время — и героическое, и трагическое, когда твердость духа человека подвергалась суровому ис-

пытанию. Именно эта твердость духа определяла его физическое существование.

Эта нравственная проблема в несколько измененной форме (но неизменная по сути), думаю, стоит и сегодня и, в том или ином виде, всегда будет стоять перед обществом, если оно не утратило способности мыслить.

Может, лишь мы, ты да я, оплачем детство наше. И если ты выживешь, и если ты вспомнишь раз, то даже в минуту счастья не поскупись на две три слезинки в память об этих днях.

Может, только эти слезы и будут последней данью памяти ушедших, символом той неутраченной боли, которая должна быть в сердцах тех, кто живет после нас и кто продолжает считать себя человеком...

Письмо написано девической рукой. Округлые буквы едва видны на широком листе, истершемся на сгибах.

В той же связке — треугольники фронтовых писем с номером полевой почты и тщательно зачеркнутыми военной цензурой строками — несколько фронтовых писем, написанных химическим карандашом.

«У нас уже настоящая зима. Больше всех страдаем от нее мы, кавказцы. Строевая подготовка измотала нас. Еще месяц, и нас пошлют в бой. Я наводчик противотанкового орудия... Беспокоюсь, как у тебя со здоровьем, я-то хорошо знаю, в каких условиях ты работаешь, какова эта работа...»

«Танк медленно приближался. В какой-то момент именно он стал для меня как бы воплощением фашизма. Он шел, грозно покачивая длинным стволом. Мы ударили по нему. Мимо. Ударили еще. И он изрыгнул на нас желтый огонь. Мы выстрелили в третий раз. Тут он дрогнул и остановился метрах в ста. Дали еще раз, и он взорвался дымно, как бочка с бензином...

Люблю свою пушку, как если бы она была живым

Лежащая перед вами книга — роман, а не воспоминания.

Я отмечаю это потому, что многие из читателей в письмах ко мне пытаются отождествить литературные персонажи с конкретными личностями.

Разумеется, живые корни каждого художественного про-

изведения питает авторский жизненный опыт, но известно и то, что искать конкретные личности без учета особенностей романного жанра — занятие, можно сказать, бесплодное.

Если эта книга вызовет сопереживание читателя, автор посчитает, что задача его так или иначе выполнена.

существом. Какая сила в ней, в такой маленькой! Стремительно идем вперед. Сейчас самое опасное — внезапная танковая контратака. Они сопротивляются ожесточенно, но мы все равно идем вперед...

Если ты повидашь цхнетского мальчика Фидо и сообщишь мне, как они там, станет легче на душе, по крайней мере о них тревожиться не буду...»

«Знаю, что дело свое я делаю хорошо и нахожусь там, где должен находиться. У меня уже две медали. Представлен к ордену «Красной Звезды». Дадут троим, так нам сказали...»

«...Я верю, что когда-нибудь и нам улыбнется судьба. Именно сейчас во мне с такой силой вспыхнула любовь к тебе, что она душит меня. Где я был до сих пор? Может быть, близость смерти обостряет чувства? Я понял, существуешь только ты и моя любовь. Я тоскую по тебе. Умоляю тебя, заклинаю памятью матери — покажись врачам в своем госпитале и сообщи мне правду...»

Удивительно, эти пожелтелые от времени листки должны бы, наверно, вызвать печаль, сожаление, боль и грусть, но слезы?!

Ведь прошло сорок лет!

●
Прошло сорок лет, а я, оказывается, помню все! Помню отчетливей, чем вчерашний день!

И мне захотелось, остро и нестерпимо захотелось рассказать некоторые эпизоды из той жизни, которая была и которой уже нет. И больше никогда не будет. Не будет, потому что, хотя и говорят, будто все повторяется, но ничего не повторяется, ничего, кроме человеческих характеров.

Это нестерпимое желание и принудило меня написать роман-воспоминание и описать все так, как я видел и слышал. Слышал от тех, кто живет и умирает в этой книге. У меня сохранились их письма, стихи, дневники (увы, лишь малая их часть!).

Сегодня я смотрю на все их глазами и сквозь набивавшие слезы вижу безмерную скорбь на их угасших лицах...

Удивительно схожи судьбы людей того поколения. То, что пережили они, пережили и тысячи других. И

то, что рассказано на этих страницах, рассказано и десятками других. Но разве главное в этом?

Главное, как взглянешь на события прошлого, столь общие для многих, какие чувства и мысли, какой нравственный долг заставит тебя взяться за перо, какая внутренняя потребность заставит тебя написать книгу-воспоминание, книгу-помянутое, книгу-реквием...

Трудно определить точно, когда начинается дорога в детство.

Если все же верно, что дорога в детство начинается тогда, когда кончается дорога из детства, значит, действительно, мы жаждем оглянуться назад именно на пороге вечного безмолвия.

И удивителен непостижимый закон круговорота времени — приближаясь к концу, мы неизбежно оказываемся в начале пройденного пути.

Давно разошлись наши дороги, но одно лицо и одна улыбка постоянно преследуют меня, с непонятной силой влекут назад, возвращая на тот самый путь, которым я пришел.

Осторожно, не спеша, с каким-то трепетом приближаюсь я к прошлому.

Слетают листки с перевернутого календаря, и шаг за шагом, точно во сне,

иду я к туманным картинам тех далеких дней.

Все отчетливее проступает в их глубине образ прошлого, и я вспоминаю все, вспоминаю, как слышанный некогда, знакомый, но теперь уже давно позабытый мотив, далекий, словно испарившийся из пустого флакона аромат духов.

Я встал на дорогу в Детство.

Собрал свои пожитки и пошел по тропинке, знакомой мне одному.

Ноша моя легка, в душе звучит далекая музыка, я иду и иду, а там,

в недрах прошлого,

то возникает, то исчезает, то лучится, то угасает,
то приближается, то отдаляется это лицо и эта улыбка.
Я иду к тебе, о миг вечного безмолвия...

041135340
30230110333

Первое слово — рекам.

И сейчас стоит в ушах их журчание.

И слышится забытый мотив.

Три реки навечно завладели нашими душами и нашим разумом, стали постоянными спутницами безгрешного детства. Все три с шумом сбегают с гор, то бешеные и мутные, они все крушат и разносят на своем пути, а то прозрачные, как родниковая вода, игриво плещут прохладные волны о зеленые валуны.

И других рек немало было в нашей жизни.

Иные из них мы переходили вброд, иные так и остались непреодоленными.

Но те три памяты особю.

Это были реки первого смятения, это были реки первой любви, купели, в которых крестили наши души, они первые приобщили нас к ласкам и гневу непознаваемой стихии, дали почувствовать ее силу; зеркала этих рек были первыми зеркалами, в которые мы всматривались, робко приближаясь к их таинственным берегам.

«Я помню, впервые меня в школу собрали»... И сейчас звучит в ушах эта бессмертная и печальная песенка о мальчике, увезенном далеко-далеко от родных мест, и именно ей, как эхо, вторят неустанные и нескончаемые плеск и журчание тех удивительных рек...

Ведь и мы, люди, подобны рекам. Всегда одни и те же и в то же время другие. То взволнованы, то спокойны, то спешим, то еле тащимся. Куда?!

И эта наша нескончаемая дорога обрывается так внезапно, что мы даже не успеваем осознать, как и зачем попали в этот стремительный водоворот, зачем мы вновь и вновь неустанной волной вливаемся в этот извечный бег и, кружась в бесконечном круге от условного начала до условного конца, вечно стремимся и стремимся куда-то...

Тихо звучит какая-то музыка, и тускло светится звездочка на полутемном небосклоне.

Светает.

В глубоком сне девочке слышится зов.

С усилием выныривая из забытья, она открывает глаза.

Легкая дымка серого света, просачиваясь сквозь высокое окно, заполняет комнату.

В окне видна кудрявая голова мальчика. Он делает знак рукой — скорее, мол, чего ты копаешься!

Девочка быстро одевается, открывает окно и легко прыгает во двор прямо в высокую, мокрую от росы траву.

Из-под лестницы они выносят длинные бамбуковые удочки и, взявшись за руки, бегут через кукурузное поле.

Издалека доносится приглушенный шум реки.

Над небольшим омутом, шелестя, колышутся длинные листья ивы.

Вода кажется темной, в ней отражаются белые облака, но если внимательно приглядеться, она прозрачна.

Вот-вот взойдет солнце.

Девочка и мальчик молча улыбаются друг другу, словно радуясь тому, что они совершенно одни в этом огромном, пустом мире.

— Поймай, пожалуйста, золотую рыбку, — то ли просит, то ли приказывает девочка.

Лучи восходящего солнца еще не позолотили ветви ив. Застыл, как изваяние, мальчик с удочкой в руках, а рядом, протянув руки навстречу восходящему солнцу, словно в ожидании чуда, стоит и смеется девочка...

Сейчас я гляжу на старое фото: с линялого картона на меня смотрят дети, смотрят напряженно, прямо в глаза, и слегка улыбаются.

Кому же досталась Золотая рыбка?

К сиротливому звуку музыки добавился еще один, и слышится уже знакомая мелодия. В обратную сторону крутятся стрелки часов, сменяются день и ночь, тень и свет, становятся отчетливее звуки, и музыка постепенно набирает силу.

И на экране памяти остроконечными цифрами прежде всего возникает тот самый, недоброй памяти год...

Зеленые горы Шови и снежные вершины (в тот год большей частью покрытые туманом) — словно вехи на пути к тому пронзительному воспоминанию, к которому продираешься сквозь густой частокол лет...

В августе начались ливни, и все вокруг было затоплено — ручьи и ручейки, стекаясь, образовали большую реку, которая, зло взревав, глотая огромные глыбы земли, ринулась на равнину.

Исчезли тропки, аробные пути и дороги смыло, Шови оказался в ловушке.

Ливни вскоре прекратились, и опять стало припекать горное солнце, но август был уже на исходе, и городские школьники, отдохавшие летом с мамами в богом забытом Шови, из-за бездорожья опаздывали к началу занятий.

В то лето взрослых мучила какая-то большая, непонятная детям тревога, и из-за препятствия на пути вниз, в долину, в город, все будто с ума посходили.

В одно воскресное утро из нижнего селения по бездорожью поднялся сотрудник курорта и сказал, что из Они за нами идет Евгений Мизандари.

Через день появился и сам Евгений, привел с собой четырех лошадей и одного проводника.

Быстро собрались, и вскоре маленький караван двинулся в сторону Они. Шли медленно, то по склонам невысоких гор, то по берегу реки, через ручьи, редкий ельник и колючий кустарник.

Первым, ведя на поводу лошадь, в сапогах с высокими голенищами, шел Евгений Мизандари — мужчина с орлиным носом, серыми глазами и ранней проседью в зачесанных назад волосах.

Он прокладывал путь. Когда испуганная воем реки или обрывистой тропинкой лошадь артачилась, он поворачивался и молча, успокаивающе гладил ее по шее.

В пути раз ненадолго остановились — на одной из

лошадей ослабла подпруга и багаж съехал набок. Пока проводник и мальчик возились с лошадью, Евгений задумчиво глядел на горы. Далеко позади виднелась снежная вершина, освещенная сверху солнцем, а снизу до половины скрытая в тумане, она казалась подвешенной. Долго, не отрываясь, глядел он на нее.

Девочка смотрела тоже, и ей одинаково высокими казались и белая вершина, и стоящий рядом с ней сидящий мужчина.

— Поехали, ты еще не раз увидишь их, — он кивнул в сторону гор, затем, положив на ее хрупкое плечо тяжелую руку, слегка подтолкнул девочку и зашагал сам.

Шли целый день и под вечер наконец добрались до Они.

Остановились в старенькой гостинице.

Уже смеркалось, когда Евгению принесли телеграмму из райкома.

Он молча прочел ее и, пряча глаза, сказал женщинам:

— Срочно вызывают в Тбилиси. Я должен ехать немедленно...

Затем он поцеловал мальчика и девочку и вдруг улыбнулся растерявшимся женщинам:

— Отсюда до Кутанси доберетесь сами, насчет лошадей я уже сказал кому надо, а из Кутанси до Тбилиси, как вы, наверное, помните, ходят поезда...

Потом он вскочил на коня и исчез во мраке наступившей ночи, исчез навсегда...

Стоя на скрипучем балконе деревянной гостиницы, мальчик и девочка смотрели на горы, смотрели, как медленно всходящая луна серебрила их далекие снежные вершины...

Трудно идти по берегу моря, когда нога по щиколотку проваливается в горячий песок, солнце нещадно печет бритую голову, по щекам стекает горячий пот, да еще вдобавок на тебе длинные брюки, с которыми ты не желаешь расставаться.

Но дедушка идет, должен пройти и ты эти горячие как огонь сто метров. Ведь видишь, что старику

хуже, чем тебе: черная шерстяная чоха стягивает ему грудь, на голове у него папаха. И все же он, не обращая внимания на насмешливые взгляды купающихся, гордо шагает к морю.

Море Кобулет и песок Кобулет, два цвета — синий и желтый, и третий — зеленый ряд деревьев вдали.

— А ну, входи! — подталкивает тебя дедушка. Нерешительно ступаешь в воду, но только набежавшая слабая волна лизнет колени, невольно отступаешь назад.

— Входи, входи, не бойся! — спокойно повторяет высокий стройный старик, снисходительно оглядывая отдыхающих, в причудливых позах распростертых на песке.

Тебе стыдно и длинных своих брюк, и белизны своего тела, не хочется выделяться среди этих дочерна загоревших людей, стыдно, что тебя привел смешной старик в чохе и с кинжалом. Дедушка же спокоен и сам с насмешкой смотрит на тех, «что совесть потеряли и лежат в чем мать родила». Увоенные в незапамятные времена, еще, наверное, в девятнадцатом (представьте, в де-вят-над-ца-том!) веке, правила для него непреложны, несмотря на то, что «и революция разразилась, и большевики пришли», и в деревне, в прадедовском его доме, поместили колхозную контору и устроили склад, и зять у него — «коммунист в косоворотке, безродный Мизандари!»

Нет, что ни говори, рассуждает иной раз дедушка, царское правительство следовало-таки свергнуть, скинуть к чертям. Разве можно забыть стыд и позор, испытанный в войне с японцами, разве можно забыть, как бежали по Маньчжурии, продираясь сквозь посеvy гаоляна, забыть нерешительность Куропаткина, измену Стесселя? Тогда и следовало скинуть Николашку, губителя страны, безвольное отродье великих предков, и все пошло бы хорошо. Вот кто был государственного ума человеком, так это Витте, Витте, выросший у нас в Тифлисе, умный, сильный...

Кто теперь помнит старые истории? Бережно хранит дедушка на дне заветного сундука вместе с боевыми наградами завернутые в папиросную бумагу красивые альбомы времен японской войны...

Но то, что случилось потом, было совершенно непо-

ннятно, неожиданно и необъяснимо... Была ведь демократия, немного продрали глаза, слегка распогодилось, и снова небо покрыли тучи... Вот тебе и демократия! И собственную семью не уберег — как налетела буря, так и развалилось все. И дочь — опору, любовь и надежду — вскинуло грозным прибоем на гребень волны. Как же все это случилось?

Откровенно говоря, эти большевики, видимо, не совсем неправы, есть у них какие-то высокие цели и на словах много хорошего хотят для народа. Ну и дай бог им во всех делах хороших. Но очень уж грубо ведут они себя, очень уж размахивают кулаками. И этот их странный подход ко всему с позиций «классовости»! Я и мне подобные, что мы за «класс»? Положим, я, еле-еле сводящий концы с концами дворянин, люблю свой двор, свою деревню, свою церковь и свой язык — разве это преступление? Если я осознаю себя просто грузином и не могу сделаться большевиком — это что, тоже преступление? Да, батона, мне приятно, когда крестьянин меня уважает, а разве я его не уважаю? Если он мне небольшое поле прополот, а я его ребенка крестил, что, это и есть «борьба классов»?

Может, я не понимаю всего, ведь я все же старый человек, жизнь-то у меня вся позади и по чему-то прошедшему плачет сердце мое, но что мужество неотделимо от чести и честности, добра и доброты, это и в «Вепхисткаосани» написано, пусть возьмут и почитают, разве это не интереснее их писуллек?..

Эх, что есть то есть! Хоть этого парня не дам им испортить, а в остальном вот вам, батона, и карты в руки, все ваше, действуйте! А я скажу, как сказал бы мой блаженной памяти отец, — воды уйдут, песок останется...

Мальчика удивляет, что, проигрывая в частых словесных дуэлях с молодыми, дед и бровью не поведет и почти всегда выглядит победителем. Какой дух, какая сила кроется в этом длинном и худом, как жердь, теле?

Мальчик хорошо помнит беседу, которая недавно состоялась между отцом, матерью и дедом.

Дедушка говорил:

Женщине положено заниматься семьей, чтоб гото-

вить достойную смену старшему поколению, если же она бегаёт по собраниям, а дома у неё дитё плачет, тут больше вреда, чем пользы.

Если ребенок остался без присмотра, то он и воровать станет, и поножовщиной займётся. («Женщина, пойми, ребенок должен расти в семье, ваша школа и игра в пионеры не помогут его воспитанию!»).

Правда — она всегда есть правда, а ложь всегда остается ложью, из чьих уст она ни исходила бы; ваш «класс» тут ни при чем.

Честность нужна во всем, жулик останется жуликом, лентяи на этом свете не переведутся, исправить и уравнивать всех невозможно. («Скоро вы сцепитесь друг с другом, и не дай бог дожить мне до этого!»).

Верность всегда есть верность, измена — всегда измена, и «классы» тут ни при чем; ум и дальновидность нужны всегда («зачем вы разрушаете церкви, это ведь и памятники культуры тоже, прошлое народа, когда-нибудь вы пожалеете об этом, но будет поздно»).

Неправилен и ваш «классовый» подход к морали (тем более ваш, «мужицко-пролетарский»), он подрывает веками выработанные народом нормы и окончательно развращает всех («сын донес на отца, что он, дескать, кулак, отцу не жалко было сына убивать, вы же — отца расстреливаете, а сыну — памятник ставите, это нравственно?!»).

Дедушка не говорил так складно, это мать формулировала его мысли. В пылу спора дед разгоряченно выкрикивал отдельные фразы, мать тут же систематизировала их и спокойно отвечала: да, мы создаем новое общество, у которого будет новая мораль, и совсем скоро не будет угнетенных и угнетателей, лентяев и жуликов, бедных и богатых; кто за это — тот с нами, кто против — тот враг; на этом и зиждется новая мораль. Вместо старых церквей построим советские символы культуры — просторные светлые клубы и дворцы, проведем электричество, радио, появятся кино, театры, новый быт, женщина раскрепостится, детей по-новому будет растить новое общество («ах, вы, несчастные!» — время от времени выкрикивал дед)...

В большинстве случаев отец от души смеялся над горячностью деда, иногда поддерживал мать, но так, чтоб старик не обиделся.

Этот исторический спор закончился победой матери. Так и должно было случиться, ведь мама — удивительная женщина! Сперва она назвала идеи деда «мелкобуржуазными», потом пришила ему «беспочвенную амбицию разорившегося дворянства»! Но именно дедушка с победным видом встал со стула, гордо прошелся по комнате, погладил мальчика по голове и, спокойно сказав «так-то, мои просвещенные господа», вышел во двор.

Несмотря на его взгляды, бытовавшие разве что только в «эпоху динозавров» (слова матери), люди уважали деда. Он никого не боялся, спорил всегда горячо и интересно. Отец часто спрашивал его мнения, иногда просил рассказать что-нибудь. «Вот бы сделать из вас коммуниста, — шутил отец, — мы бы с вами, с вашим опытом и напористостью горы свернули бы!». Дед улыбался и отвечал: «Нет уж, я добрый, таким и хочу умереть». Мать очень любила деда. «Ну и что, если он не может мыслить по-новому, — часто говорила она мальчику, — он человек старого склада, что поделаешь? Зато он честен и верен своим принципам, я бы хотела, чтоб в этом ты был похож на дедушку».

Эх, эх, — вздыхает мальчик. У всех что-то есть свое, что-то интересное, а ты из последних сил стараешься быть похожим на них, делать только добро и за все отвечать перед своей честью и совестью. Но, несмотря на это, они, другие, тебя не замечают, как если бы ты был букашкой; что ты есть, что тебя нет — все равно! И этому ничем не помочь.

Эх, трудна жизнь маленького человечка! В этом огромном, как синее море, необъятном мире ты подобен маленькой желтой песчинке. Песок и море...

Над головой стоит дедушка, множество глаз смотрит на тебя, к тому же море манит прохладой, ведь песок горячий как огонь. Ты должен решиться, должен решиться!

Решаешься и ступаешь в воду. И ласковая синяя волна, желтый берег, зеленая полоса деревьев и палящее солнце умиротворяют и погружают в такое блаженство, что уже не хочется думать ни о чем другом.

Все громче и громче звучит знакомая музыка, она гудит в ушах, грохочет и гремит.

Однажды мальчик не пришел в школу, и девочка решила проведать его. Влетев в знакомый подъезд, она, не переводя дыхания, взбежала по лестнице. Поднявшись на цыпочки, только хотела было позвонить, как вдруг дверь открылась сама и кто-то невидимый выпустил огромную собаку. Выпустил, и дверь тут же закрылась.

Девочка отпрянула. Большеголовое, с квадратной мордой чудовище смотрело на нее, вытаращив коричневые глаза. Замерев, девочка не смела шелохнуться.

Собака обнюхала ее ноги, затем спокойно отвернулась и, царапая ступеньки и раскачивая толстым задом, стала спускаться вниз. На повороте она вновь оглянулась, вильнула на прощанье смешным, коротко обрубленным хвостом и исчезла.

Только тут девочка перевела дух. Она немного подождала и, убедившись, что собака сошла по лестнице во двор, кинулась домой. У нее возникло такое чувство, будто рядом со знакомым и привычным миром существуют еще иные миры, где все ей незнакомо, чуждо, страшно... Это открытие потрясло ее.

Музыка смолкла, расколов воздух, замер последний аккорд. Настала такая тишина, что ушам стало больно.

Вновь смотрю на старое фото, вновь оживают отголоски тех переживаний, вновь смотрят мне прямо в глаза и печально улыбаются дети.

И снова я вижу берег синей речки, сверкающую в лучах солнца золотистую рыбку и жадно протянутые к ней худенькие руки девочки... Кому же эта золотая рыбка досталась в конце концов?

Удивительна романтика... поезда. Обыкновенного поезда, длинного ряда вагонов с шумным паровозом или тихим электровозом во главе. Летом и зимой, ночью и днем с грохотом врываются они в это тесное ущелье и, с трудом одолевая подъем, исчезают за поворотом. Поезда идут и идут, полные равнодушно смотрящих в окна людей. Они идут и в одну сторону

и в другую, идут друг за другом, идут бесконечной чередой.

Незабываемый запах шпал... Вкус собранной на кустах вдоль полотна ежевики... Холодная как лед пристанционная вода и вечно шелестящие огромные липы...

В полночь на опушке леса вокруг костра сидят пять мальчиков и девочка. Таинственно шумит лес, с неба светит тоненький ломтик луны, неподалеку, жуя жвачку, вздыхают коровы и журчит речка.

Ребята жарят на костре молочную кукурузу и рассказывают друг другу разные истории.

— Потом Хандиа спустился со скалы, взвалил на плечи убитого тура и притащил домой...

Мальчик замолкает и проворно вытаскивает из горячих углей жареный початок. Все молча следят за ним. Он вгрызается в початок редкими крупными зубами, обжигается и дует на него.

Раскачивая язычки пламени, шелестит ночной ветерок. Ребята ближе придвигаются к костру, обгрызенный початок с шумом плюхается в воду.

— Затем Хандиа отнес тушу тура старухе, старуха отдала его крестьянину, крестьянин — старосте, староста — дворянину, дворянин — князю, князь передал визирю, визирь вырезал у тура сердце и поднес его царю. Царь велел отпустить красавицу, внизу ее ждал Хандиа. Он повел ее к подножию той скалы, где убил тура, там они и поселились, у них родилось множество детей. С тех пор это место зовется Хандисубани. Вот оно там, — указывает мальчик рукой куда-то в темноту.

— Ты тоже из Хандисубани? — спрашивает его девочка.

— Тамошний он! — дружно отвечают ребята.

— Потому тебя и зовут Хандиа?

— Потому! А еще его зовут Нодар, и Хандиа, и Тыква!

Хандиа живо извлекает из огня жареный початок, подбрасывает его в руках, дует на него и, протягивая девочке, говорит:

— Теперь ты рассказывай!

Девочка едва касается горячего початка зубами, у кукурузы привкус золы.

— Хорошо, — говорит она, вертит в руках початок и дует на него.

Мальчики подбрасывают в костер хворост, ярко вспыхивает огонь. Они усаживаются, и девочка начинает:

— Было иль не было, было это за девятью горами и девятью морями, в некотором царстве, в некотором государстве. Жил в той стране один бедняк, очень способный парень...

Ребята задумчиво слушают ее. Вдали слышится гул, за рекой из-за поворота внезапно вырывается мощный сноп света, он разрывает темноту и освещает склоны дальних гор.

— Раз, два, три, четыре, — начинают ребята считать хором.

Облитый слабым лунным светом, с грохотом и перестуком колес идет товарный состав. И горы словно тоже гудят, дрожат, сотрясаются. Перед тем как нырнуть в тоннель, электровоз мощно ревет, и вот разинутая черная пасть поочередно заглатывает вагоны.

— Тридцать два! — дружно заканчивают ребята, когда тоннель поглощает последний вагон. Некоторое время издалека еще доносится грохот и перестук колес, затем все смолкает, и вновь слышен шум речки.

— Отец его работал на руднике, где уголь добывают...

— Такой рудник зовется шахтой, — проговорил Хандна.

— Да, шахта. Парню было уже восемнадцать, а он ни читать, ни писать не умел, но был у него врожденный дар — он все время что-то изобретал, совершенствовал разные машины, а когда в доме не было денег, сапожничал, чинил соседям обувь...

Мальчики глядят на свои босые ноги, лишь на девочке городские сандалии.

— Но вот юноша возмужал и обзавелся семьей. К тому времени он изобрел машину, которая изумила всех — машина передвигалась сама...

— Автомобиль? — живо спросил один из мальчиков.

— Паровоз, балда! — выкрикнул Хандиа, щелкнув парня по голове двумя пальцами.

— Очень уж он мучился, тот человек. Никто не доверял, кто колдуном его называл, кто — лгуном, никто не мог понять, как может ездить телега без коня или быка. Много несчастий свалилось на него. Умерла жена, отца ошпарило паром, но он упорно продолжал работать. И вот один богач смекнул, что можно на этом заработать деньги и разорить других богачей. Он помог изобретателю. Тот построил свою машину, поставил ее на рельсы и получился паровоз...

— Как зовут этого человека? — наперебой спрашивают ребята у девочки.

— Это Стефенсон, я давно догадался, — говорит Хандиа и смотрит девочке в глаза. — А про Эдисона тоже знаешь?

— Знаю, — говорит девочка и теперь сама протягивает жареный початок Хандии-Нодару-Тыкве.

И безмолвные ночи, таинственный шелест леса и несмолкаемый шум речки, эти всегда одинаково очерченные, освещенные бледной луной, далекие, но все же родные горы, эти добрые ребята, костер и сказка рождают в сердце девочки странное чувство: ей хочется взлететь к небу и объять все единым взглядом, одним ласковым чувством, чувством благодарности за свою причастность ко всему вместе и к каждому в отдельности.

Словно хочет высказать она всему этому таинственно прекрасному и родному миру доселе никем не высказанные, зародившиеся лишь в ее душе созвучия слов, и хочется ей раствориться в нем, стать с ним единым целым и испытать то неизведанное блаженство, которое обязательно должно последовать за этим.

Уже давно перевалило за полночь. Не слышно ни звука, тишину нарушает лишь протяжное журчание речки да коровы жуют жвачку невдалеке от догоревшего костра. Уснувшим мальчикам снятся паровозы. Укрытая тулупом, лежит девочка, в широко раскрытых глазах ее отражается нарождающаяся заря и в дрогнувшем ее существе прорастает слабый, теплый росток поэзии.

Собственно говоря, Тбилиси — город небольшой. Улицы, переулки, улочки и проходы сбегаются к двум главным магистралям — проспектам Руставели (бывший Головинский) и Плеханова (бывший Михайловский).

Площадь тоже одна — Федерации, бывшая Эриванская.

Просторы Ваке, Сабуртало и Дигоми — свободны, Глдани — довольно отдаленное селение. Чтоб подняться в Цхнети, надо совершить целое путешествие. Здание дома специалистов — последнее, за ним простираются широкие пустыри.

Вдоль правого берега Куры с раннего утра снуют рабочие с тачками и лопатами — широко разливающаяся река будет заключена в бетонное русло. На левом берегу — старые мельницы и район, который называется Пески.

Ломают старый караван-сарай. Центр города с Майдана постепенно перемещается на площадь и проспект Руставели.

Напротив Кашуэти разрушили старый военный собор и готовят место для будущего Дома правительства (никто не знает, когда начнется строительство, еще и проект не утвержден).

Закладывают фундамент для огромного корпуса одиннадцатизэтажного дома, там же, напротив, на холме стронтся цирк, дальше — новый мост, за мостом — стадион.

И все же Тбилиси маленький город. Тем он и хорош. Недаром говорят: чихнешь на проспекте Руставели, а с проспекта Плеханова тебе крикнут: «Будь здоров!». Этим, наверное, хотят сказать и то, что в городе с необыкновенной быстротой распространяются слухи: сказанное в Сололаки через десять минут повторят тебе в Сванетисубани.

Несколько оторван от города Авлабар, это словно иной мир, иной город. Горбатый Мухранский мост — условная граница меж этими двумя мирами.

За вокзалом — Нахаловка, не то город, не то село...

В Тбилиси мало автомобилей. По проспектам Руставели и Плеханова ходит грохочущий трамвай.

Трамвайные линии под разным углом перерезают площадь Федерации. Скоро по Плехановскому троллейбус. Это будет маршрут № 1. Город еще фаэтонов.

Будут рушить старую кирку на улице Жореса (бывшая Кирочная), начнет обновляться здание вокзала.

В Ваке трамвай ходит лишь до университета, который стал называться педагогическим институтом (прошел слух, что скоро все будет по-прежнему и вернут ректора Джавахишвили).

Тут же, над оврагом Варазисхеви, перекинут мост с деревянными перилами.

Улица Марра так узка, что можно пожать руку человеку, стоящему на противоположном тротуаре.

В центре, у Пушкинского сквера, возводят трибуну из белого мрамора — тут будут принимать парады. Пушкинская улица сбегает к Куре и упирается в Солдатский базар.

Через прекрасный Александровский сад, перерезая его пополам, прокладывают улицу, чтоб с проспекта сюда перенести трамвайную линию.

На улице Читадзе завершено строительство современного здания республиканского партийного центра.

Перед знаменитой Первой школой (Первая трудовая показательная!), целиком закрыв ее фасад, построили длиннющий универмаг под низенький ампир. На улице Чонкадзе (бывшая Гудовича) заканчивают строительство «банковских домов».

На вершине Мтацминды разрушили остроконечную верхнюю станцию фуникулера и возводят огромное плоское здание.

И все же Тбилиси провинциальный город. Как у истинного провинциала, у каждого тбилисца несколько странное представление о своем городе:

Тбилиси — второй Париж.

Фуникулера, подобного тбилисскому, нет на свете.

Тбилисский стадион будет красивейшим в мире.

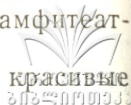
Тбилиси — самый театральный город.

Проспект Руставели — самый красивый на земле.

Тбилисские бани самые уникальные.

Это единственный город, построенный амфитеатром.

По тбилиским улицам ходят самые красивые женщины в мире...

Идет строительство. И Тбилиси все тянется и тянется в длину, вдоль Куры (а куда же еще?..)

Идет строительство, и в несколько лет так изменится лицо старого, маленького Тбилиси, что он станет копией других городов.

Это закон урбанизации, и его не избежать.

Если только не появится облеченный властью человек с умной головой и заботливыми руками, скоро исчезнут и изящные домики с деревянными балкончиками, и тенистые дворики с кустами пахучего жасмина и деревцами тбилиских акаций, будут уничтожены уютные улочки и даже целые кварталы (уже многое успели разрушить!).

Скоро город пересекут широкие проспекты, будут возведены огромные, современные дома, застроены окрестные пустыри, все ринутся в город, и деревни опустеют. И Тбилиси станет таким, как все современные города.

С годами исчезнет и романтический колорит улиц. Умрет провинциальный патриотизм, который был так же к лицу городу, как притаившаяся на груди Мтацминды белая церквушка...

Если рассуждать здраво, чем это плохо? (Но когда это тбилисцы рассуждали здраво?!). Всякий рост сопровождается какой-то болью. Все хотят жить с комфортом, все хотят пить чистую воду Натахтари вместо мутной воды Куры, все хотят иметь изолированные квартиры и пользоваться удобным городским транспортом. И в то же время никто не хочет расстаться с тем тбилиским бытом, одновременно и трудным и жизнерадостным, привычным и неустроенным, который сложился давным-давно.

И оплакивает оседланная железобетонными мостами Кура старенький паром, мельницы, Муштаид, Пески, Мадатов, Ортачала. И безмолвно плачут сердца стариков по тому, что было, еще немного осталось и никогда больше не будет, никогда...

Но ведь всегда было так! Тбилиси прошлого века не похож был на город позапрошлого, так почему же

город двадцатого века должен сохранять свой старый облик? И никто не знает, что будет в двадцать первом веке...

И все же, что бы ни случилось, Тбилиси все равно останется Тбилиси. Изменится его облик, расположение, формы, высота, изменится его население, но та закваска, основа, тот корень, который не описать и не выразить словами, то, что зовется просто Тбилиси, вечно и неизменно: он все переплавит в своем горниле, все переделает на свой лад и всех, кто будет здесь жить, превратит в истинных тбилисцев...

Склоны Мтацминды и Сололаки. Улицы Вознесенская, Лермонтовская, Чонкадзе, Школьная, Читадзе, Проточная, Бесики, Грибоедовская, Судебная, Комендантская..

Они, мальчики и девочки, маленькие жители этого расположенного на склонах горы квартала, тысячу раз встречали необыкновенные тбилисские рассветы и тысячу раз наслаждались прохладными после знойного дня вечерами, когда внизу город, расцвеченный множеством огней, перепоясанный серебристым ремешком Куры, мигая и искрясь, казалось, уплывал в сторону угадывающегося в синей дали Кавкасиони; на их глазах много раз запорашивало снегом эти родные улицы, и тогда, зная, как коротка тбилисская зима, они с утра до ночи барахтались в пушистом снегу, съезжали на самодельных санках по одной улице до самой Эриванской площади, а по другой — до проспекта Руставели напротив оперы; много раз знойное тбилисское солнце размягчало асфальт этих улиц, и тогда каблучки стройных тбилисских модниц оставляли на них зримые следы; а неугомонные мальчишки чуть ли не каждый день перегораживали улицы футбольными воротами, гоняя то резиновый, то тряпичный мяч, не давая проехать не только двуконным фаэтонам и легким тележкам зеленщиков, но и редким громоздким автомобилям, которые начинали тогда сердито и хрипло гудеть...

Улицы были узкими и тенистыми, со множеством спусков и подъемов. Дома были построены большей

частью в то время, когда разбогатели тифлисские промышленники и торговцы и сложился своеобразный солидный стиль буржуазных особняков, которые теперь называют «старыми домами».

Но ведь когда-то и они были новыми (новое тоже когда-нибудь назовут старым!), на них (дело своих рук) с гордостью смотрели строители, и по этим комнатам радостно бегали дети, тут качались колыбели, рождалось множество дум и надежд...

Волна новой жизни разбросала, разметала тех людей, но дома остались: отделанные мрамором подъезды, толстые стены, высокие потолки (столь необходимые в знойном городе) и широкие окна с толстыми стеклами, ажурные балконы полукругом, тесный белый камень, огнеупорный красный кирпич, круглые, как колодцы, дворы, низкие арки...

Этот квартал стал особенно тихим, когда убрали трамвайную линию, поднимавшуюся к подножию фуникулера (линия была однопутной, один-единственный вагон бегал вверх и вниз), улицы совсем затихли и затенились высокими деревьями. Голые склоны нависающего над кварталом хребта постепенно тоже оделись в зелень.

Видели ли вы сад Бесики тридцатых годов? Видели ли вы эти улицы в те времена? Впрочем, кое-что от тех времен сохранилось в этом квартале, но улицам поменяли названия, а новые дома постепенно поползли вверх по склонам горы и теперь сверху глядят на город.

Никому не дано знать заранее, что запечатлится в его душе, какое неожиданное, быть может даже незначительное и случайное событие затронет дремлющую до того струну.

Внезапно прогрехотал гром, и мальчик вздрогнул. Он закрыл книгу, поднял голову и прислушался. Непрерывные раскаты грома сотрясали окна. Творилось что-то непонятное. Он выглянул из окна и увидел поток крупных градин, белый ливень сыпался с неба и устилал двор и улицу бугристым ледяным ковром.

Мальчик выскочил в подъезд. Все окутала непонятно откуда взявшаяся в полдень темнота, с шумом и

треском падали градины. Но вот град постепенно перешел в проливной дождь, из водосточных труб захлестала вода и потоком хлынула во двор с высокой стены сада.

Теперь мальчик кинулся в сторону улицы. Мостовая превратилась в ревущий поток, вода стремительно неслась вниз по спуску.

«Сколько воды набежало!» — подумал было мальчик, и вдруг пронзительный крик заставил его замереть. Крик доносился со двора. Он бросился туда. К женским воплям прибавился мужской рев. Мальчик выглянул.

Срывающийся со стены сада поток воды заливал подвал дворника. Внизу, у лестницы, стоял дворник Каро и держал на руках двух кудрявых мальчиков трех и четырех лет, а еще один — двухлетняя крошка — сидел, вцепившись ему в спину. Вода захлестывала его выше колен и все лилась и лилась. Жена его, Люся, застрявшая в полуотворенных дверях с грудным ребенком на руках, стояла по колено в воде и отчаянно кричала. Ревели дети. Вопил что-то непонятное до смерти перепуганный Каро и не знал, что делать — то ли подняться по лестнице с двумя детьми в одной руке и одним на спине, то ли свободной рукой вытащить застрявшую в дверях жену с младенцем.

Открылись окна верхних этажей, и послышались крики соседей.

Мальчик стремглав выскочил во двор и, стоя на верхней ступеньке лестницы, перегнувшись почти пополам, протянул обе руки Каро, криком привлекая его внимание.

Бедный Каро, разинув рот, мычал, словно горло ему перетянуло веревкой, и огромные черные глаза его были беспомощны и полны страха.

Наконец, сделав страшное усилие, Каро поднялся на две ступеньки вверх и протянул обоих детей мальчику.

Мальчик еле дотянулся до дрожащих детей, взял обоих сразу, неловко прижал к животу и, шатаясь, побежал к подъезду.

По лестнице уже бегом спускались соседи, впер-

ди шаром катилась и что-то кричала отстававшим мужчинам Маргарита. Мальчик сунул ревуших детей им в руки, крикнул, что вызовет пожарную, и выскочил на улицу. «Если сейчас же не откачать воду, она достигнет потолка, и совсем пропала квартира бедного Каро», — промелькнуло у него в голове. Пожарная была тут же, в двухстах шагах, возле школы.

Из всех дворов неслись крики и шум. Дождь все хлестал. Мальчик бежал, шлепая и высоко поднимая ноги в мутном потоке, широко разбрызгивая воду. Он свернул на Школьную улицу, и поток воды, ударив по коленям, едва не сбил его с ног.

И вдруг снизу донесся пронзительный вой пожарной сирены. Мощно взрывая поток и веером расплескивая мутную воду, устрашающе выла машина, и надрывно звенел и звенел пожарный колокол.

Мальчик остановился. «По телефону вызвали», — только теперь сообразил он. В доме был лишь один телефон, у товарища Симона, бывший их телефон.

Обдав его с ног до головы потоками грязной воды, промчалась мимо пожарная машина. Только сейчас мальчик пришел в себя и медленно побрел к дому.

Дождь постепенно стих. Подул ветер. Клубясь, уходили на восток тучи. Сквозь разрывы завиднелось солнце — словно ушла ночь, и в городе рассвело. Все так же стремительно сбегал вниз по улице серый поток воды. Мальчик почему-то вдруг остановился.

Возле их дома маячила красная пожарная машина. Суетились пожарники. Возле машины стояла и равнодушно наблюдала за пожарниками небольшая кучка людей. В лучах выглянувшего солнца засверкали окна дома, словно огонь вспыхнул изнутри, заблестали алым пламенем стекла.

Дул ветер, совсем очистилось и снова блестело синевой небо. Из домов, весело смеясь, стали появляться люди. Шумно плескались в убывающем потоке откуда-то примчавшиеся дети и, довольные, скалили зубы.

«Как странно все в этом мире», — подумал мальчик и, понуриив голову и отряхиваясь, словно мокрая собака, побрел к красной пожарной машине. Приблизившись, он услышал веселый и бодрый тбилисский говор Каро, обращавшегося к кому-то, и опять удивился. «Как все странно...» Издавая печальные звуки, в

его душе дрожала неведомая, дремавшая до того струна.

Удивительными были и голоса этого квартала.

Ранним утром, когда мальчик еще спал, крепко обняв подушку, у самого окна цокали копытца нагруженного глиняными банками ослика и раздавался голос крестьянина из Окрокана:

— Мацо-о-о-ни, ма-ла-ко!

И летом и зимой он ходил в засаленном зипуне, темных штанах, заправленных в белые шерстяные носки, и чувяках.

А через полчаса низенькая женщина в черной шали и в таких же чувяках, с сумками, полными такими же баночками-горшочками, пронзительно кричала прямо в окна нижних этажей:

— Кому хороший мацони, мацо-о-ни!

К десяти часам появлялся разносчик керосина в залатанной, торчком стоящей спецовке, с двумя тяжелыми бидонами в руках, и пел приятным тенорком:

— Керасин, кера-а-а-син!

Иногда появлялась маленькая тачка с огромной бочкой керосина, которую тащила небольшая понурая лошаденка, керосинщик оглушительно звонил в колокольчик, раздавались грохот бидонов, многоязычный говор детей и обычные жалобы-причитания домохозяек.

В полуденную пору во двор входил согбенный армянин с мешком за плечами и ослабевшим от старости голосом скороговоркой выкликал:

— Стары вещь покупаем, стары ве-ещь!..

Его сменял иссиня-смуглый человек со взваленным на плечо станком:

— Тачить ножи-ножницы, кому тачи-и-ить?!

Потом он стоял во дворе, крутил ножным приводом точильные камни, искры так и сыпались вокруг него, и он, как разбойник, вертел в руках огромные ножи. После обеда появлялся знакомый продавец баты-буты¹ и весело кричал:

¹ Баты-буты — воздушная кукуруза.

— Баты-буты на бутылки! Баты-буты на буги-и-и-лки!

В неделю раз к вечеру приходил высокий рыжий русский, на плече у него лежал ящик с блестящими стеклами, он присматривался к окнам и баритоном начинал:

— Стекла вставлять, кому стекла вставля-а-ать?

За день проезжало всего два-три автомобиля.

Когда хоронили мать Сталина, всю улицу запрудила длинная процессия, и, несмотря на огромное количество народа, было тихо, стояла мертвая тишина.

За военным с орденами ребята ходили толпой, а взрослые снимали перед ним шапку и молча кланялись.

Неустанно раздавалось «раз, два, три, зелень покажи!» и изредка «цилиндр!». И если кто не успевал закрыть затылок ладонью, так и сыпались на него со всех сторон тумачи.

Ребятня изъяснялась чуть не на десяти языках — грузинском, русском, армянском, татарском, осетинском, ассирийском... Потом неожиданно вместе с шапочками-пилотками появились и испанские слова.

Самыми модными были игры в «пожарá», в кости и бабки, в казаки и разбойники, в лахти, и все-таки на первом месте был футбол.

С вечера до утра воцарялась необычная тишина, постепенно охлаждался накалившийся за день асфальт. Где-то патефон слабо хрипел «Брызги шампанского» или «Утомленное солнце». Но эти звуки не нарушали тишины, а еще более подчеркивали ее.

Временами с верхней станции фуникулера ночной ветерок доносил звуки духового оркестра.

Была тишина.

Может, остановилось время?

Мальчик догадывался, что и в этой тишине продолжалась жизнь старого квартала: почти во всех семьях радовались и горевали, спорили и мирились, любили и ненавидели, рождались и умирали; и хоть кто-то один почему-либо бывал счастлив, но довольным не был никто, так как, догадывался он, быть довольным и ничего больше не желать так же неестественно, как и то, что может остановиться ход времени, как и то, что может быть вечной и эта тишина, и эта благодать прохладной тбилисской ночи, и эти мирные звезды; нет, думал

мальчик, звезды горят потому, что ждут рассвета, ждут дневного светила, чтобы снова исчезнуть в его жарких лучах; и все кругом молчит для того, чтоб набраться сил, отдохнуть от трудного дня, а с рассветом снова включиться в нескончаемый поток жизни, в чудную музыку голосов этого старого, неумирающего квартала...

Воскресный вечер.

Все окна дома открыты. С балконов доносятся звон посуды и тихие голоса женщин. Бесцельно бродят отобедавшие мужчины, дымят своими папиросами и ищут, чем бы развлечься. Где-то стучат нарды. Хрипит радио.

Ребята со всего квартала играют во дворе в бесконечный футбол, начатый еще утром. Слышатся выкрики: «Так его, Пайчадзе! Держи, Дорохов! Бей, Шавгулидзе! Пас, Бердзенишвили! Давай, жми! Ох, я тебе!».

Обливающийся потом Дато изо всей силы гонит мяч к воротам и вдруг с разбегу сталкивается с кем-то. «Ах, это Марклен!». Распластавшись на асфальте, Марклен сперва негромко скулит, потом, увидев свои окровавленные колени, как заорет: «Маааа!».

Испуганный Дато застывает на месте. «И надо же, чтоб именно он мне попался! Сейчас начнется...»

Мальчики прячутся по углам. Виновато суетится у лестницы, ведущей в его подвал, дворник Каро. Дато остается на месте.

— Марклен, деточка, чтоб мне умереть на месте! — завопила в окне толстая Маргарита Габгабия и крикнула мужу в глубь комнаты: — Убили твоего мальчика, убили! Выгляни во двор!

В окне появляется сам товарищ Симон.

Опершись обеими руками на подоконник, как зыбкий оратор, злобно вращая глазами и закидывая голову, он орет на весь квартал:

— Кто это был, кто посмел?! Ах, это опять ты, мерзавец, вражье отродье? Опять избил моего ребенка? Ну, теперь погоди!..

Немедленно замолк Марклен. Весь дом замер.

Дато стоит как вкопанный, даже не пытаюсь уклониться от тяжелых, как камни, слов, градом летящих в него.

Маргарита уводит в дом охромевшего Марклена.

— ...Теперь я вам покажу, тебе и твоей мамаше! Не будь я Симон, если не заставлю вас горько плакать! — заканчивает свое выступление товарищ Симон.

Ребята вылезают из укрытий и поспешно уходят со двора. Дато тоже выходит на улицу и садится на край тротуара.

Перед ним зарешеченное окно низенького домика, окно Этери. Этери — слабоумная. Иногда она стоит голая в окне, и это окно, словно магнит, притягивает ребят со всего квартала. Но мальчики понимают, что об Этери нельзя говорить плохо, ее нельзя обижать, над ней нельзя смеяться. Как-то раз мальчишка из другого квартала по кличке «Поросенок», дружок известного всем хулигана и игрока Мутрука, бормоча что-то мерзкое своим слюнявым ртом, неожиданно просунул руку сквозь решетку и схватил Этери за колено. Остервеневшие ребята набросились на него и били с таким ожесточением, что подоспевший Дато с трудом разнял их. Он поднял подлеца на ноги и, дав коленкой под зад, пустил по спуску. А Этери, как ни в чем не бывало, стояла на своем подоконнике, прижимаясь едва обозначившейся грудью к прутьям решетки, и на лице ее сияла добрая и бессмысленная улыбка.

Дато сидит, опустив голову. Грязные руки лежат на коленях. Заштопаннные во многих местах брюки вконец изодрались. Медленно спуская засученные рукава застиранной отцовской рубахи, он безуспешно пытается проглотить подступивший к горлу ком. Знакомое горькое чувство отчужденности гонит из глаз капельки соленой жидкости.

— Эй, друг! — над ним стоит Чабриа. — Плюнь ты на этого идиота! Пойдем, сыграем в «пожарá», я тут одного простачка зацепил.

— А деньги? — поднимает голову Дато.

— Вот, смотри! — Чабриа выгребает из кармана горсть мелочи.

Дато подтягивает брюки, сухими глазами смотрит на свой дом, где обитает товарищ Симон, бросает привычный взгляд на окно Этери и бежит за Чабрией.

Марклену смазали ободранные колени йодом, и он снова пролил столько слез, что их хватило бы еще одну Загэс.

Тем временем товарищ Симон осуществил свою давнишнюю мечту: написал куда следовало заявление о том, чтобы избавили честных и преданных советских трудящихся от семьи известного врага народа, изменника родины, ныне уже справедливо уничтоженного Евгения Мизандари, так как ее влияние на подрастающее поколение разлагающе-растлевающе-губительно!.. И успокоился.

В полночь Дато вернулся домой, осторожно перешагнул через дремавшую в коридоре собаку с квадратной мордой и подошел к дверям своей комнаты. Мама еще не было.

В это время из соседней комнаты вышел товарищ Симон. На нем была серая майка и синие кальсоны, через плечо было перекинута полотенце. Он злобно зыркнул на мальчика глазами, что-то пробормотал вполголоса, не то «молокосос», не то «мерзавец», и деловито протопал босыми ногами в их бывшую ванную...

Станный народ эти взрослые!

Какой легкой была бы жизнь, если б они все не усложняли. Чего они не поделили, отчего никак не угодятся, чего им не хватает?

Дедушка говорил (бедный дедушка! Ныне он мирно покоится во дворе сельской церкви с разбитым куполом и сломанными дверьми), дедушка говорил, что собрания и митинги следует проводить на кладбищах, чтобы все позабыли дрязги, склоки, всё преходящее и бренное и пред лицом таинственной вечности справедливо решали бы свои земные дела.

После той исторической беседы дедушка вскоре вернулся к себе в деревню и очень странно повел себя: заперся в своей комнате и даже бабушке не открывал дверей. Выходил раз в день только для того, чтобы поесть, ел молча и на расспросы бабушки коротко отвечал: «Не хочу видеть пакости». В остальное время

он сидел у себя в комнате за столом, перед ним лежали часы «Павел Бурэ». Держа в зубах потухшую трубку, он перебирал какие-то старые пожелтевшие бумаги, которые потом тщательно складывал на дно прадедовского сундука. Умер дедушка за год до того, как они были в Шови.

Умер, так и не примирившись с зятем и дочерью. Молча ушел «на тот свет», в существование которого с годами все больше верил. Умер дед и оставил единственному внуку трубку, часы и старые бумаги.

Что его беспокоило? Ведь как хорошо жили вместе и дед, и бабушка, и отец, и мать, и он — Дато! Ведь все любили друг друга, и чего не могли поделить между собой? Так все странно!

По рассказам бабушки он знает, каким был дед тогда, в молодости, хотя бы во времена русско-японской войны. Каким он был добрым рыцарем, ничего не желавшим для себя, кроме привычной чохи и дедовского кинжала в серебряных ножнах. Как он однажды стегнул кнутом подлеца судебного пристава за то, что тот засадил в кутузку невинного крестьянина, у которого дедушка крестил детей. За это чуть не засадили самого дедушку, но как-то все обошлось, потому что началась та большая война, на которую рвался и дедушка, но выше обозного старшины ему ничего не предложили, на что он кровно обиделся и стал проклинать Николашку-царя... То время ушло, исчезло навсегда, стоит ли теперь о нем говорить и копаться в дедовских бумагах? Бабушка того же мнения, так как знает, что «у отрочества и юности свои законы», как она говорит. Пусть лежат себе те бумаги в сундуке, настанет и их время. Так отчего же беспокоился дед, чего ему не хватало на старости лет? Мальчик не знает...

Но ведь тихая и мудрая бабушка тоже не может успокоиться и постоянно осложняет себе жизнь! Заладила, до самого Сталина, мол, доберусь, чтоб выяснить, в чем же виноват мой зять, исчезнувший внезапно, без суда и следствия? Мать еле уговорила ее отказаться от этого намерения и вырвала обещание никуда не ходить и никому не писать. (Почему? Почему мама отговаривала бабушку? Почему дала уговорить себя бабушка? Ведь это было так естественно — узнать правду!). Все

это очень интересует мальчика, но ему некого спросить, а мать отмалчивается.

А сама мама? И того хуже! Постоянные стычки с начальством. «Что же делать, — говорит мама, — если мне появиться, стоит произнести хоть одно слово, хоть полсловечка, сразу начинаются неприятности. Ведь я ничего не хочу для себя. Пусть только все честно выполняются порученное им дело. Разве это так трудно? Ведь без этого не сможет существовать ни один общественный строй!». Она самоотверженно заботится о сиротах, все знают, что характер у нее крутой, она никому не прощает даже малейшей невнимательности к детям, а директор у нее — самодовольный формалист (ее слова). У матери несколько странные взгляды, она считает, что сирот легче вырастить полезными гражданами, так как мещанская среда семьи мешает воспитанию. Мальчик не понимает — неужели детский дом лучше семьи? Но это уже специальные вопросы педагогики, и он в них мало что смыслит. И все же, что заставляет маму поступать так, а не иначе?

А взять Маринину бабушку! Хуже некуда! Тогда она кричала секретарю райкома: «Арестуйте и меня! Где же ваша правда? Неужели не можете разобраться, кто враги ваши, а кто друзья!». Ее, конечно же, исключили, прописали в районной газете и чуть было действительно не арестовали. (Арестованным потом оказался сам секретарь райкома). Чем руководствовалась Маринина бабушка?

Станный народ эти взрослые! Когда товарищ Симон совершает очередную подлость, никто не удивляется, и мальчик тоже не удивляется, как будто так оно и должно быть. А вот когда мать или бабушка действуют себе во вред, удивляются все, и мальчик тоже удивляется. Почему? Над этим нужно поразмыслить, ему же пока недостает ни ума, ни опыта. Неужели нельзя жить спокойно, просто? — думает он.

В действиях некоторых людей нет стремления к личной выгоде, они всегда поступают честно. Для других же будто не существует этого понятия, для них все средства хороши. Не задумываясь, они поступают так, как никогда не поступит честный человек. Поэтому они

сильнее честных. Выходит, честность — это слабость? Как же так? Мальчик совсем запутался.

Но дедушка говорил, что в конце концов все приходит к равновесию. Что это значит? Как это происходит и что приходит в равновесие? Подлость и честность? Если это и происходит, то непонятно почему. Вот бы спросить дедушку. Но дедушка умер. А мать... Спросить не у кого.

Непонятный народ эти взрослые!

Вот, например, Каро. Каро счастливее всех в этом доме (но он этого не сознает и все время ноет). Какие чувства им владеют, когда он тайком помогает чем может семье своего уже бывшего благодетеля (и он понимает, что если об этом узнают, ему несдобровать), и в то же время рабски угождает товарищу Симону, отлично зная о его подлости. Почему так? Что им движет — страх, самозащита? Как совмещается это в одном человеке?

С товарищем Симоном все ясно и никаких вопросов у мальчика не возникает. Кроме одного: почему он стал таким? Это трудно объяснить, хотя мальчик много читал и кое-что понимает лучше, чем иные взрослые.

А Маргарита? Вся состоит из животного чувства любви к собственному сыну. Но в то же время она поразительно добра, заботлива и милосердна ко всем детям, особенно к детям с каким-либо физическим недостатком. Как объяснить ее любовь к слабоумной Этери? Неужели мучает совесть? Или это дедушкино «равновесие» — она и товарищ Симон? Как тут разобратся?!

Очень сложный народ эти взрослые, сложный и странный. Знаний мальчику еще не хватает, чтоб разобратся в этих сложностях, но если б взрослые могли представить себе, как много о них он знает, они бы страшно удивились.

Мать сказала ему однажды: твоя пассивная созерцательность принесет только вред, ты должен активно защищать добро и подавлять зло. Мальчик спросил: «Как папа?». Мама нахмурилась и не ответила.

Но сам мальчик не чувствует себя «пассивным созерцателем», совсем наоборот: часто, очень часто сердце его сжимается и в груди вспыхивает мальчишеская жажда мщения товарищу Симону, да и не только ему!

Но разве всегда легко отличить добро от зла и понять, что к чему? Как разобраться мальчику в этой сложной и непонятной жизни?

Середина августа.

Кура обмелела.

Стоит такая жарница, что, кажется, плавятся даже камни на отмели.

Медленно ходит через реку паром.

Подобно реке, обмелел и поток пассажиров, и голый по пояс, худой, с высохшими руками и ногами косматый паромщик, похожий на ожившего мертвеца, то берется за длиннущее весло, то в ожидании пассажиров, прислонясь к толстому стальному канату, задумчиво смотрит на дальний поворот реки...

Тбилисский полуденный зной.

К пристани правого берега в одних трусах, держа в руках майки и обувь, приближаются четверо ребят. Пока они спорят, где оставить одежду, подходит паром.

Первым в воду кинулся и поплыл саженками Дато (уроки кобулетского моря не прошли даром!). Повернувшись, он что-то крикнул ребятам, и по одному все попадали в воду.

Паром пристал к берегу. Две женщины в черном и пузатый дядя отсыпали полагающуюся мелочь в протянутую ладонь паромщика и сошли на берег. Навстречу им к пристани быстро шли другие пассажиры. Они кричали и махали руками паромщику, чтобы тот подождал их. Паромщик, не глядя на них, спокойно заворачивал сигарку и из-под густых бровей смотрел на ребят, плескавшихся у парома.

— Дядя, — окликнул его Чабриа, — мы ухватимся, и ты нас перевези, а?!

В ожидании ответа ребята умерили шлепанье, но паромщик покачал головой и повернулся к ним спиной.

— А ну его, мертвяка! Поплыли вниз, ребята! — крикнул Чабриа, и все потихоньку поплыли по течению. В метрах ста вылезли на берег и прилегли на песке.

Тем временем в поисках прохлады прибежали парни постарше с Верэ и Ваке. Побросав одежду, они с гиканьем кинулись в воду.

Паром был уже на середине Куры, тихо жужжал трос и сквозь крики и вопли купающихся слышались глухие тяжелые удары разбивавшихся о борты паромов волн.

Один из прибежавших — долговязый парень — выполз на берег, сел на валун и украдкой огляделся. На отмели никого не было, лишь ниже по течению, на берегу лежали ребята поменьше и загорали...

Чабриа рассказывал:

— Это было прошлым летом, в деревне. Сижу себе рисую, вдруг входит мой дядя, Мамина, и говорит: гениальный племянник ты мой, Алеша Чабрадзе, сбегал бы ты в верхнее селение к моей тетке, взял бы у нее то, что она тебе даст, и прибежал бы обратно... Сбегал! А до верхнего селения — целых семь километров! — думаю в сердцах. Но что же делать, все же дядя, да к тому же наш кормилец... Делать нечего, пошел я в верхнее село. Солнце печет, как сейчас, пыль коромыслом. Иду и глотаю пыль...

— Ты бы покороче, а, Чабриа! — говорит ему Отар.

Все четверо лежат на животах и болтают в воздухе ногами.

Дато закрыл затылок руками и уткнулся в песок, остальные смотрят на разговорившегося Чабриу во все глаза.

— На полпути, помню, был родничок в кустах, доплелся я до него, напился, прилег, решил отдохнуть немного. И уснул! — продолжал Чабриа, сооружая на песке модель парома. — Под вечер разбудил меня приглушенный говор. Вижу, у родничка сидят двое незнакомых людей и о чем-то подозрительно беседуют. Меня они не видят, бормочут и бормочут на неведомом мне языке.

— Да говори ты быстрее, голова у меня раскалывается...

— А разве есть она у тебя? А ну, стукни-ка его, Дато, по воображаемой голове!.. Вот так!.. Что там долго продолжать, понял я, что они шпионы, подосланные, немцы или японцы... Что же теперь мне делать, думаю. И вот схватил я здоровенный камень, перемахнул через кусты и как заору: не двигайтесь, собаки, не то прикончу обоих, а ну, бросайте оружие! И что бы вы

думали — побросали оружие! А что им еще оставалось делать? Связал я им руки за спиной и погнал в деревню. Веду прямо к дяде моему, передаю ему в руки конец веревки и докладываю: так, мол, и так, посылает вам тетя из верхнего селения подарочек маленький в лице этих турецких или там английских шпионов... Мне чуть орден не дали...

— Ха-ха-ха! Хо-хо, хо!

— Чабро, это правда или дурака валяешь? — простодушно спрашивает Марклен.

— Не верь! — коротко сказал Дато и перевернулся на спину. — Эти художники и вообще люди искусства — отчаянные выдумщики. А знаете, кого мне напомнил паромщик? Харона...

— А кто такой Харон?

— Он перевозил души усопших на тот свет. Перевезет, бывало, через реку Стикс и берет с них полагаемую плату. Разве этот паромщик поступает не так же? Вот перевез двоих, взял деньги и возвращается за остальными. А те двое ползут, как лунатики, по отмели и воображают, что еще живы...

— А теперь я расскажу вам правдивую историю про отцовский завод. Вы оба — фантазеры и только... — говорит Отар, но тут Дато вскакивает, машет Чабрии рукой и кидается в воду...

Солнце уже клонилось к закату, когда уставшие и голодные ребята побежали к своей одежде. Взрослых парней с Верэ и Ваке давно и след простыл.

— Туфли унесли! — вдруг крикнул Марклен.

Ребята опешили. Не было новеньких туфель Марклена, отцовских ботинок Дато, выходных туфель Отара... Лишь дырявые, без задников шлепанцы Чабрии валялись неподалеку.

— Отец убьет меня! — плаксиво занял Марклен.

— Вот тебе и искупались! — сказал Отар, надевая майку.

— Я им покажу, этим гадам, узнать бы, кто взял, — крикнул Чабрия и побежал к паромщику. Харон сидел на корме парома, свесив ноги в воду. Одной рукой он почесывал волосатую грудь, а другой запихивал в рот кусок хлеба с колбасой...

— Мы сами виноваты, так нам и надо, — сказал Дато.

Марклен беззвучно плакал, сидя на валуне. Ребята стояли растерянные.

— Паромщик не знает их, говорит, кажется, верийские парни, или вакийские... — вернулся Чабриа.

— Идем в милицию, — сказал Отар.

— Это здесь же, на подъеме, — вспомнил Чабриа.

— Пошли! — вскочил обнадеженный Марклен.

— Идем, — решил Дато.

Они пошли. Шли гуськом, едва ступая по горячему асфальту, высоко задирая ноги. Из солидарности Чабриа тоже шел босиком, шлепанцы по одному торчали из карманов.

Подошли к отделению милиции. Почему-то внимательно изучили лаконичную надпись на жестянке рядом с дверью и только потом вошли в помещение. В прохладной дежурке сидел и что-то увлеченно писал милиционер.

Ребята вытолкали вперед Дато.

— Товарищ начальник, можно к вам обратиться?

— Слушаю вас, — поднял голову милиционер.

— Мы вот купались у парома, и какие-то ребята стянули у нас обувь.

— Мы что, поставлены сторожить ваши туфли? — хмуро взглянул на него дежурный.

— Нет, конечно, мы сами виноваты, но, может быть, вы знаете тех парней, они с Верэ или Ваке...

— Верэ и Ваке — это половина Тбилиси.

— А что нам делать?

— Вы побросали обувь на отмели и далеко заплыли, или вовсе к другому берегу поплыли, так ведь?

— Нет, мы сидели чуть поодаль, но кто бы мог подумать...

— Должны были подумать...

— Что нам теперь делать? — захныкал Марклен.

— Да не хнычь ты, как девчонка, соберем тебе деньги, — попытались успокоить его Отар и Чабриа.

— На что мне ваши деньги, — разозлился Марклен, — отец ведь на заказ их сшил для меня! Убьет он теперь... На кой черт я надел их сегодня? — опять сник он.

— Кто твой отец, парень? — с интересом спросил милиционер.

— Товарищ Симон, товарищ Симон Габгабиа! — наперебой с надеждой отвечали Отар с Чабрией.

— Слышал я о нем, но этому делу и Симон Каллистратович не в силах помочь, — погасил надежду дежурный. — На всякий случай, если хотите, пишите заявление.

— Подумаем, — ответил Дато и вывел товарищей из дежурки.

— Дохлое это дело, — сказал Чабриа, присев на каменный парапет крыльца.

— Тебе чего печалиться, твои драные шлепанцы у тебя в кармане! — крикнул Марклен.

— Криком и плачем делу не поможешь! Писать заявление? — спросил Дато и добавил: — С меня и Отара взятки гладки, но что с ним будет?! Отец ремнем отстегает его, ведь правда, Марклен?

Марклен снова заплакал.

— Сходим вместе к его отцу и объясним, как все случилось. Ведь не съест же он нас? — сказал Чабриа.

— Ну и идите, — сказал Дато.

— А ты? — снова завопил Марклен.

— А я не пойду, хотя тоже виноват, — отрезал Дато, повернулся и зашагал босиком по подъему.

Марклен крикнул было что-то вслед, но Отар и Чабриа заставили замолчать его.

Вечером того же дня заплаканный Марклен вручил дежурному заявление, написанное отцом. Милиционер, уже другой, прочитал заявление и вытаращил на него удивленные глаза.

Что было в этом заявлении товарища Симона, история умалчивает (все остальные его заявления давно уже отысканы в соответствующих архивах). Известен лишь тот печальный факт, что после этого случая Марклен еще долго ходил в старых туфлях с облупившимися носками, со скривленными каблуками, что весьма неблагоприятно отражалось на настроении будущего блестящего правоведа...

22 июня 1941 года. Зовут меня Марина Миндели. Мне пятнадцать лет (я родилась 26 мая 1926 года). Сегодня началась война, а я начинаю вести дневник.

Наша семья состоит из двух человек — меня и моей матери. Отца у меня нет. Почему его нет, заинтересованный читатель (так обычно пишут) поймет из дальнейшего, должен понять, так как я описываю все, что происходит, опишу и свое детство (то, что вспомнится).

Отец мой, Мириан Миндели, по происхождению рачинец (из села Сори), мать — имеретинка по фамилии Небнеридзе, по имени Екатерина, но все зовут ее Эка (не Катя!). Служит она в одной канцелярии, печатает на машинке.

Есть у меня бабушка, бебо, она живет в деревне, ей очень много лет (перевалило за пятьдесят!). У бабушки есть дом, двор, куры, раньше была еще корова по кличке Красавка, я ее не видела, но бабушка часто рассказывает мне о ней.

Бабушку зовут Мариам. Есть еще и младшая Мариам, сестра моей матери, она живет в Баку со своим мужем, которого зовут Баграт, фамилия его Рехвиашвили, он шеф-повар в тамошнем известном ресторане, который называется «Баку».

Сестру моего отца, то есть мою тетю, зовут Нино, она врач, ее супруг дядя Хута, мегрел, замечательный человек, его фамилия Мерцхулава, но не Мирцхулава!

К сожалению, родных у моего отца больше никого нет. Родители его умерли давно. Есть какие-то дальние родственники в Сори, но я их совсем не знаю.

Отец познакомился с моей матерью в 1925 году, когда он, молодой тогда (он родился в 1905 году) комсомольский работник, был прислан к нам в село. Тогда же они и поженились.

Наше село (матери, бабушки и мое) очень красиво. Оно расположено в горах, рядом протекает речка, недалеко проходит главная железнодорожная магистраль республики. Есть и маленькая станция.

Я закончила восемь классов и перешла в девятый.

у нас начались каникулы, и я должна поехать к бабушке в деревню, что меня очень радует.

Я учусь в средней школе, директор наш Григорий Угрехелидзе — благороднейшая личность. Наша классная наставница — Евфросиния Берулава, преподавательница русского языка и литературы, Евфро-учительница (хотя она велит нам звать ее Евфросинией Виссарионовной, у нас, грузин, это как-то не прививается!).

Есть у меня близкий друг — Дато Мизандари (до пятого класса он учился со мной, в нашей школе, потом перевелся). Его отца, дяди Евгения, как и моего, сейчас нет. Мать Дато Елена Андреевна, для нас просто тетя Елена, — односельчанка моей матери, и поэтому я и Дато летом всегда отдыхаем вместе. Тетя Елена тоже педагог, но только она преподает в детдоме, где живут дети без отцов и матерей.

Ух, как много я написала, думаю, хорошо получается, складно, — представила всю семью и знакомых. Продолжим...

Сегодня началась война, и вот что случилось:

Было воскресенье, и я поздно проснулась. Мать говорит — по радио объявили, что началась война. Эти слова меня озадачили. Я вскочила. Как, спрашиваю, война? С кем? Почему? Послушай и все узнаешь, отвечает мама.

По радио выступал товарищ Молотов. Он сказал, что фашистская Германия вероломно напала на нас. Красной Армии дан приказ изгнать врага. А в конце он сказал очень здорово (я даже записала): «Наше дело правое, победа будет за нами!».

Я думаю, скоро разгромим наглых фашистов! Кто сможет противостоять нашей армии? Мать мне ничего не ответила, только вздохнула. Сегодня ей, по-моему, лучше.

В хорошем настроении я пошла в гости к тете Нино.

Она живет на проспекте Плеханова. Она открыла мне дверь, и я сразу заметила, что глаза у нее заплаканы. Я удивилась, тетя — женщина сильная, она хирург!

«Тетя, что случилось?» — быстро спросила я ее.
«Война, детка», — говорит она.

«Гу и что же, — говорю, — скоро прогоним фашистов. Ты слышала, и Молотов сказал, что победа будет за нами».

Тетя заплакала. Потом посадила меня, как маленькую, себе на колени.

«Что ты понимаешь, глупенькая, это ведь страшное несчастье, — говорит она. — Дядю Хуту пошлют на фронт, он уже побежал в комиссариат. И меня призовут, я же врач...»

«Ну и что, — говорю, — на фронте ты и дядя Хута прославитесь, станете героями. Но, я думаю, не попадете вы туда, война ведь скоро кончится».

«Ты моя хорошая, — говорит она мне, — вот бы мне твои мозги...»

Я решила обидеться, но не успела. Тетя угостила меня пирожным, дала деньги, сто рублей, для бабушки.

Я ушла от нее немного встревоженная. Перейдя мост через Куру, увидела толпу людей. Они шли с красными флагами, с огромным портретом Сталина и бодро пели. Играл оркестр. Нет, мы скоро, конечно, разгромим немцев, наш народ непобедим, подумала я.

Придя домой, я стала укладывать чемодан. Вечером уезжаю в деревню. На вокзал меня проводит мама, а утром бебо встретит на станции в деревне. Все-то лишь одна ночь, и я в деревне! Как хороши, как прекрасны каникулы!

На этом сегодня ставлю точку.

23 июня, вечер. В деревне такой же переполох как и в Тбилиси. Расскажу по порядку.

Когда утром я проснулась в поезде (спала, забившись в угол), я увидела сидящего напротив военного, на петлицах у него были две «шпалы», значит командир. Он был очень взволнован. Оказывается, он едет в Цхалтубо по путевке, и вот... Он все спрашивал, где ему сойти, чтоб ехать обратно (советы давали все, и все — разные), просил подробно рассказать, как и что передали по радио, сокрушался, что именно в дороге застало его то, чего он давно ждал. Он казался даже растерянным, что мне не понравилось.

Он должен был вернуться в Бобруйск (а это от-

сюда, я знаю, очень далеко), кажется, он сказал, что там стоит его часть, во всяком случае семья у него в Бобруйске — мать, жена и двое детей, дочь и сын.

Я приехала в десять часов утра. Меня встречала бабушка. Я заметила ее издали. Она стояла выпрямившись, и ветер трепал густую копну ее белых волос.

Я очень люблю свою бебо. Она красивая: высокая, сильная, белолицая, нос с горбинкой, глаза светлые, как у моего папы, взор насмешливый, чаще — грустный. (Хотя бабушка никогда не говорила об этом, но я знаю, что у нее было еще двое детей, они умерли маленькими, оба мальчики. Потом уже появились на свет моя мама и Мариам-вторая).

Мы шли к дому, и я передавала ей городские новости. Все встречные здоровались с нами. Анико, бабушка Дато, стояла у ворот своего дома. Она обняла меня и стала расспрашивать о новостях. Я спросила ее, когда придет Дато. «Разве он тебе не говорил, что придет в августе?!». Я сказала, что не видела его перед отъездом.

Наконец мы пришли домой. Боже, как хорош наш двор! Яблони, вишневые деревья, огромное тутовое дерево у калитки и посаженный моим отцом китайский финик! За домом — небольшое кукурузное поле, маленький огород, все ухожено заботливыми руками бабушки.

Бабушка сказала, что уже пора полоть кукурузу. И что она научит меня этой несложной науке (надо сказать, что бабушка терпеть не может праздность!); я и воду должна таскать из колодца (он шагах в пятидесяти от наших ворот, прямо на улице, общий, но называют его «небиеридзевским колодцем». Небиеридзе — бабушкина фамилия). Колодец такой глубокий, что я даже боюсь заглядывать вовнутрь, и вода в нем ледяная. Вообще наши места славятся вкусной водой, особенно знаменита вода на станции.

Весь день я хвостом ходила за бабушкой. Мы пекли мчади, я разожгла в камине огонь, поставила стоймя глиняные сковородки, но разровнять скатанное шаром тесто на пышущих жаром сковородках бабуш-

ка мне еще не разрешает. Она послала меня в кукурузник нарвать стручковой фасоли, которая у нее посеяна вместе с кукурузой. Когда фасоль была готова, выложила ее на деревянную доску и стала рубить ребром тарелки, да так сильно, что я боялась, как бы тарелка у нее в руках не рассыпалась. Бебо смеялась и дразнила меня, городские девчонки, мол, ничего не умеют делать. Но я на нее не обижалась. Мне было весело и хотелось петь.

Завтра пройду по деревне и всех повидаю. А теперь спать. Я хотела постелить себе на веранде, но бабушка запретила, сказав, что спать там можно будет лишь в июле-августе, все же холодно тут, в горах.

Дом наш из каштанового дерева, его собственными руками строил дед (которого я видела только на фотографии: стоит рядом с молодой бабушкой бородатый мужчина, и у обоих напряженные лица, они только что поженились). Дом дедушка поставил на месте старого, его сожгли отряды Алиханова-Аварского после первой революции, — дедушка был революционером и сорвиголовой, так говорит бабушка. Летом в доме прохладно, зато зимой, несмотря на то, что топится камин, в нем страшно холодно, ведь стены тут из одинарных досок, к тому же в них щели.

Это дом небогатого крестьянина. Зато дом, который строил дедушка Дато, белокаменный. Его дедушка был дворянином (я его помню, но смутно), как говорит бабушка, он был добрым и справедливым человеком и очень переживал, что его зятем (то есть отцом Дато) стал коммунист (он их недолюбливал), а когда его дочь (то есть мать Дато, тетя Елена) объявила отцу, что тоже вступила в партию, он чуть не умер от огорчения.

Я уже говорила о том, что в доме зимой страшно холодно, поэтому зимой бабушка живет или с нами в городе, или уезжает в Баку к Мариам-второй (у которой четверо детей!).

Ну и понаписала я тут! Спать, спать! Я устала от путешествия и сегодняшнего дня, ведь за год я отвыкла от деревенской жизни! Ужасно хочется спать!

24 июня. Получили газету от 23 июня (бабуш-

ка постоянно ее выписывает), 23 — понедельник, а газета вышла! Внимательно прочитали ее от корки до корки. Ведь большая разница между тем, что услышишь по радио, и тем, что прочтешь собственными глазами. Да, разница большая. Кое-что коротко запишу в дневник, ведь газета потом наверняка затеряется. Вообще следовало бы сохранить ее.

Из выступления Молотова:

«Советское правительство и его глава тов. Сталин поручили мне сделать следующее заявление»....

— А почему не выступил сам Сталин? — спрашивает бабушка.

— Наверное, не счел нужным, — отвечаю я. Бабушку удивило мое простое объяснение.

«Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие»...

— Сколько народу, наверно, погибло во время налетов! Ты только представь себе, что там творилось! — говорит бабушка.

Я постаралась представить, но перед глазами встали только кадры из кино, в которых показывают войну.

«...Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленберг в 5 часов 30 минут утра...»

— Когда же он проснулся? — удивляюсь я.

— Да, в это время добрые люди еще спят, — говорит бабушка.

— А его расстреляют?..

— Послов не расстреливают, ведь и в Берлине есть советский посол!

Я совсем забыла про это обстоятельство. Мы расстреляем их посла здесь, они расстреляют нашего там, и что же получится?

«...сделал мне, как Народному Комиссару Иностранных Дел, заявление от имени своего правитель-

ства о том, что германское правительство решило выступить с войной против СССР. Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ отбить нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины».

Бабушка: Разве их так легко изгнать?

Я: Вот увидишь, так и будет. За неделю с ним покончат. Вспомни — у нас Ворошилов, Буденный...

«...Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну...»

Бабушка: Отечественную?

Я: Ты же помнишь, что уже была отечественная война, в 1812 году, когда воевали против Наполеона. Мы это по истории проходили...

«...Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя тов. Сталина. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Бабушка согласна со мной, что эти слова и впрямь здорово сказаны!

Потом мы прочли Указы о мобилизации, об объявлении военного положения, о создании военных трибуналов...

Бабушка говорит, что во время войны это обычное и нужное дело. Она вспомнила первую мировую войну — она хорошо помнит ужасы того времени — госпитали переполненные ранеными, голод, спекуляцию, черный рынок... Вот что такое война, подумалось вдруг мне. Вдыхая, бабушка говорит о том, что нам еще предстоит пережить. Но мне не верится — неужели тетя Нино права и война продлится? И я горячо спорю с бабо, мне хочется думать, что война скоро кончится.

Потом мы вместе обсуждаем первую сводку Главного командования Красной Армии за 22 июня:

«С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаквали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного морей и в течение первой половины дня сдерживались ими»...

Значит, это были всего-навсего наши пограничники, заключаем мы обе.

«...во второй половине дня германские войска встретились с передовыми частями полевых войск Красной Армии...»

А это уже настоящие войска, говорит бабушка.

«После ожесточенных боев противник был отбит с большими потерями...»

— Вот видишь, — говорю бабушке, — «был отбит с большими потерями!»

Это мой самый веский аргумент!

«Только в гродненском и крыстынопольском направлениях противнику удалось достичь незначительных тактических успехов и занять местечки Кальвария, Стоянув и Цехановец...»

— Вот видишь, — говорит в ответ бабушка, — заняли все-таки...

— Ну и что, — отвечаю я, — видишь, написано «незначительный тактический успех»...

— Не знаю, тактический или еще какой, — упрямо говорит бабушка, — вижу, что практический...

Мы ищем эти местечки на нашей маленькой карте. Они не обозначены. Нашли только Гродно. Решили купить в книжном магазине большую карту и повесить ее на стенку.

Подытоживая, скажу, что бабушка настроена скептически, а я — оптимистически: она считает, что для полной нашей победы требуется по крайней мере год, а я считаю, что война закончится уже в этом году. В том, что мы победим, ни она, ни я не сомневаемся. Еще бы!

Потом мы прочли текст выступления Черчилля по радио.

«...Опасность для России является опасностью для нас и опасностью для США», — так завершает он свою речь.

Ясно, что он нас поддерживает, заключаем мы обе. Потому, что самому трудно, а что он нас ненавидит, это ясно как день, разъясняет мне бабушка. Я помню, говорит она, в двадцатых годах он был нашим врагом номер один. И я часто разоблачала его на на-

ших партийных собраниях (ведь бабушка была членом партии с 1917 года!). Это коварный человек, но сейчас у него нет иного выхода. Бебо даже разгорячилась, и меня это очень удивило: ведь Черчилль на нашей стороне, чего же ей еще надо от него?

Мы прочли и высказывания наших писателей: Шалвы Дадиани — «Я с вами, молодые!», Георгия Леонидзе — «За Родину!» и Ило Мосашвили — «Знамя великого Сталина приведет нас к победе!»

Группа призывников подала заявление на имя командующего Закавказским военным округом т. Козлова с просьбой зачислить их в ряды Красной Армии и направить на фронт.

Повсюду в Тбилиси, на предприятиях и организациях, в театрах, клубах, парках, на площадях, на заводе им. Орджоникидзе, в Медицинском институте, на авторемонтном заводе, обувной фабрике, в Батуми, Гурджаани, в родном городе вождя состоялись митинги.

Бабушка внимательно слушает, временами качая головой. Она постоянно чем-то занята, руки ее не знают покоя. У бебо очень красивые руки, и когда она что-то делает, все время хочется смотреть на них.

Мы прочли всю газету, не пропустив ни одной строчки. Меня особенно интересуют новости литературы и искусства. Понятно почему. Эйзенштейн работает над сценарием нового фильма «Иван Грозный»; издан клавир «Абесалома и Этери» — это первый грузинский печатный клавир; окончился первый тур всесоюзного конкурса артистов эстрады.

В опере дают «Кето и Котэ», в театре Руставели — «Без вины виноватые», в театре Марджанишвили — «Строгие девушки», в Кутаисском театре, который сейчас гастролирует в Тбилиси, — «Король Лир». Скоро на экраны кинотеатров Тбилиси выйдет новый художественный фильм «Танкер «Дербент»». На эстраде — последние выступления Вольфа Мессинга и прощальный концерт Шульженко и Коралли...

Очень интересная газета!

В двенадцать часов я пошла в магазин за картой.

Хоть наше село и считается районным центром, но оно небольшое. Я знаю почти всех, кто живет тут:

половина из них — наши родственники, другая половина — знакомые.

В магазине налетела на Хандию-Тыкву. Он тоже пришел за картой. Говорила с ним. Он окончил школу и готовится к армии, хотя до призыва ему еще целый год. Он сказал, что в армии станет связистом и после войны у него будет отличная специальность. Ты понимаешь, говорит он, какое будущее у радио и телефона! А я поняла только то, что он еще не вырос. Выучи русский, говорю ему, иначе твою болтовню по телефону никто не поймет. «Связь!» — выкрикнул он в ответ по-русски с жутким акцентом! Да, видимо, недаром он все время говорил про Стефенсона и Эдисона — вернется с фронта, будет хорошим инженером!

Я купила карту и пошла домой. У «небиеридзевского колодца» сидели старики и беседовали, конечно же, о войне и политике. Я поздоровалась с ними. Поначалу они не узнали меня. Уже вслед один из них спросил, не внучка ли я Мариам? Я ответила утвердительно. Как ты быстро растешь, девочка, сказал он удивленно (и правда, я сильно вымахала, скоро ростом с бабушку буду!).

• Карту я повесила на стену. Правда, она не очень уж подробная, мелкие города и на ней не обозначены, но куда лучше нашей старой.

Бебо была на огороде. И я пошла ей помогать.

Вечером делали уборку. Я перебирала книги. Вытащила их из шкафа, вытерла с них пыль и сложила аккуратно (это книги моих родителей). Я нашла и комплекты старых газет, кое-что интересное отложила, чтоб прочесть.

С завтрашнего дня начинаю «нормальную жизнь». Бабушка составила мне целую программу, по которой я должна: полоть кукурузу, убирать двор, работать в огороде, таскать воду, готовить обед (и все это — под ее руководством! Пригодится, дочка, говорит она).

А когда же у меня будет свободное время? Моя бебо — настоящий деспот! Она считает, что девушка всегда должна быть занята делом. Я буду делать все, что захочет моя бабуля! (И то, что я хочу, тоже: бу-

ду и читать, и писать, и в гости ходить, и на речку (уходить).

12 часов ночи. Пора спать.

25 июня. В книжном шкафу я обнаружила три книги Бараташвили — издания 1919 года (вся истрепана), 1930 года (хорошо сохранилась) и 1939 года (почти как новенькая). Последняя — очень интересная, это просто энциклопедия жизни и творчества великого поэта.

Вести с фронта. Противник продолжает развивать наступление на Шауляйском, Каунасском, Гродненско-Волковысском, Кобринском, Владимир-Волынском и Бродском направлениях (почти все города мы нашли на новой карте); Красная Армия оказывает упорное сопротивление врагу. В ответ на двукратный налет немецких бомбардировщиков с территории Румынии на Севастополь советские бомбардировщики трижды бомбардировали Констанцу и Сулин. Констанца горит...

В ответ на двукратный налет немецких бомбардировщиков на Киев, Минск, Либаву и Ригу советские бомбардировщики трижды бомбардировали Данциг, Кенигсберг, Люблин, Варшаву, произведя большие разрушения военных объектов. В Варшаве горят нефтебазы...

Немцы забрасывают на нашу территорию парашютистов-диверсантов в форме советских милиционеров...

Финляндия предоставила свою территорию в распоряжение немецких войск и немецкой авиации...

Румыния предоставила свою территорию полностью в распоряжение немецких войск...

Что за невероятные вещи происходят на земле? А я-то думала, что все кончится через неделю.

1 июля. Образован Государственный Комитет Обороны во главе с товарищем Сталиным «в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для отпора врагу».

Мы с бабушкой приходим к выводу, что, видимо, обстановка крайне накалилась.

Эти дни (а также ночи) я читала Бараташвили. Произошло удивительное: я как бы заново открыла его для себя, он стал мне близок. Какая странная судьба у этого человека! И как неинтересно и плоско говори-

ли нам о нем в школе (и в учебниках, и в скучных рассказах преподавателей все поэты на одно лицо! Он покори́л меня, захватил, измучил, и вот что я писала вместо стихов:

«Все вокруг него были слепы и глухи, а он задыхался в мундире мелкого чиновника. Прибывший из Петербурга ревизор хвалил чиновное усердие «князя Баратова» — и даже прочил ему «большое будущее».

Интересно, что он имел в виду? Быть может, высокую должность начальника всей «Экспедиции суда и расправы», где поэт служил лишь столоначальником? Правда, блестящее будущее для Бараташвили?!

Почему, почему он не поехал в Телави, где была вакансия? Телави ведь не далекая Гянджа!

Но в последнюю минуту провидение в лице близкого друга, Мамуки Орбелиани, постучалось в его дверь (по-моему, того самого Мамуки, что грозился убить Дантесса). Заболевший в Гяндже «князь Андроников» перевелся в Телави на место, предназначенное Бараташвили. А Николоза отправили в Гянджу.

Произошла роковая перестановка...

А вокруг все были глухи и слепы. Никто не заметил гения.

Спасибо, что не побили камнями, — разве не это удел пророков в своем отечестве? Спасибо, что лишь тайком сплетничали о нем. Ведь невозможно представить себе порядочное общество без сплетен!

Не увидели гения...

А он? Неужто спал?

«...Внутренний голос говорит мне, что я достоин лучшей участи, сердце говорит, что я рожден не для нынешнего моего положения! Не спи! — твердит оно мне»...

А разве он спал?

«Я не сплю, я нуждаюсь в человеке, который вывел бы меня из этого тесного ущелья на простор... О, как свободно вздохну я тогда, каким царственным взором окину поприще свое!».

Он искал человека...

Спасибо Григолу Орбелиани, дяде поэта. Мы знаем, что он любил и сестру и племянника («Утешенье

мое, упование мое и отрада, утоление сердца во мраке томительных лет, о сестра дорогая, одна ты мне в жизни награда, только ты охраняешь меня от печалей и бед...»), что глубоко переживал разорение зятя своего Мелитона. Страдал от бедствий, обрушившихся на семью Бараташвили, но как ни страдал, ни мучился, делать ничего не делал для гениального племянника...

«...Ведь ты уехал и обещал, что сделаешь это для меня. Ты, наверное, забыл? Но нет, не забыл, ты болен той болезнью, которой болеет каждый грузин, из-за которой он не порадеет своему ближнему...»

Нищета семьи дошла до такого предела, что после смерти Бараташвили один русский генерал просил царского наместника Воронцова выдать семье покойного немного денег, иначе, впадшим в крайнюю нужду, им не на что будет одеться в траур...

До какой же степени обнищания довел Мелитон свою семью, что женщины не имели возможности купить себе черные платья?..

Бараташвили писал, что весть о пленении Ильи Орбелиани Шамилем «очень меня опечалила, так что три дня я был словно в дурмане от тысячи разных странных мыслей и желаний, и если бы кто спросил меня, я и сам не знал, чего хотел. Наконец, на третий день я написал это стихотворение («Мерани!»), и оно как будто принесло мне облегчение».

Облегчение? Разве можно назвать облегчением то, что он прорвал круг живых и ушел в бессмертие?!

«Мерани»... Смысл человеческого бытия—в борьбе, в борьбе и стремлении к недостижимой цели (эта идея стала мне настолько близкой, я так внутренне переболела ее, что она будто вышла из сокровенных глубин моей души!), каждый должен прокладывать к ней дорогу для других, идущий вслед продолжит ее дальше, и так бесконечно...

А может, это идея самопознания, стремление к самому себе? Или острая жажда познания того, кого иные зовут богом, а другие природой? А черный ворон, «каркающий вслед черной ворон», не есть ли он воплощение сомнения, неверия в свои силы, которое и вправду постоянно гложет сердце человека и с безграничных высот безжалостно бросает его оземь?

— Не знаю. —

А вокруг все были глухи и слепы. Проспали гения...
Не спала лишь Евфимия, сестра Григола Орбелiani, правнучка Ираклия II. Не спала потому, что была его матерью...

И в годовщину смерти сына мать поехала в Гянджу.

И увидела она жалкую избенку, кипарис и, может быть, тот самый «неземной синий цвет» над его одинокой могилой...

«Осенний ветер у меня в саду

Сломал нежнейший из цветов на грядке...»

Пусть эти мои беспомощные строки останутся в дневнике в память о Бараташвили в эти огненные и кровавые дни, в годину всеобщего мирового сумасшествия...

2 июля. Вести с фронта:

Бои продолжают в Мурманском, Двинском, Луцком и Бобруйском направлениях (интересно, где сейчас мой бобруйский попутчик?!).

У нас: опубликовано стихотворение Георгия Леонидзе «За Родину, за Сталина!». Студенты идут работать на заводы.

*За рубежом: в Соединенных Штатах раскрыт немецкий шпионский центр...

4 июля. 3-го июля слушали выступление тов. Сталина по радио.

«Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!».

Как проникновенно прозвучала эта фраза, произнесенная каким-то особым, сердечным тоном! Я и бабушка сидели, затаив дыхание. У меня перехватило горло, дрожь прошла по телу и к глазам подступили слезы... «Братья и сестры... Друзья мои»... Как неожиданно это было...

Вчера мы слушали, а сегодня читаем: «Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии... враг продолжает лезть вперед... ему удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины»...

«Как быстро продвигается проклятый, говорит бабушка.

«...Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность»...

«Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной?..

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране...»

Видимо, Ворошилов и Буденный не могут спасти положения. Происходит что-то ужасное, невольно думаю я и содрогаюсь...

«Необходимо далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам...»

Раз Сталин так говорит, значит имеются и такие люди, замечает бабушка.

«...Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта... Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови...»

Всенародная война, вот к чему он призывает, говорит бабушка.

«...Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии. Мы должны укрепить тыл Красной Армии...»

Это касается и нас. Бабушка в знак согласия кивает головой. Она напряженно слушает.

«...Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла...»

Вокруг нас таких людей как будто нет...

«...дезертирами, паникерами, распространителями слухов...»

И таких не видно.

«...уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов...»

— Все это касается, видимо, прифронтовых районов, — говорит бабушка. — Хотя...

«...При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный

состав... не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего... угонять весь скот... Все ценное имущество... которое не может быть вывезено, должно безусловно, уничтожаться...»

По-настоящему, кажется, война только начинается. Дана целая программа, и какая жесткая и необходимая! Видимо, иначе нельзя. Ну, теперь посмотрим, проклятые фашисты!..

6 июля. Очень беспокоит болезнь мамы, судьба моих близких. Ощущаю острую потребность писать, но в то же время меня охватывает страх, или, может, это неумение?.. За последние дни много писала, писала и рвала... Нашла комплекты старых газет — за 1934, 1935, 1936, 1937 годы, была буквально ошеломлена и напугана множеством ранее неизвестных мне фактов и явлений... В мире происходит что-то страшное: всюду текут реки крови... Стараюсь во многом разобраться, многое понять и усвоить...

Сколь бессилен разум мой и как сильна жажда познания! Наверное, я взрослею, чувствую что-то новое в себе. Я словно блуждаю в тумане, в болезненной и не до конца осознанной тревоге. Что будет с нами? Может, и с другими происходит то же самое. Но вот Хандиа, например, не изменился, он, как и прежде, прозрачен и прост. И в бабушке ничего не замечаю (хотя разве может она думать так же, как я?). Сейчас мне очень не хватает Дато, его ясного и пронзительного ума. Жду его с нетерпением.

«Понять, проникнуть в суть сегодняшних явлений, осмыслив прошлое, мне хочется самой, но сразу охватить так много фактов, мнений не в силах, видимо, незрелый разум мой! И как цветку порой вредит непорочно излишество воды и солнечных лучей, мне тяжело от дум неодолимых — я вяну и борюсь со слабостью своей. Я всматриваюсь в даль — упрямо и пытливо... Цель не достигнута, мой опыт невелик, и всюду вижу я кровавых рек разливы и чувствую конвульсии земли»¹.

¹ Здесь и далее стихи в переводе Галины Павловской.

Только сочинив эти стихи, я немного успокоилась. И решила пойти завтра в местную школу и включиться в какую-нибудь нужную работу. Разве я могу сидеть сложа руки в такое время? Не буду ждать. Даю. Так велит мне моя совесть, и я знаю, что я права...

В тихом переулке стоял дом. Как и во всех больших домах, в нем жило множество семей, мужчины ходили на службу, женщины хозяйничали дома, дети резвились во дворе.

На первом этаже, застекленная веранда которого смотрела во двор, жили две семьи: одна — бухгалтера, другая — настройщика музыкальных инструментов.

Бухгалтера уважал весь дом. Это был невысокий мужчина лет сорока, мастер на все руки. Были у него жена и единственный сын Серго — гроза всего дома. И очень часто, когда отец, вернувшись с работы, взвешивал на беспристрастных родительских весах деяния своего отпрыска, по всему дому разносились дикие вопли Серго. Почему-то всегда выходило так: что починал, восстанавливал и совершенствовал по дому отец, беспрепятственно портил, разрушал и уничтожал его сын. Жена бухгалтера, Амалия, маленькая, смуглая до черноты женщина, молчаливая и забитая в присутствии мужа, на самом деле была вспыльчивой и вздорной особой, ее крики при бесконечных конфликтах с сыном неслись буквально к небесам.

Глава другой семьи, которого дворовые ребята в насмешку прозвали «маэстро» (это слово казалось им трогательным), был изрядно состарившийся, сгорбленный человечек с неразлучным чемоданчиком в руке. Тихий и безобидный, он как-то очень уж стеснялся и сторонился людей. Как ни странно, жену его звали также Амалией (в отличие от смуглой — белой Амалией). Это была высокая, пышная, молочно-белая, с большими синими глазами женщина. Лишнего слова от нее никто не слышал, и в семействе этом царил мир и полное согласие.

У них тоже был единственный сын, высокий болезненного вида мальчик. Звали его Руди. Он никогда не болтался во дворе, как его сверстники. Придя из школы, он усаживался за пианино, и до позднего вече-

ра из их комнаты доносились гаммы и фуги. Руководила его занятиями мама.

С этим Руди когда-то, в том далеком уже детстве, и дружили мальчик и девочка. Рудина мама, белая Амалия, стала их репетитором по музыке. Но с того времени прошла целая вечность, если, конечно, согласиться с тем, что пять лет — «целая вечность»!..

У соседей была общая кухня, вернее, подобие кухни — маленькая темная прихожая, разделенная на две половины: в одной блестела посуда белой Амалии, в другой лежало и висело добро Амалии смуглой. Строгий порядок этот сохранялся лишь до того момента, пока не врвался в кухню проголодавшийся, весь потный и грязный Серго. Нимало не заботясь о том, что чье, он лез в кастрюли, сковородки, банки и, приведя всё в хаотический беспорядок, с набитым ртом вылетал во двор. И тогда раздавался неистовый крик смуглой Амалии. Амалия белая, ни слова не сказав о похищенной котлетке или куриной ножке, о разлитом супе или сломанной чашке, молча убирала свой уголок, возвращалась в комнату и с невозмутимым видом вновь усаживалась рядом с Руди. А Руди играл...

Когда разразилась война, по дому пошел слух, что семья «маэстро» переезжает в другой город.

Как-то раз, кто знает, по чьему наущению, Серго кинулся к двери соседей, забарабанил в нее кулаками, несколько раз пнул ногой и заорал:

— Эй, музыкант, немец! Выходи!

Его примеру последовали и другие ребята.

В комнате «маэстро» умолкло пианино, но никто не выглянул, никто не открыл дверей. Соседи еле утихомирили расходившихся детей.

Вернувшись с работы, бухгалтер нещадно оттаскал за уши своего сына. Долго еще плач и вопли Серго разносились по двору.

Примерно в десять часов вечера «маэстро» осторожно постучался к бухгалтеру и попросил его выйти в коридор.

— Утром уезжаем, — сказал он печально.

— Да что вы? Куда, зачем?

— Не знаю, наверное, так надо, — махнул рукой старик.

— С собой что-нибудь забираете? — спросил бухгалтер.

— Только то, что сможем взять...

С заплаканным лицом в коридор вышла белая Амалия и встала рядом с «маэстро». Выглянула было и смуглая Амалия, но выйти не решилась.

— Пианино у нас, редкий инструмент, — начал опять «маэстро».

— И взять с собой мы его не можем, — добавила белая Амалия.

— И покупателя нет, — признался «маэстро», взглянув на бухгалтера.

Смуглая Амалия вышла наконец в коридор и взяла своего мужа за локоть. Бухгалтер лишь мельком взглянул на нее и высвободил руку.

— И сколько оно стоит?

«Маэстро» назвал цену. Бухгалтер усмехнулся.

— Фантастика! Нет у меня столько, могу дать одну треть.

«Маэстро» посмотрел на жену.

У белой Амалии по щекам потекли слезы.

— Поверьте, я прошу мизерную цену, это уникальный инструмент известной во всем мире фирмы. Поверьте, такого в городе ни у кого нет...

Бухгалтер развел руками:

— Но у меня больше нет, поверьте и мне, и достать не смогу...

— Единственный в городе инструмент, — повторил «маэстро» и вновь взглянул на свою жену.

Бухгалтер опять развел руками и пошел было к своей двери.

— Хорошо, — сказала белая Амалия и закрыла лицо руками.

«Маэстро» застыл, потом отвел ее руки с лица и обнял ее.

— Давайте занесем сейчас, еще неизвестно, что утром случится! — торопливо проговорила смуглая Амалия.

«Маэстро» достал белый платок и стал вытирать лицо, его жена кивнула, соглашаясь.

Зашли в комнату. У пианино стоял долговязый

Руди. Руки его, лежавшие на закрытой крышке, дрожали. Он только взглянул на вошедших, и бухгалтер чуть было не ретировался.

Мать обняла Руди за плечи и отвела в сторону. Мужчины взялись за инструмент. Смуглая Амалия раскрыла обе створки дверей.

Мальчик отвернулся к стене и зарыдал. — Рудольф! — беспомощно окликнул его отец. Мальчик замолк. Он стоял, упираясь лбом в стену, худые плечи его вздрагивали.

Пианино вытащили в коридор, но в узкую дверь квартиры бухгалтера инструмент никак не пролезал.

Первым выдохся «маэстро», бухгалтер с женой еще что-то пытались придумать, но наконец и они сдались.

— Пусть пока постоит тут, — сказал бухгалтер и подкатил пианино к стенке коридора.

«Маэстро», тяжело дыша, отирал пот со лба. Спустя некоторое время бухгалтер вынес и молча отсчитал «маэстро» деньги.

— Тут еще кое-какая мебель осталась, заберите ее себе, — предложил «маэстро».

— Спасибо, она нам не нужна, пусть другие берут, — ответил бухгалтер.

На этом они и расстались. В полумраке черной мраморной глыбой тускло поблескивало пианино.

Смуглая Амалия на цыпочках подкралась к инструменту и, жадно оглядывая его, стала осторожно приподнимать полированную крышку.

— Женщина! — зашипел на нее муж. Вздрогнув, Амалия выпустила крышку, и пианино отозвалось глухим стоном.

— Мальчик выучится! — радостно прошептала она, и глаза ее заблестели.

Утром в комнате «маэстро» уже никого не было. И когда, спустя час, мальчик и девочка пришли к Руди, их просто туда не пустили...

Прошло двадцать пять лет... К дому, что стоит в тихом переулке, подходит незнакомец. Это высокий, крупный блондин со знач-

ком лауреата. Легко и широко шагая, он пересекает двор, внимательно оглядывая все вокруг, одним махом преодолевает три ступеньки лестницы и плотно прижимает пальцем дверной звонок.

Дверь открывается. На пороге стоит маленькая седая женщина в черном.

— Не узнаете, уважаемая Амалия? — с улыбкой спрашивает гость.

— Нет... Пожалуйте... — растерянно отвечает она.

В коридоре стоит пианино... Изуродованное, облупившееся, с разбитыми боками, с треснувшей посередине крышкой...

Мужчина меняется в лице.

Он стремительно подходит к пианино и осторожно поднимает треснувшую крышку. Открывается разбитая клавиатура.

Женщина удивленно смотрит на незнакомца.

Он осторожно дотрагивается пальцем до одной-единственной уцелевшей клавиши. Раздается трепетный стон...

Мужчина молча опускает крышку.

— Извините, пожалуйста! Прощайте! — глухо произносит он, выходит, торопливо спускается по лестнице, пересекает двор и скрывается из виду.

— Ненормальный! — восклицает женщина, с треском захлопывая за ним дверь, входит в комнату, где на стене висят портреты в черных рамках, и с плачем бросается лицом на кровать...

— Девочки, девочки, знаете что? — влетела в класс радостно возбужденная Талико. — Знаете, что я узнала?

— Что, что, что?

— Наша учительница Мери, что у нас была до четвертого класса, оказывается, оказывается...

— Ну скажи, скажи, скажи!

— Оказывается, влюблена в нашего учителя физкультуры!

— Ах, ах, ах!

— Письмо ему написала, мол, люблю...

— Ох, ох, ох!

— А он ответил, что любит другую...

— Ух, ух, ух!

- А эта — плакать...
- Хи, хи, хи!
- Теперь помирились и ходят вместе...
- Не может быть!
- Марклен, ты ведь все на свете знаешь, это правда?
- Не знаю. Правда, что ходят вместе.

- Девочки, девочки, знаете, что случилось?
- Нет, нет, нет!
- Наш Чабриа выиграл сто рублей!
- Где, где, где?
- Да на школьном дворе, в бабки играл на деньги!
- Ах, ах, ах!
- А сам в латаных штанах ходит...
- Эх, эх, эх!
- Марклен, это правда?
- Да, но он выиграл только двадцать рублей...

- Девочки, девочки! Отар школу бросает...
- Как, как, как?
- А вот так! На военном заводе стал работать...
- Ай, ай, ай!
- Кажется, на фронт собирается удрать...
- Молодец парень!
- Марклен, это правда?
- Он переходит в вечернюю школу.

- Девочки, девочки! Вы же знаете, что наша Марина пишет стихи?
- Да, да, да!
- Что она малость чокнутая, это тоже знаете?
- Как же, как же, как же!
- Ну, а всякое другое?!
- А что, а что, а что?
- Она, оказывается, какого-то парня привела к себе домой ночью...
- Кого, кого, кого?

Тенгиз Буачидзе. Дорога в детство.

— Какого-то парня... И утром выпустила... Откуда я узнала? Да от соседки, от Эльзы этой... Ой! Ты что, спятил — бросаться портфелем, чуть голова треснула! — расплакалась Талико.

— И пусть треснет, очень хорошо, чтоб зря не болтала!

— Ты что, Дато не знаешь?! Он же тебе язык вырвет!

— Мальчики, что с вами? Оставьте ее в покое!

— А ты чего лезешь? Помолчала бы! Коня куют, а жаба лапы подставляет!

— Ты сам жаба, ты сам лягушка!

— Кто лягушка, дура?! Видишь эту чернильницу?..

— Дети, успокойтесь, начинаем урок...

— Марклен, это правда?

— Это был сам Дато, привез ей дрова из Мцхета...

— «До свиданья, Зестафони, разлучаюсь я с тобой», — шел, покачиваясь и напевая, молодой парень. Прохожие шарахались в стороны, но, всматриваясь в мечтательное и доброе выражение его лица, невольно улыбались.

Показался военный патруль и остановил парня.

— Ваши документы!

— Нету уже документов, браток, — ответил парень по-грузински. — Что мне вам показать теперь? — добродушно улыбаясь, он потянулся было обнять молоденького белобрысого лейтенанта.

— Ну, ну, пьянчуга, осторожно! — крикнул лейтенант и ловко отпрыгнул. Двое красноармейцев схватили парня за руки.

— Показывай документы или — в комендатуру! — повысил голос лейтенант.

— «До свиданья, Зестафони, разлучаюсь я с тобой!» — снова беспечно запел парень и вдруг горячо обратился к прохожим: — Чего хотят эти добрые люди от меня? Я русского не понимаю, они — грузинского. Заладили «документы, документы!» Где я их возьму? Есть у меня какая-то бумажка, в комиссариате выдали, но куда подевалась, чтоб она сгорела, не знаю!

Парень стал выворачивать карманы. Прохожие обходили их стороной.

— Может, ты дезертир? Предъявляй документы! — не отставал лейтенант от парня.

«Дезертир» он понял и заорал по-русски:

— Я — дезертир? Я? Дурак ты, что ли! Завтра — армия, завтра — фронт!..

— Завтра? А как ты докажешь? — зло спросил лейтенант.

Парень опять подобрел и заговорил по-грузински:

— Завтра и мне обреют голову, браток, и выдадут такую же шинель... Поэтому, ребятки, пошли выпьем сегодня. Дом мой тут, совсем рядом. А дома — отец, мать, жена, понимаешь? — и вдруг опять перешел на русский: — Завтра — фронт, сегодня — пить! Идем!

— Может, правда, отпустить его, товарищ лейтенант? — сказал пожилой красноармеец, улыбаясь. — Чего тащить, видно, что не дезертир, просто парень навеселе!

— Ты помалкивай, — сурово обрезал лейтенант. — А ну, ведите его, ребята!

— Со мной идете, да? Очень хорошо, очень хорошо! Вот обрадуется мой отец Самсон, и мать, и жена... Это совсем близко... — осоловело проговорил парень и опять затянул: — «До свиданья, Зестафони, разлучаюсь я с тобой»...

— Что это со мной? Где я? Что за вонючий подвал?

— Это не вонючий подвал, а гауптвахта комендатуры!

Парень приподнялся и присел. Растерев лицо руками, он огляделся.

— Что? Совсем ничего не помнишь? — с улыбкой спросил сидящий на деревянных нарах широкоплечий солдат в гимнастерке без ремня. — Когда меня привели, ты уже храпел тут на нарах...

— Ничего не помню, — ответил парень, смутившись. — Пьян был в дым... Ты почему сидишь?

— Так... Подрался я, — нехотя сказал солдат.

— Ну и как, дал жару? — живо спросил парень.

— Троим, — смущаясь, сказал тот, — но потом сдался...

— Молодец! Ты настоящий мужчина! Но не надо было сдаваться, зачем?.. А почему я здесь?! Дай-ка вспомню... Значит, так: завтра в армию едем с утра ребята и сели за стол... Прощальный стол, ведь... Ну и выпили, хорошее трехлетнее вино было... Потом я шел домой... Тут патруль военный появился... А я как назло потерял бумажку, что вместо документов выдали... Оказал сопротивление... Потом меня куда-то вели... Потом куда-то втолкнули... А почему темно, что, ночь сейчас?

— Уже светает. Как твоя фамилия, парень? Ты ведь здешний?

— Да, здешний, сын Самсона Цкитишвили, Бичико меня зовут...

— Сегодня едете в армию?

— Сегодня... Если отпустят... А ты откуда?

— Из Самтредиа я, Ахобадзе Иванэ. Не миновать мне теперь штрафного батальона...

— Как штрафного, ты что?

— А вот так! А ты что думал? В армии драться нельзя, надо без слов подчиняться, я ведь уже солдат... Тут, знаешь, какие строгости? Война ведь...

— Как же ты так! Расскажи, будь человеком!

— Расскажу. И адрес свой тебе дам, может, попадешь в Самтредиа, повидашь моих, расскажешь... Отпустили нас вчера вечером в город, трое нас было, я и два моих русских друга. Вот мы и гуляли. Просто — ходили по улицам и на людей смотрели. Была у меня цель одна, никому о ней не говорил. С этой тайной целью и повел я друзей на вокзал — как раз через час поезд прибывал из Самтредиа, жена должна была приехать, у нас с ней уговор был — встретиться на вокзале. Короче, пришли на вокзал, а тут, откуда ни возьмись, патруль военный во главе с молодым лейтенантом...

— Поймай! Лейтенант? Безусый, белобрысый?

— Он самый! Документы! — говорит строго так. Вытащили мы увольнительные и дали. Прочитал он внимательно, моим друзьям вернул, а мою держит в руке и спрашивает важно: почему, мол, чести не отдаешь? А я отвечаю на своем самтредском русском языке: когда это? Я ведь вас, товарищ лейтенант, впервые вижу. Идем, говорит, там разберемся. Веди-

те его, приказывает солдатам... А тут скоро поезд, же-
на... Мои друзья удрали, я остался один. Что было де-
лать? Унижаться и объяснять? Ну нет! Документов
мой у него... Попятился я малость, решил уйти, а по-
том будь что будет... Не тут-то было! Схватили те
двое меня и держат. А лейтенант ремень на мне пыта-
ется расстегнуть... За что пропадать, в чем я прови-
нился? И, не думая, просто двинул я плечом и взмах-
нул рукой. Один полетел прямо на рельсы, а другой
об стенку стукнулся и упал. Лейтенант кинулся мне в
поясницу, а тот вскочил и держит меня сзади за руки.
Потерял я голову, чего это меня, как курицу зеста-
фонскую, ловят, — промелькнула мысль, и двинул его
коленкой, вроде бы случайно... Лейтенант охнул и
схватился за низ живота, вижу — слезы брызнули у мо-
локососа... Потом я сразу опомнился, жалко их стало,
да и себя пожалел... Плюнул я на поезд и на свидан-
ие, сдался и добровольно пошел с ними... Вот и очу-
тился здесь... Не миновать мне теперь штрафного —
уж очень зол был лейтенант...

Парень слушал, разинув рот. Потом задумался,
прошелся по подвалу и сказал сам себе:

— Вишь, какое дело армия, а? Строгость какая!

Загремел засов. Отворилась дверь и караульный
крикнул с порога:

— Цкитишвили Бичико, выходи, отец твой при-
шел! У коменданта он...

— Что такое «штрафной», а? Объясни, браток!

— Штрафной? Ну, как тебе сказать покороче? Это,
брат, прямо на фронт, прямо передовая и прямо в ата-
ку! Ад и смерть, браток...

— Дай адрес, солдат!

— Запомни: Самтредиа, Кирова, 29, Ахобадзе.
Самтредиа, Кирова, 29, Ахобадзе...

— Запомню, не бойся! А теперь — до свидания.
«До свиданья, Зестафони...» — запел вдруг парень и
дулей вылетел в дверь.

На маленькую станцию, затерявшуюся в горах,
ночью прибыл эшелон.

От товарного состава, в начале и в конце которого было по одному пассажирскому вагону, отцепили и угнали электровоз.

Под утро, когда пассажиры проснулись, состав стоял в тупике. Никто не знал, где остановились. Знали лишь, что находились где-то в Грузии.

Из поезда высыпали человек десять-двенадцать. Они с любопытством осматривались, затем с трудом прочитали на заржавевшей жестянке название станции.

— Смотрите, базар! — сказал один из пассажиров, указывая рукой в сторону.

За нешироким перроном к лесистому отрогу холма уютно притулилось типовое здание маленькой станции, возведенное в конце прошлого века. Рядом у подножия широких лип был базар, состоявший из длинной дощатой стойки, перекрытой почерневшей тесовой крышей. Тут крестьяне продавали овощи и фрукты со своих садов и огородов.

Было раннее утро. Вокруг стояла тишина, лишь из-за насыпи доносился шум невидимой речки.

Несколько человек — старухи в черном, в темных шалях и платках, седые старики и озябший мальчонка — стояли там же и молча наблюдали за собравшимися в небольшую группу пассажирами с эшелона.

Было похоже на этнографическое фото: три высоких липы, прилавок с плодами, тесовая крыша и неподвижные фигуры сельчан...

— А вон вода! — русая девушка дернула за рукав стоящего рядом с ней парня.

Они перебежали через пути, вспрыгнули на перрон и подставили руки под струю воды, льющейся из отполированной до блеска железной трубы.

— Ух, какая холодная! — вскрикнула девушка, прикладывая мокрые ладони к щекам. Парень тоже плеснул себе в лицо водой.

— Колька, давай посмотрим, что продают?

Они подошли к базарной стойке. Этнографическое фото ожило: сельчане зашевелились, кто тронул рукой свой немудреный товар, женщины стали поправлять платки и шали.

— Почему помидоры?

— Рубл! — живо ответил черноглазый мальчонка.

Колька вынул из кармана завернутую в белую

тряпочку соль, аккуратно развернул на ладони. Взяли по одному помидору, надкусили и посыпали солью.

Мальчонка с интересом уставился на них.

— Вкусно, — сказала русая девушка, отирая сок с подбородка.

Из-за ближней горы как-то сразу вынырнуло солнце и осветило затененное ущелье. Словно только этого и ждали, сразу все вокруг оживилось, зашевелились, загомонили.

За эшеленом виднелся маленький мост через речку, по ту сторону было село, над ним громоздились зеленые горы. Перекликались люди, лаяли собаки, голосили петухи.

— Красота-то какая, Катька! Просто рай...

— Идите, идите сюда! — закричала Катька и махнула рукой стоявшим у эшелона.

— Иван Кузьмич, угощайтесь помидорами! — обратилась девушка к одному из подошедших, пожилому человеку с белой, как вата, бородой, казавшейся приклеенной к его худому лицу.

Иван Кузьмич взял помидор, покрутил его в руках, полюбовался на заблестевший плод, осторожно положил его обратно, погладил мальчику по голове и спросил:

— С твоего огорода?

— Рубл! — бойко ответил мальчонка, не сводя глаз с его белой бороды.

Иван Кузьмич улыбнулся и прошел дальше вдоль стойки.

В конце стойки на пне восседал дед Нестор, держа оба костыля в одной руке, он, казалось, беззаботно дымил трубкой.

— Драсте, Иван! — обратился он к незнакомцу и хитро прищурился.

Иван Кузьмич, ничуть не удивившись тому, что незнакомый старик назвал его по имени, вежливо ответил. Затем присел, достал из нагрудного кармана мелко сложенную газету, оторвал кусочек, насыпал щепотку махорки из кисета, свернул и тоже задымил.

— Махорка, махорка, сладка махорка! Ух, сколь-

ко она мне напомнила! — проговорил дед Нестор, жадно вдыхая запах махорки.

Иван Кузьмич выжидательно смотрел на него.

— Ту, первую войну напомнила. Били мы германца, а он нас... Ногу вот мне прострелили, — сказал, указывая на костыли.

— На западном воевали?

— В Галиции. Сначала в 8-й армии Брусилова, потом, в шестнадцатом году, был в брусиловском наступлении. Там и покалечили ногу...

Долго степенно курили.

— Что-нибудь продаете? — спросил Иван Кузьмич.

— Внук мой помидоры продает, своими руками вырастил, шельмец... Деньги копит, сукин сын, говорит, отцу на фронт pošлю подарки... А мне дома не сидится — ни свет ни заря тащусь сюда.

— Поезда встречаете?

Нестор снова прищурился, выпуская дым из ноздрей.

— Людей встречаю, тебя вот встретил, новости узнаю...

— Радио или газеты у вас есть?

— А как же? Я большой до них охотник. Но люди есть люди — многое услышишь. Вы откуда будете?

— Из Армавира.

— Армавир... Знаю, знаю. И куда путь держите?

— Я не знаю...

— Знать-то ты знаешь, но... Правильно, что не говоришь. Я тебе скажу: если не оставят в Тбилиси, то — в Среднюю Азию, не ближе...

— Кто вам это сказал?

— Кукушка накуковала. Мне положено все знать, правда, работник из меня никакой, но агитатор, как говорят, прекрасный. Поэтому и должен я все знать — кто откуда и куда едет, что думает, что говорит... В прошлое воскресенье прошел эшелон тоже из Армавира. Вы механический завод везете?

Иван Кузьмич про себя улыбнулся, но понял, что перед ним свой человек, и правдиво ответил:

— Мы везем только один цех.

— Вас оставят в Тбилиси, — уверенно сказал Не-

стор, и Иван Кузьмич поверил, что так и будет.

А ты — старший мастер.

— Да!

— Это твой сын? — Нестор указал трубкой на парня, беседовавшего с русой девушкой.

— Нет.

— А есть?

— Двое.

— Оба там? — Нестор махнул рукой назад.

Иван Кузьмич кивнул, бросил окурок и тщательно вдавил его в землю каблуком сапога. Потом, задумавшись, провел двумя согнутыми пальцами по белым усам.

— Мои тоже. Трое у меня. Один его отец, — указал на черноглазого мальчика Нестор.

— Где воюют?

— Были в Бессарабии. Сейчас — не знаю...

— Война! — сказал Иван Кузьмич задумчиво.

— Война! — согласился Нестор, затем с трудом поднялся, приладил костыли под мышки и пошел, качая головой и что-то бормоча. Иван Кузьмич смотрел ему вслед, пока тот не скрылся с глаз.

Весь день, не останавливаясь, грохоча на стыках рельсов, шли эшелоны. Шли, груженные солдатами, лошадьми, торчащими из-под натянутого брезента пушками, танками, ящиками... Шли поезда с красными крестами на вагонах, нефтяные цистерны. А эшелон из Армавира стоял в тупике, и никто не знал, когда он тронется с места.

В полдень стало сильно припекать, и все разбрелись в поисках тени. Заложив руки за спину, Иван Кузьмич пошел по тропинке, пересекающей холм за станцией.

По склонам, как птичьи гнезда, были рассыпаны домики, обнесенные изгородью. Во дворах росли раскидистые деревья грецкого ореха, адели цветы граната. Живая изгородь ежевичных кустов была усыпана красными и черными ягодами. В тени домов, крытых тесом, бегали полуголые ребятишки.

— Иван! — у ворот одного из домов стоял Нестор. — Заходи, посидим в прохладе.

Поздоровавшись с ним за руку, словно не видел с ним утром, Нестор потрепал его по плечу, как бы извиняясь за то, что давеча оставил его одного. Сели на прохладную каменную скамью за круглый каменный стол, стоявший под ореховым деревом. Из дома выглянула и тут же скрылась молодая женщина в платке.

— Когда уезжаете?

— Неизвестно. Начальник эшелона сидит у начальника станции и звонит повсюду, но пока ничего определенного... Он сказал, что до вечера мы все свободны.

— Сыновья у тебя женаты, Иван?

— Не успели, — вздохнул Иван Кузьмич.

Женщина в платке спустилась во двор, неся на маленьком плетеном подносе мчади, сыр и фрукты. Прибежал черноглазый мальчонка и поставил на стол мокрый кувшинчик.

— Моя невестка, Иван!

Иван Кузьмич привстал и протянул молодой женщине руку, она, смущаясь, пожала ее и опять ушла в дом.

— Важико, сядь, — сказал Нестор стоявшему рядом внуку, разлил из кувшинчика вино и подвинул гостю стакан. — Пей, Иван, это слабое вино, кисленькое...

— Мне нравятся здешние вина, — сказал Иван Кузьмич, — хороши в такую жару. Ваши привозили в Армавир на продажу. — Подняв стакан, он посмотрел сквозь него на свет. — Будь здоров, Нестор.

— За твое здоровье, Иван!

— Большой у тебя виноградник?

— Да нет, с ладонь. Разве здесь, в горах, развернешься?

— А колхоз как же?

— Колхоз! Да что... Остались только женщины и вот такие дети, что они могут делать? Я, как видишь, в работники не гожусь... Кукуруза будет ничего, дружно поднялась, но вот виноградники... Не знаю, успеет ли виноград к холодам. Ведь к нам зима приходит на месяц-полтора раньше, чем в долину...

— А чем твои сыновья были заняты?

— Его отец был бригадиром в артели, — Нестор положил руку на плечо внука. — Средний был студентом зоотехнического, все о горном скотоводстве мечтал.

Ну, а младший... А младший без дела слонялся...
 Нестор достал трубку и, заправляя, не закончил фразы, лишь вздохнул.

— Мои оба были со мной на заводе...
 — Выпьем за наших сыновей, Иван! Пусть вернутся домой с миром...

Важико молча посматривал на белые усы гостя, дивился складной русской речи деда, сидел, готовый каждую секунду по знаку деда бежать за чем-нибудь...

— Нестор, Нестор! — к изгороди подошел низенький седой крестьянин. Увидев постороннего, смутился. — Здравствуй, Нестор, извини, я не знал, что у тебя гость...

— Заходи, заходи, Иванэ, с эшелона человек у меня! Это — сосед, твой тезка, — пояснил Нестор Ивану Кузьмичу.

Вошедший поздоровался со всеми за руку, сел, налил себе вина и сказал:

— А ну, спроси его, Нестор, чего они сюда бегут? Не могут остановить германцев или хоронятся от них? — он чокнулся с гостем и выпил.

— Не говори глупости, Иванэ. Там все вверх дном, там все перевернулось, какого же ответа ты у него требуешь? Что он, генерал или маршал? У тебя ведь парень тоже на фронте, вот у него и спроси...

— Я пошутил, ты что, слушай! Он-то ведь не понимал? Не разводи тут свою агитацию-пропаганду...

Важико снова принес полный кувшинчик.

Стрекотали в полуденном зное цикады. А под оре-
 хом, раскинутым, как огромный зонт, веял ветерок и трое седых стариков пытались умиловить грозного бога войны терпким вином из горного винограда, которое в литровом кувшинчике таскал и таскал Важико...

Тем временем Колька и Катька перешли мост и остановились в начале одной-единственной улицы в селе.

По одну сторону улицы теснились дома, по другую текла речка.

В нижнем этаже одного из домов ютились читальня, продуктовый магазин и парикмахерская. Тут же

недалеко стоял двухэтажный дом. Там жило руководство района. Потом все дальше и дальше виднелся неровный ряд деревянных домиков: почта, скобяной магазин, аптека, сушильня для шелковичных коконов, опять домики... Улица заканчивалась деревянным мостиком, дальше были поля попеременно с отмелями.

— Деревенька-то небольшая, — сказала Катька.

— Негде тут развернуться, — ответил Колька обводя рукой нависшие над селом горы.

— Зайдем? — спросила Катька, указывая рукой на читальню.

В читальне царила приятная прохлада. Несколько человек читали за столом газеты и журналы. Сидевшая за перегородкой среди стеллажей с книгами библиотечка подняла голову и встала.

— Вы с эшелона? — спросила она.

— Да.

— Свежие газеты на столе. Не хотите ли чего еще?

— Нет, мы газеты почитаем.

Катька заметила, как с другого конца стола на них внимательно смотрела необычной красоты девушка. Вдруг она встала и направилась к ним. На ней было простенькое ситцевое платье с короткими рукавами, но Катьке вдруг показалось, что к ним плыл прекрасный белый лебедь, совсем как тот, которого она как-то видела в своем родном городе. Колька тоже изумленно смотрел на нее. Девушка подошла, взяла Катьку за руку и произнесла на правильном русском языке:

— Меня зовут Марина, а вас?

— Меня — Катя, его — Коля, — не растерялась Катька.

— Вы с эшелона? Пойдемте ко мне. Может, вы голодны, вместе пообедаем. Я близко тут живу с бабушкой, — теперь она смотрела на Кольку большими лучистыми глазами.

— Мы хотели газеты вот просмотреть, — растерянно проговорил Колька и покраснел.

— Мы хотим просмотреть газеты, а потом искупаться. Где тут купаются в этой речушке? У станции вода по колено. Где-то есть ведь поглубже запруда? — сыпала вопросами Катька. Ей было неловко за растерявшегося и покрасневшего перед этой красавицей

РУС
1735340
0110333

Кольку, к тому же, думала она, просто неприлично быть такой красивой.

— Идите сюда, садитесь, вот тут газеты на русском языке, — словно хозяйка, повела она их к столу. Затем, повернувшись к библиотекарше, все стоящей у перегородки, что-то тихо сказала ей. Библиотекарша в ответ улыбнулась и кивнула головой. Девушка ушла.

Слегка раздраженная Катька видела, что Колька, хотя и склонился над газетой, вовсе ее не читал...

Минут через пять в читальню со смехом ворвались мальчики и девочки от пяти до двенадцати лет.

— Вы гости? Вы хотите искупаться? — кинулась к Катьке и Кольке веснушчатая девчонка.

— Пошли, пошли, мы идем купаться! — кричали хором ребяташки.

Они тянули их за руки и тащили к двери. Стоявшая за перегородкой библиотекарша улыбалась.

С хохотом и криком ватага ребят с Катькой и Колькой неслась по ущелью вдоль речки. На противоположном берегу на высокой насыпи блестели рельсы, на дороге пыль стояла столбом, стрекотанье кузнечиков словно пронзало воздух, а с неба смеялось им в лицо* расплывшееся, как яичный желток, солнце.

На берегу небольшого омута, обсаженного с одной стороны ивами, на песке лежали трое голеньких ребяташек. Четвертый, шумно отфыркиваясь, нещадно колотя руками и ногами по синей незамутненной воде, плавал у берега.

По кривым, обрывистым тропкам ребята с криком бросились вниз, скидывая на ходу нехитрую одежду. Через минуту все плескались в воде.

Пока они купались, топя друг друга и отчаянно визжа, на берегу появился парень в длинных брюках и красной рубашке. Присев на камень и подперев рукой голову, он глядел на них. Прошло порядочно времени, прежде чем его заметили снизу.

— Хандиа, Хандиа пришел!

— Эй, Хандиа, спускайся купаться с нами!

— Хандиа-Тыква, давай к нам!

Парень вскочил и с гиканьем, огромными прыжка-

ми понесся вниз по склону. Когда он, раздевшись, прыгнул в воду, все навалилось на него...

Потом Катька и Колька вместе со всеми ребятами на горячем песке и разговаривали с окружившими их кольцом ребятами. Пару русских слов знал почти каждый, а некоторые из них были городскими и говорили по-русски свободно. Беседа шла примерно так:

— Они с эшелона, — начала веснушчатая девочка.

— Куда едете?

— Не знаем.

— Откуда едете?

— Из России.

— Вы брат и сестра?

— Нет, вместе работаем.

— Может, вы муж с женой?

— Что вы! Просто работали на одном заводе...

— Фрицев видели?

— Нет, мы успели удрать.

— В танке сидели?

— Да, мы танки ремонтировали.

— Под бомбежку попадали?

— Дважды, по дороге сюда.

— Где ваши родители?

— Отцы на фронте, матери ушли в партизаны.

— Долго пробудете у нас?

— Не знаем.

Куда-то исчезли двое из ребят.

Вскоре они вернулись, неся завернутые в майку спелые сливы, лесные орешки и недозрелые персики. Разложили все перед гостями и сказали: ешьте! Они так озирались по сторонам, что все поняли: угощение краденое.

Все смотрели, как Катька уминала сливы, морщилась от персиков и с хрустом ела орешки, которые раскалывал ей Хандиа. А Колька почему-то смущался.

Когда солнце уже склонилось, Хандиа сказал:

— Теперь мы идем в гости к одной девушке, она меня прислала.

— К Марине, к Марине! Нам она тоже велела!

— Зачем, Хандиа? — спросила Катька, когда ей перевели, и стыдливо поправила белый лифчик на выскокой груди.

— Зачем, да кушат! — сказал Хандиа по-русски и улыбнулся.

Колька лежал на спине и молча смотрел в небо. Ему очень не нравилось, что Катька так быстро сблизилась с этим долговязым парнем. Не нравилось ему, как они бросались друг на друга в воде, пытаясь утопить друг друга, не нравилось, что и сейчас лежали они на песке плечом к плечу. Колька смотрел в небо.

— Ну как, сходим, Колька? Ведь девушка красавица! — беспричинно усмехнулась Катька.

Колька не отвечал.

— Маринина бабушка зарезала курицу, испекла мчади, думаю, и немного муки достала, чтобы испечь хачапури, есть и вино... — рассказывал Хандиа, а ребята, перебивая друг друга, переводили Катьке и Кольке...

— Ну как, Колька? — растягивая слова, спрашивала Катька и назло Кольке заглядывала Хандии в глаза и прижималась плечом к его плечу...

К вечеру в эшелоне заиграла гармонь. Женщины ладно пели грустные песни. Спотыкаясь о рельсы, возвращались побывавшие в гостях подвыпившие мужчины.

Пришли и Иван Кузьмич с Нестором.

— Получайте вашего мастера! — крикнул Нестор в открытую дверь вагона. Из вагона попрыгали веселые пассажиры.

— Завтра я тебя проведу, Нестор, генацвале! — сказал Иван Кузьмич. — Дай-ка я тебя обниму, — добавил он и провел по своим белым усам двумя согнутыми пальцами.

Нестор отряхнул бороду. Захмелевшие старики обнялись, поцеловались троекратно. У Нестора упали костыли, и пока ему их подавали, Иван Кузьмич держал его, обняв обеими руками.

— До завтра, до завтра!

— Не подкачай, Кузьмич, там, на месте, — говорил Нестор.

— А ты здесь командуй! — отвечал Иван Кузьмич.

— Покомандую, я ведь брусиловский солдат, — кричал уже из темноты Нестор...

Всю ночь в эшелоне наяривала гармония. Слышалось стройное пение, хлопанье в ладоши и раздавался перестук каблуков от танца вприсядку. В темном углу вагона целовались Катька и Колька...

Утром, опередив внука, до восхода солнца Нестор приковылял на станцию.

Эшелона не было.

Он присел на пенек и стал медленно набивать трубку.

Потихоньку собрались сельчане — женщины в черном, в платках и шалях, два-три седых старика и черноглазый мальчонка. Молча раскладывали на прилавке овощи и фрукты. Стояли и ждали. Чуть шелестели листвою вековые липы над тесовой крышей.

Взошло солнце и осветило затененное ущелье. Задвигалась этнографическая группа.

Нестор сидел и, казалось, равнодушно дымил длинной трубкой.

Мощный гудок электровоза сотряс горы. С гулом и грохотом пронесся состав, груженный пушками. За ним — второй, третий...

Весь день проносились эшелоны через маленькую станцию, затерявшуюся в горах. Когда на время умолкал их гул, доносился шум невидимой речки и беспре-рывный звон цикад...

«Есть женщины, которые рождены только для любви, только для ласки. Их внутренняя чистота и красота души находятся в полной гармонии с внешним обликом...

В тот год, когда родилась Эка, недоброй славы карательный отряд Алиханова-Аварского сравнял с землей почти все прижелезнодорожные села Западной Грузии, предал огню дома людей, подозреваемых в революционной деятельности, в том числе и дом родителей Эки.

Связь Сачино и Марнам Небиеридзе с деятелями нового поколения была столь очевидной (брат Сачино был одним из руководителей имеретинского восстания, да и сам Сачино не остался в стороне), что никто не чаял увидеть их в живых.

Но они уцелели (правда, Сачино надолго исчез из родных мест). Эка была их третьим ребенком (двое мальчиков умерли совсем маленькими), после нее родилась еще одна дочка — Мариам. Жили в нищете. Родители так дрожали над слабой и болезненной девочкой, что даже родственники выражали недовольство.

Когда в 1918 году по Грузии прошла эпидемия «испанки», среди многих и Сачино расстался с бременным миром...

Я познакомилась с Экой (правда, мы — односельчанки, но не знали друг друга, я ведь была «дворянской дочкой»), когда ей было 19 лет. В тот год она вышла замуж за Мириана Миндели, присланного к нам в деревню комсомольского работника (я была уже замужем и ждала ребенка).

Так как наши мужья были, так сказать, коллегами, мы с ней сразу подружились и, без преувеличения можно сказать, даже жили одной семьей (Евгения часто посылали в районы, а Эка с Мирианом обосновались в Тбилиси).

Эка много болела и после школы прошла только курсы машинописи и стенографии.

Печатать на машинке тоже нелегкий труд, и пока Мириан был с ней, Эка почти не работала (правда, иногда помогала нам на партийно-комсомольских конференциях, стенографировала и печатала). Зато дома крутилась как белка в колесе, и то, чего, наверное, недоставало моему мужу (я не была примерной хозяйкой, как говорится, «семейной женщиной»), у Мириана было в излишке, и они были счастливы.

Эка хрупкого сложения, небольшого роста, с большими голубыми глазами, светло-золотистыми волосами. Она часто жалуется на разные недомогания (это и видно по ней), но всегда удивительно сильна духом, уравновешена, спокойна и ласкова.

Когда меня охватывает жажда покоя, уюта, я хожу к ней. Она так умеет окружить заботой и лаской, что отдыхаешь душой. Но теперь я уже не узнаю прежнюю милую Эку. Болезнь, которую обнаружили у нее, погасила блеск ее глаз, а мне прибавила горя... Как

бы мне хотелось помочь ей одолеть эту болезнь, стать ее опорой. Марина характером больше похожа на отца (да и внешностью тоже), она, как Мириан, ^{жесточка} порывиста и строга к себе.

Вот так примерно сказала бы Елена Мизандари о своей подруге Эке Миндели.

А если у Эки спросили бы о Елене, она, наверное, сказала бы:

«Елена особенная женщина! Такая родится на тысячу одна! По призванию — педагог, по разуму — мыслитель, по характеру — организатор. Совершенно новый тип женщины. Внешне — высокая, крепкая, смуглая красавица! Знает и языки — грузинский, русский, французский. Играет на пианино, поет, танцует... Все ей удастся. Настоящая женщина-комиссар. Окончила всего лишь гуманитарный техникум, но знания — просто энциклопедические...

Она была молоденькой девушкой, когда организовала комсомольскую ячейку, командовала мужчинами, спланировала женщин, возглавила строительство новой школы, учила ребятишек, играла в драмкружке, думала и писала о новой педагогике. Все успевала.

Вместе с мужем она не раз вступала в поединок с бандитами (были такие Двалишвили), переплывала разлившуюся реку, в кромешную ночь одна верхом поднималась в горное селение. И машину водить умеет, и обед вкусный приготовить! Вот такая Елена!

И как они подходили друг другу — Евгений и Елена!

Оба одинаково рослые, быстрые, беспокойные, энергичные, неутомимые, готовые на любые жертвы ради других...

У них было множество знакомых и друзей во всех районах республики, в самых разных кругах Тбилиси — от артистов и писателей до школьников и дворника Каро... И дом такой же: шум, веселье, громкие разговоры, окна, двери настежь, развевающиеся занавески, жаркие споры, табачный дым, медвежьих шкуры, сапоги, ружья, олени рога и... постоянный сквозняк... И сын похож на них — Дато копия своей матери...

И ничего не осталось...

Тридцать два года было Евгению Мизандари...
Если б не Елена, что бы со мной было?!»

Каро — типичный тбилисец. Хоть он и родился не здесь, но вырос тут, женился и народил детей. Он говорит на каком-то особом языке, мешая русские, грузинские и армянские слова, на языке, который так часто можно было услышать в старом городе. Старый квартал так же непредставим без таких, как Каро, как тбилисский февраль без ветра или июль — без жары.

Каро почти достиг сорока. Женился он поздно, поэтому дети у него еще маленькие. Нелегкая судьба была у Каро. Во время армяно-татарской резни в начале века погибли его отец, мать, брат и сестра. Трехлетнего Каро спасла одна грузинская семья. Это было в Баку. Вскоре Каро попал в Тбилиси, к своим дальним родственникам.

Выросшему в сиротстве и в вечной заботе о хлебе насущном Каро некогда было думать не только о собственной семье, но и о себе. Он занимался всем, чем приходилось. Сначала был чистильщиком — сидел на низенькой скамеечке в одном из людных уголков Эриванской площади, перед ним стоял сколоченный собственными руками маленький ящичек, по которому он, зазывая клиентов, стучал взятыми напрокат щетками. Потом научился ремонтировать обувь. А когда достаточно вырос и окреп, пристал к артели носильщиков.

Жил он на Серебряной улице в маленькой комнатке в подвале без окон, где стояли деревянная тахта и жестяная печка. Кран был во дворе.

В двадцатых годах, когда в городе началось строительство, он пошел подсобным рабочим на стройку. Он помнил (а может, родственники ему внушили), что был выходцем из состоятельной семьи, и считал зазорным работать чистильщиком или носильщиком.

Каро был странным человеком. Знакомые издевались над ним, когда он вместо пяти рублей спрашивал с клиента рубль и конфузился, когда давали три. Он и ушел на стройку. Но и здесь не очень ему нравилось. И в конце концов он стал дворником.

Когда в начале тридцатых годов на одной из улиц в Сололаки начали строительство трехэтажного жилого дома для ответственных работников, Каро попал на эту стройку. По проекту в подвале дома была запланирована общая прачечная. Затем эта идея почему-то заглохла, помещение перегородили на маленькие подвалы, выделив по одному на каждую семью. Тогда и встретился Каро с Евгением Мизандари.

— Хазин-джан, — улучил Каро момент, — одно слово скажу.

— Каро, почему ты все время зовешь меня хозяином? Говори мне товарищ или по имени зови.

— Товарищ Евгений... Нет, нехорошо так... Отчество скажите. Евгений Николаевич, вот у всех подвалы есть, ну внизу, один мне дайте, если можно. Я считал — их восемь, а в доме шесть семья, два лишни. Можно, а?

— В подвале будешь жить?

— Буду жить, это лучше, окошка есть. Там, на Серебренни улица, тоже подвал, это — дворец по сравнению... Моими руками сделаю маленький комната...

Евгений помог: в горсовете выделили Каро две комнатки в подвальном этаже, исхлопотали ему штат дворника... И поселился Каро в этих комнатах. За два месяца нешумной суеты он так отремонтировал помещение, что стоило посмотреть: настелил пол, тщательно оштукатурил, а потом побелил потолок, стены оклеил подаренными Еленой светлыми обоями, сложил небольшую кирпичную печку, облицевав ее каштанового цвета кафелем... Когда Евгений спустился, чтобы посмотреть, как устроился Каро, то от удивления развел руками и воскликнул:

— Вах, Каро-джан (чтоб доставить ему больше удовольствия, заговорил на его же языке), что у тебя за золотые руки?!

Обрадованный Каро смущенно улыбался.

— Все сделал, Евгений Николаевич, сам, сам...

— Знаешь, что еще надо, — сказал, подумав, Евгений, — тут, у лестницы, сделай парапет, ну, надстрой немного стенку, хотя бы в один, а то и в два кирпича, понял? Не то во время ливней вода со двора зальет тебя...

— Понял, понял, сделаю потом, Евгений Николаевич.

— На чем же ты будешь спать, сидеть, есть?

— Куплю тихо-тихо, зачем спешить?

— Пойдем к нам, посмотрим, поделим что есть. Думаю, у нас есть кое-что лишнее. Погоди, жену позову.

Елена все осмотрела и одобрила. Затем Каро вместе с Евгением и Еленой поднялся к ним в квартиру. Тут он получил в дар стол, тахту и три стула, смену постельного белья и посуду на двоих — ложки, тарелки, чашки, даже кастрюли... В одном из углов Каро заметил сваленную в кучу ношеную обувь: мужские сапоги, женские туфли, детские ботинки.

— Это что, выбрасываете? Давай я возьму! — сказал Каро.

Старую обувь побросали в таз и отдали ему.

Через две недели он принес мастерски отремонтированную обувь.

— И вправду, у тебя золотые руки, ведь она как новая, — сказала растроганная Елена.

Каро смущенно улыбался.

Дато и Каро подружились, но именно в этот период появился товарищ Симон, и в их взаимоотношениях что-то сломалось, хотя оба делали вид, что ничего не случилось.

Товарищ Симон принял как должное осторожно вернутое Каро «хазеин-джан» и в самом деле стал вести себя с ним, как настоящий хозяин со слугой...

Как-то раз Дато, возвращаясь из школы, увидел во дворе Каро, который, сделав ему знак, тут же исчез в своем подвале. Этот знак означал: ночью спустись ко мне в подвал.

Зима была на исходе, шел мокрый снег, холодный ветер рвал кровельное железо и сгибал в саду голые деревья. Было около полуночи, когда Дато в накинутой на плечи отцовской телогрейке выскользнул из комнаты, осторожно перешагнул через собаку, лежавшую у самых дверей, крадучись, как вор, спустился по

лестнице во двор и, дрожа от холода, постучался к Каро. После ночной темноты и пронизывающего ветра в квартире Каро, как показалось ему, было очень светло и тепло, хотя под потолком горела лишь одна голая лампочка, а печка давно уж погасла. За столом сидели Каро и Люся, перед ними лежал довольно большой, завернутый в газеты пакет.

— Пришел, да? — сказал Каро. — Иди, садись, что-то скажу. Это, видишь, твой близкий, ну муж доктора, который тетя девочки... Это он принес. Понял?

Дато ничего не понял.

— Короче, утром пришел один человек, принес тебе и твой мама вот это, — Каро развернул газеты: две буханки белого хлеба, пара колбас, две головки сыра, мешочек сахара...

— Кто это принес, Каро?

— Я тебе что сказал? Тот, который муж доктора, тети девочки...

— Не понял...

— Ну, мингрел, как его звать? Высокий, молодой, красивый... Вспомнил — Хута! Хута знаешь?

— Знаю, муж тети Нино, врача...

— Точно, это он. Он сказал, это вам, понял?

— Понял, — сказал Дато и невольно проглотил слюну.

— Раз понял, возьми, да!

Дато на минуту задумался, а потом стал делить все пополам. Один хлеб, одну колбасу, одну головку сыра и полмешочка сахара отложил в сторону.

— Что ты делаешь? — закричал Каро.

— Детей покорми, — сказал Дато, заворачивая в газеты свою долю. Люся молча помогала ему, потом вдруг нагнулась, поцеловала его в голову и прошептала:

— Ты добрый мальчик!

Каро ничего не сказал, лишь посмотрел на жену.

В тот год каждый месяц в день зарплаты дядя Хута оставлял у Каро продукты, и хотя Каро очень боялся товарища Симона, он все это тем же путем передавал Дато.

Прошел год. Началась война и дядя Хута ушел на фронт.

Но до начала войны было еще четыре долгих года, за которые Каро к двум мальчикам добавил еще двоих. Дато в год, когда началась война, исполнилось шестнадцать, и он нашел дело, которое искал.

Каро жил прежней жизнью, прислуживал товарищу Симону и безуспешно пытался выкинуть из головы историю, связанную с веселым Хута, в страхе стоял ночами и жестоко корил себя за то, что так легкомысленно поступал.

Первая осень войны.

Город пока еще полон народа и у него пока вполне мирный вид. Лишь на стеклах окон и витрин магазинов появились клетки из узких полосок белой бумаги или ткани — чтоб при бомбежке не бились стекла.

Но если будут взрываться бомбы, гибнуть люди, рушиться дома, то разве помогут эти белые лоскутки? Может, помогут, думают люди, плохо представляя, что такое бомбардировка, и усердно клеют полоски — надо же что-то делать. К тому же — приказ.

Во дворах, садах, парках, скверах вырыли ямы и траншеи, перекрыли их досками и засыпали сверху землей — это временные убежища. У входов в подвалы старых домов с толстыми стенами и сводами появились стрелки и надписи: «Бомбоубежище».

Горожане напряжены и охвачены беспокойством. В очередях молчат, если говорят, то вполголоса.

В городе ввели военное патрулирование. Серьезные красноармейцы останавливают подозрительных, проверяют документы.

День и ночь работают мобилизационные пункты.

Продукты и промтовары пока свободно продаются в магазинах, пока...

На базарах полно народу. Прилавки пока еще ломаются от фруктов, овощей, мяса, птицы, рыбы, зелени...

Пока еще не стал всеобщим торжищем Сабуртлинский базар, пока...

Пока еще, как обычно, выходят газеты, журналы, книги.

В многолюдных кинотеатрах идут новые фильмы. В театрах ставятся новые спектакли...

На первый взгляд все как будто обычно и привычно, но подспудно уже чувствуется дыхание войны.

Горюют в семьях погибших в первых боях.

Появились первые беженцы, их называют «эвакуированные».

Сильно обостряется интерес к газетам и радиопередачам.

Все чаще устраиваются митинги: все для фронта, все для войны! Враг подступает к Москве! Опасность на подступах к Ленинграду!

Стремительно строятся новые предприятия, расширяются старые. Меняются характер и назначение выпускаемой продукции.

По вечерам на затемненном вокзале гудят паровозы и электровозы — уходят военные эшелоны.

Утром многочисленные гудки заводов призывают рабочих — скорей, скорей, все для фронта, все для войны!

Появились первые спекулянты, втридорога продающие приобретенное по дешевке...

Многолюдный город гудит, стонет, спешит, трудится...

В разных уголках республики формируются грузинские батальоны, полки, дивизии. Пока трудно предположить (так далек еще фронт), что вскоре и Кавказ окажется в непосредственной опасности. Пока...

Москва и Ленинград — вот о чем думают сейчас тысячи и миллионы...

В Батуми, Сухуми, Поти развернута напряженная работа — порты оснащаются для военных нужд.

Резко возросло значение чиатурского марганца и ферросплавов Зестафони, ткибульского и ткварчельского угля.

Почти опустели университет, индустриальный, медицинский, сельскохозяйственный институты. Уходят и студенты и многие преподаватели, уходят и женщины — добровольцами, врачами, медсестрами.

Почти целиком мобилизовано молодое, сильное,

трудовое крестьянство. Деревни остались на попечение женщин, стариков, детей. Здесь больше, чем в городе, ощущается отсутствие мужчин.

Во всех больницах, во многих зданиях школ, в различных учреждениях оборудуются госпитали.

Разрастается поток оставшихся без родителей эвакуированных детей. Детские дома перегружены. На поездах, кораблях, автомобилях привозят русских, украинцев, белорусов, латышей, литовцев, эстонцев.

Прибывают эвакуированные заводы, цеха со своими рабочими, мастерами.

Вся страна в движении: с запада разветвленно течет поток эвакуированных, раненых, беженцев, с востока движутся сжатые в единый кулак колонны дивизий, составы товарных и пассажирских поездов, автомашины, гужевого транспорт с солдатами, военной техникой, боеприпасами, продовольствием...

Кажется, все перевернулось, все движется без толку: вокзалы переполнены — кто спит, кто бродит, кто ребенка успокаивает, кто сам плачет; горы чемоданов, корзин, мешков, сумок. Все перемешалось, словно никто не знает, куда и зачем едет, что ищет, к чему стремится.

До утра горит свет в учреждениях. Всю ночь идут совещания, заседания, раздаются телефонные звонки, летят телеграммы, спешат курьеры...

Днем улицы полны народа. Кого только тут ни встретишь: легкой походкой танцовщицы по проспекту Руставели идет Любовь Орлова, за ней следует толпа зевак; а вон тот с палочкой — Владимир Орлов из Ленинграда; рядом с Виктором Гольцевым идут Шалва Дадиани в черкеске и Симон Чиковани; Симонов, Симонов идет, вон тот, с красивой шевелюрой! Смотрите, смотрите, актеры МХАТа! — то и дело слышится с разных концов.

Вся страна в движении. Но кажущаяся беспорядочность, бестолковость этого движения имеет свою закономерность и внутренний ритм: все, что должно быть сделано, делается; едут туда, куда должно ехать, приезжают туда, куда надо приехать. И суть движе-

ния, общая цель и общий девиз: все для фронта, все для войны. И все подчинено этому.

Но у людей, составляющих потоки этого в общем закономерного движения, кроме ясного представления — куда, как и с какой целью ехать, есть еще острое ощущение личного несчастья, гипертрофированное представление о всеобщем хаосе. Рушатся семьи, в неизвестном направлении исчезают дети, сестры и братья, матери и отцы. Большая трагедия явилась причиной множества маленьких трагедий. Несчастье, вызванное войной, для большинства людей уже конкретно, связано с их личными судьбами, семьей, близкими.

И потому так остра и неумемна общая и личная боль, порождающая неодолимое желание мести захватчикам — первопричине всеобщего горя.

И потому все взоры обращены на партию, на Сталина, который воплощает в себе память о трудной, но мирной жизни, и веру в неотвратимое возмездие врагу, и надежду на счастливый исход небывалой войны.

И волна яростной ненависти к фашистам, умело нацеленная точно по адресу мощной государственной машиной (сейчас уже неважно, ценой каких жертв достигнута эта мощь), является той неборимой, неудержимой и всепобеждающей силой, которая в конце концов сметет врага и беспощадно раздавит его о стены собственного логова.

Но пока идет только первая осень войны...

Перевод с грузинского автора

Продолжение следует

ГРУЗИИ

1.

Тебя у нас зовут Страна Сонá.
Она взирает с высоты орлиной,
Она в сияние погружена —
Вершина громоздится над вершиной.
Страна Сона — слиянье красоты
Старинного и нового чекана.
Ты отбивалась и отбилась ты
От посягательств вражеского стана.
Нет, ты не зря гордишься высотой,
Твои красоты всюду знамениты.
Умылась ты рассветной чистотой,
Глаза твои для радости открыты.
Как будто пелуаны-силачи,
Стоят столбы в горах, а с ними краны,
Что стены здесь возводят, — горячи
В своем порыве эти пелуаны.
Какая это музыка — Храмгэс!
Какая это песнь — электровозы!
Поет Рустави — подпевает лес,
И горы, и зовут к стиху от прозы.
О славе отошедших вдаль веков,
О мужестве и о рабочей славе,
О Грузии металлов и станков
Восходит песня нового Рустави.
О, Рионгэса несказанный свет!
О, дружбы свет, связующий народы!
Ты верный, Грузия, дала обет,
Дала на нескончаемые годы.
Навеки. Навсегда. И с той поры
Верна ему, как годы показали.
Стремительней Арагвы и Куры
Течет она — река руставской стали.

Ты высями вонзилась в облака,
Что полыхают, словно ключья дыма.
Ты человеколюбием крепка
И в жизнелюбии неодолима.
О, новостроек ярые огни!
Они зарей восходят над землею,
И освещают все окрест они,
И празднуют победу надо мглою.
Страна Сона, твой день исполнен сил,
Строительными окружен лесами.
Я по твоим дорогам колесил,
На все своими я глядел глазами.

2.

Ты знала годы горя и беды,
Но сохранила имя — Сакартвело.
Ни злость, ни злобу не таила ты,
Ожесточилась, но — не очерствела.
И сердце закалила ты огнем
В непрекращающемся испытанье,
И горечи ты не копила в нем,
А только доброту, любовь, мечтанье.
С какой отвагой утвердила честь,
С какою силой право утвердила
На то, что будет, и на то, что есть,
На то, что в нашем ратном поле было.
Враждебных сил жестокость отвела
Мечом — во имя доброго орала.
Тебе и храбрости твоей хвала,
Ты строила, ты скорость набирала.
Суровость скал и величавость гор,
Стремительность потоков, рек и речек —
В характере твоём, он весь — простор,
Размах и красота души и речи.

3.

Холмы. Долины. Склоны. И — везде
Как бы остатки ратного порядка —
На винограднике, на борозде —
Живые краски доброго достатка.

Ты встала над бесплодием земли,
Вспоила землю добрыми руками —
И цитрусы на камне расцвели,
И колос потянулся ввысь на камне.
Зеленое — по осени — багрец.
Все жухнет, все покрыто серым цветом.
Твои ж долины из конца в конец
Свежи и много зеленей, чем летом.
Пускай повсюду веянье зимы,
И так заметно света оскуденье,
Но как по-летнему твои холмы,
Твои поля — в тепле — на загляденье.
О, как тебе верны твои сыны,
Что неотступно и всегда с тобою,
Они все треволнения страны
Соединяют со своей судьбою.

4.

То на тебя давили облака,
То стужа крылья над тобой простерла,
То деспота кровавая рука
Тебя хватала гибельно за горло.
Но от себя не отступилась ты,
Как не рассталась с песнью о свободе.
Могучи духа твоего щиты,
Что так хранимы бережно в народе.
Ты подписью скрепила навсегда
В Гумкале¹ обусловленное право
На то, чтоб не пришла к тебе беда,
А с нею не пришла врагов орава.
Алмаза твердость обрета в борьбе,
Ты ратную несла достойно службу,
И стебелек любой поет тебе
Хвалу за вечную с Россией дружбу.

5.

Казалось, солнце встало над тобой,
Изнемогая, кровью истекая.

¹ Гумкала — кабардинское название Георгиевска.

Ты, Грузия, в купели огневой
Купалась вся — от края и до края.
Свирепым ветром персов занесло
К тебе, чтобы сравнять тебя с землею,
Но всем жестоким помыслам назло
Ты утвердила пламень свой над мглою.
Казалось, превратишься в прах и тлен,
И тень твоя останется едва ли,
Но оробелых подняла с колен
И прогнала сомненья и печали.
И — выстояла. Из враждебных рук,
Из жадных рук свой край отобрала ты
И ненавистный разомкнула круг.
«Мир!» — ты сказала, повторив трижды.
По росту гор и рост своей души,
И взор свой обратила ты к высотам.
Ты всем взяла, и дивно хороши
Твои пути за каждым поворотом.

6.

Возвысилась — не возгордилась ты,
Но ты горда своею высотой,
И ты щедра от чувства полноты,
Внушенного умом и красотой.
Кахетию, как ковш, ты подняла,
Ковш, полный звезд, и ты меня впустила
В свой вешний сад, в котором полумгла
Мерцала и — в конце концов — светила.
Животворящий воздух твой испив,
Я песнь свою запел еще сердечней,
И был самгорский, близкий мне мотив
Как вечность или даже долговечней.
И Кайшаур был в песенном цвету,
И не было в напеве том печали.
Подхватывалась песня на лету,
И горы ей охотно отвечали.
Не говорю: всего достигла ты
И вышла за возможные пределы.
Но ты владеешь чувством высоты,

Сыны твои и дочери умелы.
Ты познавала на пути своем
Жестокость, нежность, горести, суровость.
Хочу, чтобы входила в каждый дом,
Как свежий воздух, радостная новость.
То зной Колхиды, то голубизна
Сванетии, то горных рек свирепость...
Твой путь — творить добро, Страна Сона,
Твой дух — твоя незаблемая крепость.
Открытого лица люблю черты
И чистоту души твоей, и совесть,
Твои сады, садов твоих плоды,
И дней твоих восторженную повесть.
Ты слышишь нас, и нам она слышна,
Твоя живая песня на просторе.
Мне внятен голос твой, Страна Сона,
В чудеснейшем многоголосом хоре.
И чай, и цитрусовые плоды
Из своего не выпускают круга,
И, славя день твой и твои труды,
Вхожу я с песнею в твои сады,
О Грузия, прими ее как друга.

Перевел с кабардинского Лев ОЗЕРОВ

КОДЖОРИ. ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Деревья замерли, устав
 Весь день ждать приговора,
 Метнулась курица к кустам
 Сплошным «Держите вора!».
 А тут, за день наговорясь,
 Вдруг замерла цикада
 И, верно, думает: «Спаслась!»,
 Молчит себе и рада.
 Мальчишкой выслан ветерок
 Пронюхать — ждут? Не ропщут?
 И походя неточный срок
 Шепнуть садам и роще.
 Но лопухи, к земле припав,
 Все признали на месте,
 Пуская по цепочкам трав
 Надежнейшие вести.
 И даже дом наш — наш оплот
 (Коль верить водостокам) —
 Внезапно выступил вперед,
 Раскрыв объятия окон.

КАТЕ

Залежалась зима под полою у ели,
 А теперь вот взяла и явилась нестати,
 Но потерянных дней на последней неделе —
 Нерадивой и ветреной — не наверстать ей.

Ей бы лишь расписаться по черному белым,
 Чтобы хоть пред собою быть чистой и честной, —
 Мол, была, и свое отработала делом,
 А затем незаметно и быстро исчезнуть.

А исчезнет, и снова весною потянет,
 Так что ты не грусти — это тоже неплохо:
 Зацветающий персик, как островитянин,
 Удивленно взирает на снежные крохи...

А бывалая пальма — та просто хохочет,
Продирая холстину взъерошенной холкой.
Только вот воробей... видишь, сбился в комочек,
Как сказать нам ему, что зима — ненадолго...

Знать, больше мне не суждено
В мечту бросаться, словно в омут, —
Все это за глухой стеной, —
Кому-то отдано другому...

Жизнь стала проще и ясней
И перестала быть загадкой,
И мчится вдаль, и я за ней
Несусь туда же. Без оглядки.

А позади остался сад
И, неухоженный и дикий,
Зовет меня взглянуть назад,
Шурша листвою... Эвридика...

ОДНАЖДЫ

Лес рядом шел почти полдня
И все кивал мне и поддакивал,
Потом решил, что мы родня,
Потом — и вовсе одинаковы...
Ветвями взмахивал: «Прошу!
Свои ведь, а глядите искоса,
Я вам такое покажу,
Мне вам такое надо высказать...»
Не унимался: мол, вдвойне
Путь сокращу тропюю узкою,
И предлагал на ощупь мне
Корой обтянутые мускулы.
То на дорогу выбегал,
Кричал «Поймал!» и метил ягодой,
То, птиц подбивши на кагал,
Сам прятался за елки-пагоды.
Никак не оставлял одну...
Когда ж отстал, к моей же выгоде,
Тяжелым валуном луну,
Кряхтя вослед, на небо выкатил.

Зияет пустота там, где цвела акация,
А рядом никого, кому б о том сказать...
И улица, и дом мертвы, как декорация
К спектаклю, что прошел лет сто тому назад.
Но так на первый взгляд, а стоит приглядеться,
Становится тепло, теплее... горячо!
И проступают вдруг во мгле приметы детства
Все зримей и ясней — все тут наперечет.

Как встарь, и в этот раз отбор мой непридирчив,
И вновь немного я с собой возьму:
Медовый вкус надорванных гледичей,
Во тьме булыжников мышиную возню,
Тень от решетки на садовой грядке,
Столбов и фонарей вечерний перезвон,
А напоследок, слышимый сквозь сон,
Гул голосов за тоненькой багдадкой...

СТАРИК

На венском стуле греется подушка.
Хозяин дремлет в ветхом гамаке.
На переносице синее след от дужки
Очков, зажатых в выцветшей руке.

И как знамение свершившегося мига
Меж дремою и сном того, кто недвижим,
С колен в траву соскальзывает книга
В обложке красной... «Сказки братьев Гримм».

ПАСТУХ

Рассказ

ХЛОПНУЛА дверца, па-
рень улыбнулся, поды-
шал на замерзшие руки.

— Дай тебе бог здоровья! Битый час на бешеном ветру стою.

— Знамо дело, сурп-саркис! Пока не удушит кого-нибудь, не стихнет.

— Удушит, как бы не так!

— Хе-хе, то ж старики говорят. А ты, я вижу, из Кизляра путь держишь.

— А ты почему знаешь?

— Да у тебя на лбу написано. Как тебя отпустили только, когда окот в самом разгаре?

— Сын у меня родился.

— Первенец?

— Первенец.

— Так чего же ты жмешься? Тут бы отметить надо по всем правилам. Ты ведь зять Сандрии?

— Он самый.

— Когда твою свадьбу играли, я тоже в Кизляре был, на заготовке сена. А ты, видать, к тестю не заходишь, иначе бы меня знал получше! Значит, сын у тебя! Я не я буду, если не остановлю машину у первой же столовой. Идет?

— Идет! — смеется Гигла.

Засыпанные мокрыми, беспорядочно роящимися снежными хлопьями окрестности кажутся погруженными в сумерки. Белая, притихшая дорога словно погружена в дремоту. Угревшегося в кабине Гиглу клонит в сон. Лишь вполуха слушает он Ясона. Сам как узнал о рождении сына, словно в дурмане находится. Все пытается его себе представить. Но никак не удается. Ведь он в жизни своей к колыбели не подходил и на младенцев не глядел. Этим в отца пошел. Тот, казалось, и собственных детей не замечал, пока они ходить не начинали. Гигла, как говорят, однажды чуть с соседского бал-

жона не свалился, так отец успел ногой на край его сидевой рубашонки наступить — и удержал. Но не наклонился, на руки не подхватил... Гигла только издав слышал, похожий на кошачье мяуканье или на бляевое новорожденного ягненка. И так ясно слышал! Наполняясь при этом какой-то блаженной сладостью.

А Ясон, не сводя глаз с обледенелой, отдающей голубизной дороги, спрашивал:

— На кого же ты овец оставил?

Гигле совсем не хотелось пробуждаться от сладкой дремоты, он лениво открыл глаза:

— Да я на каких-нибудь два-три дня уехал. Ребята отправили — езжай, говорят, чего сидишь...

— Каков приплод в этом году?

— Чтоб не сглазить, у нас все сто процентов будет!

— Да откуда такому взяться-то?!

— Будет. Я желание такое загадал.

— Это в честь твоего первенца, что ли?

— Да уж не без того.

У Гиглы было такое ощущение, что оба они — Ясон, и Ясон — легкие, словно пушинки. Наверно, так чувствуют себя люди в самолете. Вот вырастет сын, соберутся они и отправятся куда-нибудь вдвоем, полетят над Кизлярской степью. Интересно, какими с высоты его овцы покажутся? Колеса, обмотанные цепями, катились по льду, местами поблескивающему на дороге. Машина все-таки шла неровно и, казалось, вот-вот соскользнет с колеи, сорвется в овраг. Напряженно вглядываясь вперед, Ясон неторопливо крутил баранку.

— Зима в этом году что-то долгая, — заметил Гигла.

— Февраль на дворе. А с Сандрией ты помирился?

— Еще чего!

— А что он против тебя имеет?

— Вези, говорит, семью в долину.

— Это зачем же?

— Дикие, говорит, вы, горцы, да неотесанные, овцой от вас пахнет!

— Однако овечий сыр все любят. А сам-то он откуда? Пожаловал на нашу голову. Кто его звал! Ты со склада небось сбежал тогда?

— Сбежал. Привез он меня в долину и запер в сельпо. Мне, говорит, знаешь, каких денег твое место стоило. Тут не такие, как ты, чушки сидят. И дом подыскал

чтоб я купил. А у нас как раз стрижка овец шла. Продержался я месяц с горем пополам и смылся обратно в Кизляр. Весной когда приехал, он меня уже близко не подпускал.

— По правде говоря, жалко его. Единственная дочь у него, он сам — в долине, она — в горах.

— У меня тоже, между прочим, жена единственная.

Они расхохотались. У Гиглы перед глазами стоял разобитый тесть, и про себя он беззлобно посмеивался над ним. Семья моя, как-никак, при мне, — думал он, — жена дома, не то что у некоторых — чуть свет на службу бежит, тощая да высохшая. Не зря ведь тещу Костлявой Соной величают. Старик только и знает, что на жену грозно глазами сверкать. Вот и высохла она... Анико ведь не спросясь отца за него пошла. Вот и прекрасно, дескать, что пастух. Еще бы! Он ее в бурку закутает, она и сияет, как пасхальное яичко, в лаваш завернутое. Смеется! А чего над буркой смеяться? Как без бурки-то? Не в костюме же и плаще за отарой идти. Я-то знаю, что за червь его гложет: небось, куском хлеба дочку попрекал, раз она из дому сбежала. Анико нет-нет да скажет: зачем, дескать, я пять лет училась, чтобы на кухне сидеть. Меня-то восемь месяцев дома не бывает, чтобы она в четырех стенах сидела. Кто теперь дома сидит? Не те времена! А я ей в ответ: нечего на других смотреть, своим умом жить надо. Я, видишь ли, не по вкусу ему пришелся: брось, говорит дочери, этих дикарей, переезжай в долину. Днем с огнем такого зятя ему не сыскать. Чего у меня только нет: и дом свой, и двор, и добра всякого навалом, и друзья что надо! А теперь вот и сын появился. Лопнет, небось, от зависти, когда я отару с приплодом пригоню. Только бы ягнята там не перемерли. Да нет, быть того не может! Мои ребята, как львы, их стерегут... Уж не знаю, как они там без меня...

— А ты когда назад собираешься?

— Да вот устрою жену с сыном и вернусь сразу.

— Да, жизнь пастуха — не сахар.

Они снова умолкли. Гигла завернулся в свой козуж и прикрыл глаза. Снова всплыло перед ним лицо тестя, мрачное, багровое, смотрит искоса, подозрительно. А

ведь сам виноват, все село его невзлюбило. Пока он работал заведующим фермой, никому от него житья не было: не дай бог, частную овцу в колхозной отаре обнаружит! Ему-то что за дело! И того людям не давал, что им по закону полагалось. У него самого, кстати, овцы с колхозным стадом паслись. Насилу избавились от него — пришлось ему в конце концов из села убраться. Когда уезжал, еще и попрекал всех: я, дескать, своим честным трудом кусок хлеба зарабатывал, злые языки меня оклеветали. А я тут при чем: меня спросили, чьи овцы, я и сказал. Тесть мой все твердит — народ меня не оценил. Я одно скажу: был бы достоин, оценили бы, люди в таких вещах редко ошибаются. Анико обижается: ты, говорит, отца моего не любишь, так хоть ради меня и ради сына помирись с ним. Конечно, ради сына я не то что с тестем помирюсь — гору сверну! Пойду скажу: прости, ежели что не так, считай меня отныне родным сыном. В плечо в знак уважения поцелую, как старшего. Если он опять за старое примется, начнет о переезде в долину разговор, глухим притворюсь. Постарел бедолага, согнулся. Понятно, нелегко в разлуке с единственной дочкой жить. Может, я Анико с сынишкой до самой весны у отца оставлю. И мне легче будет — не стану о семье тревожиться. Завтра же в Кизляр вернусь. Сейчас нельзя овец бросать!

Февральский ветер яростно бился в стекло, словно хотел ворваться в кабину. Чего это он так озлился, — недоумевал Ясон.

В Кизляре уже стояла весна, теплая, солнечная. На зеленые луга высыпали белые отары овец, словно снежные хлопья. Роились комары, ягнята тыкались в разогретую, рыхлую землю своими неокрепшими рожками. Думали, небось, что все вокруг принадлежит им — и небо, и земля, и что никому их не одолеть, а у самих мордочки в молоке — смех да и только!

Гигла улыбался сквозь сон, а Ясон, крепко вцепившись в баранку, сидел тихо, чтоб не разбудить его. Потом все же не удержался, спросил:

— Жена-то в долине разрешилась?

— В долине.

— Ну так ступай к тестю, поговори поласковой. Пока ты в Кизляре, пусть семья твоя у него побудет. И тебе хорошо, и ему. И дело не пострадает.

— Я так и собираюсь. Иначе житья нет — и жена кокая не дает. Вот пишет, что...

Как стали к поселку приближаться, Гигла на месте так и заерзал — не терпелось жену и сына увидеть. Все-таки заставил Ясона возле столовой притормозить.

— Пусть растет твой сын здоровым, сильным, справедливым, — благословлял Ясон.

Выпили они и за примирение с тестем, и за дружбу. Кто сосчитает, сколько есть на свете хороших тостов! Немного захмелев, поспорили — что лучше жене подарить. Мой сын когда родился, сказал Ясон, я ожерелье ей купил. Это, милый ты мой, такая вещь — каждой женщине по душе придется. Да есть у моей, ответил Гигла. Тогда купи ей часы золотые с браслеткой. Тоже есть. Тогда колечко с красным камешком. Да и колец у нее достаточно, сказал Гигла. Я даже пианино летом в горы привез — думаю, пусть радуется, играть-то она не умеет. Тогда, посоветовал Ясон, купи сыну велосипед или машину, может, он, как и я, баранку крутить прирастит — шофером станет.

Когда порядком подвыпивший Гигла добрался до дома тестя, навстречу ему вышла худая, еще более постаревшая Сона. Глаза тещи светились такой радостью, что сердце Гиглы дрогнуло. Потом они сидели возле очага, в котором, потрескивая, горели ароматные сосновые поленья, и Гигла спросил:

— А где тесть?

— Пошел к Исаку за тачкой. Мы корову зарезали, ветврач сказал, что бруцеллез у нее, справку не дал. Теперь надо мясо куда-нибудь отвезти...

Теща отвела глаза в сторону.

Вспыхнул Гигла, вскочил как ошпаренный, без шапки, без кожуха спустился в подвал, взвалил на спину коровью тушу, заодно требуху и ноги, засунутые в мешок, огляделся, свободной рукой схватил заступ, прислоненный к стене, и вышел.

— Сынок... Сынок... — испуганно лепетала не поспевавшая за ним Сона. — Куда ты? Ведь надорвешься!.. Он сейчас с тачкой придет, увезет...

Но Гигла не слушал, ступал широко, хрустя сухим настом. За универмагом свернул к реке, шел, оставляя

огромные следы. Холодная, обледенелая Ксани готовилась ко сну, ворочаясь в своем каменистом русле. Гигла остановился невдалеке от берега, опустил на землю свой груз и начал рыть заступом яму. Каменистая почва поддавалась с трудом...

И без того короткий, мрачный февральский день незаметно перешел в глубокие сумерки. Гигла удивился — как быстро наступил вечер. Он спешил к больнице, и нахмуренное чело его постепенно прояснялось, подобно небу после грозы. В душу вливался покой, мысли приходили в порядок, и досада, сжимавшая сердце скользкими щупальцами, отпускала. В ушах стоял крик новорожденного, с каждым шагом прибавлявший ему бодрости.

Перевела с грузинского
Анаида БЕСТАВАШВИЛИ

ХРОНИКА

БРАТСТВО НАРОДОВ, БРАТСТВО ЛИТЕРАТУР

В СОЮЗЕ писателей СССР состоялось заседание Совета по грузинской литературе при Союзе писателей СССР, на котором обсуждалась вышедшая недавно в издательстве «Советский писатель» на русском языке книга абхазского писателя А. Гогуа «За семью камнями».

Открыл обсуждение заместитель председателя Совета по грузинской литературе, проректор Литературного института имени Горького Е. Сидоров.

Ученый секретарь Абхазского института языка, литературы и истории имени Д. Гулиа АН Грузинской ССР Ш. Салакая подробно рассказал о творчестве А. Гогуа, познако-

мил собравшихся с основными его произведениями.

Выступившие на обсуждении критики П. Ульяшов, И. Шайтанов, Т. Буачидзе, В. Ковский, А. Марченко, К. Султанов, М. Кораллов, переводчик А. Беставашвили, писатели Ф. Искандер, Г. Гулиа, А. Битов, В. Орлов, И. Тарба и другие подробно остановились на прозе А. Гогуа. Выступавшие особо отметили талант абхазского писателя, говорили о том большом впечатлении, которое производят его книги на читателей.

С ответным словом выступил А. Гогуа, который поблагодарил всех, кто принимал участие в обсуждении его книги, за добрую дружескую критику и доброжелательный прием, оказанный ему.

СКОРЕЕ всего эта фраза прозвучит банально, но ведь точнее не скажешь! Словно птица-Феникс, встало из пепла, из своих черных военных руин горное село Майрамадаг, чтобы за годы, прошедшие с той незабываемой поры, расцвести и стать стократ прекраснее прежнего, довоенного. То самое село, где осенью сорок второго года грохотал долгий огневой шторм многосуточной битвы с гитлеровцами.

Мы проходим по этому большому осетинскому селу, воскрешенному народным трудом, идем долгими рядами светлых домов колхозников. На углу одного из них — табличка: «Улица Рафаэля Хуцишвили». На другом — «Улица Михаила Фенстера». А на стене дома, где расположилась новая, просторная майрамадагская средняя школа, начертано, что названа она именем еще одного морского пехотинца — старшины

1 статьи Николая Громова...

Переступив школьный порог и оказавшись в святыне всех майрамадагцев — мемориальной комнате — сразу же невольно обращаем внимание на растянутое

Владимир ВАХТАНГАДЗЕ

ПОДВИГ В СУАРСКОМ УЩЕЛЬЕ

●

РАССКАЗ О ТОМ,
КАК БЫЛ СОРВАН
ФАШИСТСКИЙ
ТАНКОВЫЙ ПРОРЫВ
НА ТБИЛИСИ

тут полотнище бело-голубого военно-морского флага СССР на многочисленные портреты воинов, одетых во флотскую форму.

Откуда же, казалось бы, столь необъяснимая на первый взгляд теснейшая связанность далекого от морей и океанов горного осетинского села с советским Военно-морским флотом? Но именно она, нерасторжимая эта связь, и привела нас в Майрамадаг...

Через долгие годы после событий, клокотавших здесь возле братской могилы морских пехотинцев — героев боя безостановочно длившегося на этом рубеже с рассвета 4 по 9 ноября 1942 года, родятся строки поэмы¹:

Не было здесь моря и не будет.
Каспий до Казбека не дойдет.
Скал непробиваемые груди
В волнах не купать тебе, Эльхот.
Не увидеть кружева прибоя
И тебе, село Майрамадаг.
Будет это небо голубое
Над горами выситься всегда.
Только почему же тут с волнением
О матросах каждый говорит?
Якорь со звездой за селеньем
Бронзой нетускнеющей горит?
Здесь, на сухопутье, под горою,
Маяком, не гаснущим в веках,
Памятник воителям-героям,
Песня о бессмертных моряках.
И незарастающей тропюю,
Чтобы поклониться до земли,
Вот сейчас и мы сюда с тобою,
Старый славный ротный, подошли.
И печаль у каждого во взоре:
Не забыло сердце тот поход!
Над Суаром догорают зори
И жалеет, что не видел моря,
Древний твердокаменный Эльхот...

К середине осени 1942 года немцы прорвались в Северную Осетию, к самым отрогам Большого Кавказа. Сражения

¹ Владимир Васиц. Матросский хлеб. Баку, «Азернешр», 1960. Поэма «Якорь в ущелье».

здесь приняли особенно решительный и ожесточенный характер. Взявшие ряд важнейших населенных пунктов горной республики: Чиколу, Дигора, Алагир, немцы озверело рвались теперь через Главный хребет — на юг, в Грузию, в Азербайджан.

Один из вражеских бронированных клиньев завяз у села Гизель, расположенного в восьми километрах от города Орджоникидзе. Фашисты стремились захватить «столицу красного Кавказа — Владикавказ». В их оперативный план входило расчленение наших сражающихся частей, чтобы, перерыв таким образом Военно-Грузинскую дорогу, развернуть затем свой танковый «дранг нах Тифлис унд Баку».

Северная Осетия пылала в огне тяжких боев. Наши бойцы стояли насмерть. Взять Орджоникидзе и оседлать с ходу Военно-Грузинскую дорогу врагам явно не удавалось. Вот тогда-то фашистское командование и вознамерилось совершить обходный маневр — выйти на Военно-Грузинскую дорогу для марша на Тбилиси через Суарское ущелье, находящееся теперь в их ближнем тылу...

Но у стен осетинского горного селения Майрамадаг, закрывавшего вход в Суарскую теснину, гитлеровцы неожиданно были остановлены уничтожающим прицельным огнем...

* * *

В разгар боев с врагом, рвавшимся к столице Северо-Осетинской автономной республики городу Орджоникидзе, на нашем правом фланге, у самых северных склонов Главного Кавказского хребта, героически дрался батальон морской пехоты 34-й отдельной стрелковой бригады (командир — полковник А. В. Ворожищев, военком — полковой комиссар А. С. Кошкин), сформированной в Баку из военных моряков, в том числе из курсантов расквартированных тут высших военноморских училищ. Они отлично понимали, что отступить им некуда, что Орджоникидзе — ключ, закрывающий для врага на замок путь к закавказским советским столицам. Несколько дней и ночей бригада морских пехотинцев отбивала атаки вражеских танков, прорвавшихся через Эльхотовские ворота. Самоотверженно обороняли советские бойцы назначенный им рубеж Дзаурикау-Фиэгдон-Нарт. Но превосходство фашистов в силах было тут неизмеримым и ценой тяжелых потерь фашистам удалось пробиться к шоссе, ведущей к Орджоникидзе. Она проходила чуть ли не по околице села Майрамадаг, в котором окопались и затаились отсеченные от

остальных бойцов бригады морские пехотинцы четвертого батальона, в том числе и подразделения Эдуарда Мирза-Туниева, Абусалыка Джумабаева, Виктора Кузьменко, группы Шапша, Чукмасова и Васильева, защищавшие в Майрамадаге круговой оборонительный рубеж.

В ежечасно менявшейся обстановке тех дней село, еще недавно бывшее бастионом переднего края, вдруг оказалось в фашистском тылу. Отрезанное от главных советских сил, отошедших за Гизель, командование батальона поняло: если немцы всерьез завязнут на рубежах нашей обороны у стен города Орджоникидзе, они начнут настойчиво искать обходный путь на Военно-Грузинский тракт. И тогда, взглянув на любую крупномасштабную карту, непременно увидят Суарское ущелье, то самое, которое сейчас узкой расселиной чернеет за спинами советских бойцов. Ведь Суар и был как раз кратчайшей дорогой на Балту, лежащую на горном серпантине уже за Орджоникидзе. Именно по этой тропе ушли из вражеского окружения многие наши части. Перерезав Военно-Грузинскую дорогу в этом месте, гитлеровцы, минуя Орджоникидзе, могли вырваться на оперативный простор и устремиться на Тбилиси.

— Ни шагу назад! — молнией пронеслась по позициям матросская клятва. — Биться до последнего!

* * *

Все случилось, как и предполагали советские воины. На рассвете 4 ноября сырой туман стлался по раскисшей от долгого ночного дождя земле. В селе ни звука, ни огонька. Мертво. Только ветер доносил раскаты далекой канонады да лязг гусениц фашистских танков, приминавших лежащее буквально в ста метрах шоссе Алагир—Орджоникидзе...

Морские пехотинцы тщательно замаскировались в домах внешних улиц. Уже которую ночь бойцы трудились не смыкая глаз: они создавали тут надежную, круговую оборону. Старательно отрыли окопы, убежища, щели. Используя на редкость удачные условия местности, тщательно насыпали брустверы. Обложили камнем бойницы, амбразуры. Каждая сакля Майрамадага превратилась в надежный дзот. Ведь сложенным из базальтовых глыб буквально на века этим постройкам была не страшна фашистская сталь. Искусно оборудованные и приспособленные для длительной обороны, они должны были надежно прикрывать наших бойцов. В боезапасе недостатка тоже не было.

Подразделения рассредоточились и во всеоружии ожидали врага. Из прорезанных по-над полом амбразур грозно глядели черные зрачки ручных и станковых пулеметов, автоматов и противотанковых ружей. Наготове лежали «лимонки». Приказ был краток: «Действовать инициативно и сугубо самостоятельно, первый огонь открыть только по сигналу командира».

В двух колхозных конюшнях, приземистых и толстостенных, на самом опасном направлении предстоящего удара гитлеровцев, расположилось боевое охранение. В ближней конюшне позицию заняли командир роты, сформированной из курсантов-второкурсников высших военно-морских училищ: лейтенант-комсомолец Мирза-Туниев, старшина I статьи Романенко, курсанты Фомичев, Еремеев, Писемский и Шевчук. В дальней — Газизов, Расковалов, Баранов и Черновалов. Неподалеку был рубеж старшины I статьи Громова, старшины 2 статьи Чететкина, парторга роты Хуцишвили, курсантов Цомаева и Голубцова. Остальные мелкими группами по три-четыре бойца окопались в других саклях.

Таким же образом изготовились к бою и другие роты, взводы, группы и расчеты.

Итак, на рассвете 4 ноября немецкие горные егеря-«здельвейсы», не подозревая, что Майрамадаг превращен нашей морской пехотой в несокрушимую цитадель, направились в село.

До первой шеренги оставалось каких-нибудь полсотни метров, когда по врагу неожиданно грянул огонь. Фрицы даже не успели вскинуть свои «шмайсеры». Меткие пули морских пехотинцев били безостановочно. Дорогу буквально завалило трупами гитлеровцев...

Так начались огневые дни и ночи у стен Майрамадага. Фашисты, немедленно подтянувшие сюда части усиления — батальоны 2-й румынской горнострелковой дивизии, а также свой «знаменитый» пехотный полк «Бранденбург» и приданные им 60 танков, несколько пушечных и гаубичных артиллерийских батарей, имевшие строжайший приказ «разгромить советский опорный пункт, обеспечить выход на Балту основных сил», засыпали наши позиции минами, снарядами танков и самоходок. Они неоднократно пытались завязать рукопашные и подавить морпехотинцев массой солдат. Но все было тщетно! Отчаявшись захватить Орджоникидзе, гитлеровцы, не считаясь с потерями, рвались теперь в Суарские ворота, чтобы пробиться через ущелье к вожделенной Балте.

Им и в голову не приходило, что удерживает Майрамадагскую твердыню не целая бригада, как были уверены они, а лишь сущая горстка морских пехотинцев — батальон, сражающийся не числом, а умением.

...Всю ночь шел жестокий обстрел, а утром немецкая пехота и танки пошли на штурм. Тогда, умело маскируясь в складках местности, группа смельчаков обошла по крутизне линию нашей обороны и вышла в тыл врага. Семенящие за «рейн-металлами» фашистские автоматчики были буквально скошены фланкирующим огнем ППШ. На другом участке лейтенант Джумабаев, быстро меняя позиции, по очереди снял из снайперской винтовки один за другим несколько минометных расчетов, особенно досаждавших морским пехотинцам. Три танка подорвал гранатами старшина I статьи Николай Громов. Уже раненый, поднявшись в рост на четвертый танк, он был сражен снарядом.

Двадцать пятую годовщину Великого Октября герои отмечали в кромешном аду огня ни на минуту не стихающего боя. В полночь фашистам удалось оттеснить моряков из дальней конюшни и кузни. Но ненадолго. Как только враг приступил к оборудованию захваченного рубежа, командир приказал морским пехотинцам Баранову, Кудреватому, Расковалову и Виктору Четкинину ворваться в конюшню и перебить егерей. Смелчаки по-пластунски проползли балку, в темноте подтянулись к пролому в стене конюшни и, ворвавшись внутрь с громким «Полундра!», истребили более сорока фашистских солдат.

Не ведая страха в бою, дрались с врагом командир батальона старший лейтенант Леонид Данилович Березов, его заместитель Леонид Яковлевич Мотовичев, комиссар подразделения Александр Давидович Сикач, начальник штаба батальона Валентин Иванович Емельяненко, офицеры Эдуард Мирза-Туннев, Виктор Кузьменко, Даниил Фланцбаум, Константин Иконописцев, Василий Филипенко, Григорий Мазур, Василий Колесников. Их пример зажигал сердца...

В эти дни, отбиваясь от отчаянно наседавших фрицев, погибли отважный автоматчик Сергей Голубцов и связной Василий Поповкин. Осколком мины оторвало руку курсанту Ракипу Газизову. Смертельно раненный, он сорвал зубами чеку последней гранаты и бросил ее под ноги набегавшей фашистской солдатне. Геройский подвиг совершил в этих боях морской пехотинец Владимир Мордасов с приданными ему

трем автоматчиками — они стреляли в наседавшего врага буквально в упор, но не сделали назад ни шагу.

К раненому курсанту Михаилу Фенстеру поползли надеры «брандербуржцы», но взять его живым им не удалось. У моряка хватило выдержки и сил, чтобы, подпустив фашистов как можно ближе, буквально под себя бросить противотанковую гранату с тяжелым оборонительным чехлом. Гитлеровцев разнесло буквально в клочья...

Смертью храбрых пал в тяжелой схватке с фашистскими горными егерями парторг подразделения морской пехотинец Рафаэль Хуцишвили, не покинувший своего рубежа и после тяжелого ранения. Руки смелого юноши-тбилисца оставили автомат лишь когда осколок мины ударил его в грудь...

Защищая боевое охранение, приняли славную смерть отважные автоматчики братья Виктор и Владимир Чететкины, курсант Георгий Фомичев. Пал в бою Михаил Аллилуев — всеобщий любимец и весельчак. Погиб Юрий Дзенс. Пулеметная очередь срезала бесстрашного бойца Николая Еремеева. При последней попытке фашистов овладеть Майрамадагом, превращенным за дни и ночи боев в груды щебня, погибли бесстрашные автоматчики Герман Шакиров, Леонид Андреев, Мендель Хесин, Петр Трифонов — они бросились с гранатами под танки.

Вспоминаешь этих героев и невольно приходят на память строчки из поэмы, о которой шла речь в начале нашего рассказа:

**Что ж, пускай при жизни им не рэздан
Звезд и орденов почетный груз —
Их сердец сверкающие звезды
В жизни нам указывают курс...**

Бесстрашно дрались с врагом морские пехотинцы Александр Бирюков, Ибрагим Абдуллаев, Павел Нагорнюк, Карло Инцкирвели, Борис Кузьминов, Константин Прокофьев, Федор Луговской, Еремей Сулукадзе, Алексей Миронов, Юрий Бухман, Олег Прокопьев, Юрий Хрящев, Давид Рижский, Альфред Недзвецкий, Юрий Антонас, Абрам Шабшай, Ефим Матуевич, Александр Ременсон, Павел Ермышкин, Иван Кумов, Федор Рытиков, Иван Личак, Павел Дорогань, Иван Гулиев, Рафаэль Аванесов, Манус Яцкарь... Без промаха бил врага морской пехотинец Сергей Решетов — позже, за воинский подвиг, совершенный уже в другом бою, он был удостоен звания Героя Советского Союза.

На седьмые сутки этого легендарного, неравного поединка с гитлеровцами, безуспешно штурмовавшими Майрамадагскую твердыню, ударила с фланга перешедшая в контрнаступление наша 10-я гвардейская десантная бригада. Немцы покатались вспять. Сбить советский замок с Суарских ворот гитлеровцам так и не удалось. Враг оставил на поле этого боя более тысячи трупов, множество вдребезги разбитых танков, орудий, различной боевой техники. «Драуг» на Тбилиси не получился...

Вместо послесловия

Словно часовой на бессменной вахте, стоит сегодня на месте этого былинного боя гранитный обелиск с именами павших здесь героев. Под гордой стелой, увенчанной якорем со звездой, вечным сном спят морские пехотинцы, так и не сдавшие немцам свой рубеж.

...Четыре с лишним десятилетия прошумели с той славной и трудной поры. Изувеченный в сражении у стен Майрамадага и ставший там кавалером ордена Красного Знамени, ротный морских пехотинцев, ветеран наших Вооруженных Сил, полковник в отставке Эдуард Михайлович Мирза-Туниев до недавней кончины часто приезжал сюда, на землю своей огневой юности.

Когда-то давно, еще в сорок третьем, кое-как залечив тяжелые раны и выйдя из эвакогоспиталя, он немедленно отправился в Майрамадаг, лежавший в развалинах. Сердце властно звало его в эту обильно политую кровью героев теснину. Земля и камни тут еще остро пахли порохом, но жители села, спустившиеся с гор после изгнания фрицев, уже начали свое созидательное дело. Те, кто в ноябре 1942 года остался в селе помогать морским пехотинцам — братья Солтан и Сасланбек Сокаевы, учитель Елкан Черджиев, двенадцатилетний пионер Володя Галабаев, столетний Тасолтан Базров, сельский фельдшер Ангелина Дзуцева, коммунист Хасак Бугулов, сельские девушки Тамара Альбегова, Лида Байтемирова и Зина Кучиева — сразу же узнали большеглазого «лейтенанта Эдика». А он, взяв вещмешок, направился туда, где отпыхал жаркий огонь боя. Бывший ротный буквально на коленях прополз эту землю подвига, всю Суарскую теснину, собирая по одной бронзовые гильзы от советских автоматов

Манана ГВЕТАДЗЕ

ВЕРНОСТЬ

КОЛАУ Надирадзе начал как символист. Корпорация грузинских символистов «Голубые роги», в которую входил поэт, была сформирована в 1916 году. По сути своей символизм явился отклонением от магистрального пути грузинской поэзии, но в то же время и опытом внедрения нового в сферу формы. Он обогатил интонации стиха, привнес большую экспрессию, музыкальность, отточенность и, исчерпав себя как направление, послужил мощным толчком для дальнейшего развития грузинской поэзии вообще. Об этом говорилось не раз.

В одном из ранних стихотворений Колау Надирадзе — «Поэзия» (1920) ясно видно увлечение поэта символизмом. Стихотворение это — в некотором роде программное. Традиционные для грузинской поэзии постулаты сочетаются в нем с характерными для символистской эстетики моментами: «Отвергни страсть с ее огнем влекущим, зажги любовь в истерзанной душе»; «Приемли все цвета, но то, что в них сокрыто, ты находи»; «Смахни слезу и помни — плач твой жалкий не нужен никому, никто его не ждет»; «Изменив мир — приходит свет

за мраком и двойственность рождает на глазах...» (перевод В. Краснопольского).

Своим творчеством «голубороговцы» отличались друг от друга. Это различие со временем становилось все более явным, и, невзирая на то, что они рядились в одинаковые одежды, колорит у каждого был свой. В стихах Колау Надирадзе — удивительная искренность чувств, наряду с общими для поэзии символистов аксессуарами. Например, как истинно «по-грузински» звучит небольшое стихотворение «Мечты о Грузии» (1917). В этом стихотворении все конкретно, реально, и его никак нельзя отнести к символистским произведениям поэта, хотя датировано оно 1917 годом, когда поэт был тесно связан с символистами. То же самое можно сказать и о стихотворении «Осень в имеретинской деревне» и еще о многих других, которые продолжают, так сказать, грузинскую линию в творчестве поэта. Они резко отличаются от таких чисто символистских стихов, как, скажем, «Белый ангел», «Версаль в дождь» и другие. В поэзии символистов (и не только символистов) в тот период было очень много общих тем, распространенных образов. Стихотворение «Белый ангел» датировано 1917 годом, так же как и «Ангел с пергаментом» Галактиона Табидзе. Вспомним (для точности стихи приводим в подстрочном переводе).

У Колау Надирадзе:

Белый ангел с грустными глазами
Явился городу в небесном сиянии.

У Галактиона:

Ангел держал длинный пергамент,
Грустными глазами смотрел на землю...

Стихотворение «Версаль в дождь» вызывает ассоциации с триолетом В. Гаприндашвили. (К слову, «Версаль в дождь» также триолет). Вспомним у Колау Надирадзе:

Опали листья в версальских садах,
Скучающую королеву пугает дождь,
Вечерние тени мелькают в комнатах,
Опали листья в версальских садах,
Тяжела тишина под сводами дворца,
Кто знает, почему улыбнулась королева.
Опали листья в версальских садах,
Уставшую королеву пугает дождь.

У В. Гаприндашвили:

Я грустен, как зимой нежный воробей,
Как в осенние ночи белый Версаль...

Трудно, конечно, судить по подстрочному переводу о качестве стихотворения, но в подлиннике этот триолет прекрасно передает настроение и еще раз являет нам Колау Надирадзе как утонченного, рафинированного мастера. Среди ранних стихотворений поэта есть стихи с философским уклоном. Например, «Раздумья у моря» или «Рассвет на море». Образ моря часто встречается в поэзии Колау Надирадзе:

Ты видишь этот мир и каждый цвет, который,
Запомнившись тебе, в нутро твое проник,
Приляг же, о мой друг, у синего простора
И чудо созерцай хотя б единый миг!

Хотя б единый миг! Ведь мрак кромешный скоро
Войдет в твои глаза, не стукнув о порог...
Вдохни ж скорей рассвет у синего простора,
Скиталец бедный мой, игрушка всех дорог!

(Перевод П. Петренко)

У Колау Надирадзе стихия возвышает человека, настраивает на медитационный лад. Создаваемые им картины природы нужны поэту для того, чтобы высказать сокровенное, подчеркнуть определенную мысль. Природа часто отождествляется с божеством:

Смысл божественный, видно, заложен в мерцающих
недрах

и в звездном таинственном свете.

Мысль и любовь зарождаются здесь по незримой
и тайной примете

И западают в живые сердца, переходят в слова
и никогда уж не ведают смерти.

Смысл божественный все озаряет в душе человека
при этом,

Это, наверное, и есть те часы, когда песня владеет
поэтом.

(«Моя звезда», перевод М. Рихтермана)

Или же в стихотворении «Язык природы»:

Мысли приблизились и вдохновение
К дому природы; к открытому дому...
Жизни божественное течение
Внятно мне, бледному, еле живому.
Гнет меня долу какая-то сила,
Навзничь упавшего окаменело,
Звездными хорами оглушило,
Безднами небо меня оглядело.

(Перевод М. Синельникова)

Многим стихотворениям Колау Надирадзе присущи элементы повествования — «Смерть дерева», «Квишхетские вечера» и др.

Лирик медитационного склада, он не мог обойти молчанием такую тему, как смерть. При этом стихи его проникнуты грустью утраты, не чаще всего поэт проявляет философское отношение к смерти, осмысливая ее как неотвратимость:

Благословен пролетающий мимо
Миг — незаметная эта пропажа,
И приближение неумолимой
Смерти, и памяти зоркая стража.

(«Язык природы». Перевод М. Синельникова)

По этому поводу Дмитрий Бенашвили писал: «По мнению поэта, жизнь окончательно побеждает смерть, и в этом ее бессмертие. Колау Надирадзе считает, что мироздание совершенно в своей цельности и никогда не может быть чем-либо иным, если не нескончаемым проявлением божественной силы. В мироздании не существует смерти, так как действительность, взятая в целом, есть только жизнь.

Как и пантеисты, наш поэт думает, что субстанциональное не может исчезнуть, исчезают только лишь способы его проявления. Возвышение над земной жизнью, дабы человек наслаждался действительностью в целом, есть единственная цель жизни»¹.

Конечно, разговор о пантеизме Колау Надирадзе был бы преувеличением, однако все остальное вполне убеждает. И

¹ Д. Бенашвили. Колау Надирадзе, Тб., 1961, с. 87.

какого бы мнения ни придерживался читатель в этом вопросе, его обязательно тронут своей нежностью строки, обращенные к утраченной возлюбленной:

Образ
3023010033

Снег идет, я весну вспоминаю,
Отзвеневшую юность любя.
Ты уснула давно, дорогая,
Тихо падает снег на тебя.
Он, холодный, любовь накрывает,
Шорох снега — твой голос родной
И улыбка твоя неземная,
Что навечно осталась со мной...

(Перевод С. Стаценко)

Надо отметить, что грузинские символисты не разделяли отношения французских символистов к национальной тематике, в этом отношении не был исключением и Колау Надирадзе. В творчестве Колау Надирадзе, как в период его увлечения символизмом, так и в поздних стихах, ярко выражена тема Родины. Порой это просто грузинские реалии в стихотворении, но чаще стихи, посвященные историческому прошлому, сегодняшней действительности, пафосу созидания. Прошлое Родины для поэта свято. Острым переживанием проникнуто стихотворение «Думы о Крцаниси и Манане Орбелиани». Вообще Крцаниси не раз возникает в видениях поэта, этому историческому для Грузии месту посвящена и небольшая лирическая поэма «Трагедия Крцаниси». Поэма состоит из четырех фрагментов (аналогичную конструкцию мы видим в «Аспиндзском бою»). Последний фрагмент — «Возвращение Ираклия» отличается чеканностью своей формы.

Но любовь к Родине — не только в осмыслении исторического прошлого, но и в отношении к ее настоящему. Потому так искренне звучат стихи «Обновленному Кутаиси», «Родному Кутаиси», «Новый Тбилиси» и т. д.

Поэтическая техника К. Надирадзе безукоризненна. Свободное построение фразы, характерный для традиционного стихосложения ритм и рифма, тональность стихов всегда соответствуют материалу. У него ничего не бывает случайным. Все, о чем говорит поэт, близко ему и пережито им.

Нет, никогда, как бы годы ни мчали,
Зелени пажитей не забытья!

Снова в мари бурлит мачари,
Золотом спелым бушует пшеница.

Снова в ночи на мосту дощатом
Полные арбы скрипят все чаще.
В полдень на поле пустынном, сжатом
Спит крестьянин под солнцем палящим.

Солнцем облитая и луною,
Благословенная небесами
Родина, снова ты — предо мною,
К почве твоей я припал и замер.

(«Имерети», перевод М. Синельникова)

Особое место в поэзии Колау Надирадзе занимает поэма «Красная площадь», которая увидела свет в 1924 году.

Архитектоника поэмы в ту пору была совершенно новой для грузинской поэзии. Перед поэтом, стоящим на Красной площади, оживает ее история. Поэт обращается к площади:

К тебе со всей планеты
Разноокой рекой
Люди стекаются,
нету
Площади в мире такой!

(Перевод В. Краснопольского)

В лирике Колау Надирадзе нередки стихотворения-посвящения — Руставели, Пушкину, Бараташвили, Хайяму, Давиду Строителю и др. Каждое из этих стихотворений достигает определенного обобщения, иначе такого рода поэзия вообще теряет смысл.

В период Великой Отечественной войны Колау Надирадзе писал мало, а то, что писал, не было непосредственно связано с войной. Любовь к Родине он проявлял в стихах, написанных о героическом прошлом. Это был призыв к стойкости, к героизму. Таково стихотворение «Три тени» (Цотне, Кетеван, Илья). У Колау Надирадзе — своеобразный поэтический мир. В его стихах, как мы уже говорили, виден не только вдумчивый мастер, но и рафинированный эстет, для которого прекрасное — бесспорно важная категория. И всегда было много це-

нителей его творчества, особенно в последние годы. И все же я отважусь сказать, что поэзия Колау Надирадзе, так сказать, элитарная поэзия, близкая и понятная определенному кругу читателей. Хотя у Колау Надирадзе есть стихотворение, которое, можно сказать, стало всенародным. Это — «От Цицамури до Сагурамо». Может потому, что оно в некотором роде «выпадает» из спокойной, эпической тональности, касается многих острых для нас вопросов. Впечатляет экспрессия стиха, музыка:

От Цицамури до Сагурамо путь недалек и
терны растут.

От Цицамури до Сагурамо смерть и
бессмертие жизнь стерегут,

От Цицамури до Сагурамо ветры в
чащобах песни поют.

Не приносили вести рассвета, не прерывался
возгласом сон,

Песнь боевую больше не пели, не огласился
звоном Сион,

Горькие слезы лил над тобою бой проигравший
Багратион.

(Перевод З. Габуния)

В 1964 году Колау Надирадзе написал стихотворение в совершенно новом для него плане. Это, как определил сам автор, поэма-юмореска «Деревенская история».

«Деревенская история» написана легко, стих звучен и гибок, зачастую напоминает народную поэзию. Надо отметить, что в поэзии Колау Надирадзе ранее почти не встречалось подражание народному стиху в отличие от других поэтов. Хотя и у него был такой опыт — написанное на народные мотивы стихотворение «Песнь об Арсене Одзелашвили» (1923), но на этом и закончились его опыты в этой сфере, если не считать еще одного стихотворения — «Спор Риони и Ингури» (1935).

В стихотворениях, посвященных Омару Хайяму и Иэтиму Гурджи, автор постарался сохранить мелодику их стиха. В «Песне Иэтима Гурджи» явственно чувствуется желание приблизиться к городскому фольклору.

Для поэзии Колау Надирадзе характерно качество, присущее истинному искусству, — чувство меры. Это хорошо вид-

но в стихах интимного характера. Интим присущ и его стихам на деревенскую тематику. Деревенские пейзажи, в первую очередь, выявляют видение горожанина, которому дорога деревенская идиллия, красота природы.

Традиционно укоренившаяся в грузинской поэзии деревенская тема сегодня трансформирована. У «голубороговцев» она вылилась в грустные воспоминания о детстве, воспоминания, которые подразумевали неумолимое шествие времени. Все это не чуждо и Колау Надирадзе, однако в его стихах, особенно поздних, деревенские картины звучат в мажорной тональности.

Главное в поэзии Колау Надирадзе — это отношение человека к природе, стихии. Это кардинальная, неизменная линия в его творчестве. Достаточно вспомнить его последние стихотворения, например, «Квишхетские липы».

Нельзя не отметить и переводческую деятельность Колау Надирадзе. И в ней ясно проявилась сфера заинтересованности поэта, скажем, Малларме и Пушкиным.

Колау Надирадзе прошел длинный путь в поэзии. Он и сейчас плодотворно работает. Много в современной грузинской поэзии изменилось, появились новые тенденции, образы, привнесенные временем. Все это не коснулось его лиры (я не случайно употребляю это слово), порядка его мышления. Как он сам пишет:

И так же,
 Как в прошлом,
 Высшее
 Спокойствие в душе
 И песнь...

(1956 г., подстрочный перевод)

Видимо, это чисто человеческое — каждая личность принадлежит своему поколению, времени, когда она формировалась.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОДНОГО СКАЗОЧНОГО ГЕРОЯ

В ФОЛЬКЛОРЕ, ЛИТЕРАТУРЕ И НА ТЕАТРАЛЬНОЙ СЦЕНЕ

Каждая эпоха выдвигает идеалы «собственного» фольклорного героя, но его существование не ограничивается временными рамками — он остается жить в веках. Фольклорный герой (в отличие от литературного) со временем претерпевает более или менее серьезные изменения, так что бывает трудно или даже невозможно представить или восстановить его первоначальное лицо. В Грузии, например, широко известен один из популярнейших персонажей устного народного творчества — Нацаркекия*. Известно и наше сегодняшнее отношение к этому художественному образу, но фактически мы знаем Нацаркекию лишь XIX века, то есть того времени, когда была записана сказка о нем.

* Нацаркекия — лоботряс и бездельник, целыми днями копающийся в золе. Выгнанный из дому требовательной невесткой, он встречается с девами — сказочными великанами, враждебным человеку. Хитростью и обманом ему удастся нагнать на них страху (к примеру, он выжимает из «камня» воду, но в руках у него не камень, а головка сыра, или же бежит по камням, поднимая «пыль» столбом, но это вовсе не пыль, а зола из мешка, который он продырявил шилом, и т. д.) и таким образом одолеть их. Девы в страхе бегут из дома, и все их добро достается Нацаркекии, который, не помня обиды, призывает к себе своих братьев вместе с невесткой, и они начинают вместе жить-поживать.

Однако интересно, когда возник этот образ? Каким он был в пору своей ранней «юности»?

Надо думать, что возникновение Нацаркекии относится к тому периоду, когда в фольклоре шел процесс «демократизации», «опрощения» героя, когда рядом с героями фантастическими стали появляться персонажи обыденные, рядовые, для которых уже не были обязательны ни волшебное происхождение, ни потрясающая внешность, ни чудодейственная сила. Истинного героя видели отныне в человеке совершенно обычном, на первый взгляд ничем не выделяющемся, даже заурядном, и только в необычных, невероятных ситуациях он выделялся из толпы, проявлял свою исключительность и неординарность.

Интересно само происхождение имени «Нацаркекия». Устное творчество разных народов донесло до нас сказки, в ряде случаев сюжетно отличающиеся друг от друга, но сохранившие нечто общее, а именно: имена героев этих сказок (иногда это женщина, чаще мужчина) этимологически оказываются связанными с понятием «зола». Так, например, сказку Шарля Перро «Cendrillon» («cendre» — зола), являющуюся литературной переработкой народного сказания, Геронтий Кикодзе перевел как «Нацаркекия» («нацари» — зола; «нацаркекия» — копающийся в золе). В переводе Екатерины Габашвили, относящемся к прошлому веку, она также звучит — «Нацаркекия», но в силу традиционного отношения к нашему Нацаркекии это название не привилось, и сказка о Золушке по-грузински называется «Замарашка».

Кто такая Золушка? Бедная девочка, которую жестокосердная мачеха эксплуатирует без стыда и совести. Она постоянно хлопочет у очага и потому вымазана золой. Но достаточно смыть с нее золу, как перед нами оказывается писаная красавица. Так и Нацаркекия — если стряхнуть с него золу, то окажется, что это настоящий герой. (Эффект неожиданности вообще играет большую роль в народном творчестве. Мы имеем в виду и тот тип метаморфозы, которая произошла, например, с андерсеновским гадким утенком, вдруг превратившимся в красавца-лебедя. Как известно, эта сказка тоже основана на традициях устного творчества).

Таким образом, собственные имена, которые связаны с золой, следует понимать как метафоры. (Такое всеобщее их распространение наводит на мысль, что, возможно, генетически они связаны с уходом за огнем. Очевидно, в те далекие времена поддержанием огня должен был заниматься один какой-то конкретный человек, а не вся семья или, скажем, община. Скорее всего, как правило, это должна была быть женщина, но не исключено, что эту обязанность могли возлагать и на увечных или физически сла-

бых мужчин, которые были не в состоянии выполнять другую, более тяжелую работу. Но мы сейчас не будем останавливаться на этом вопросе).

На протяжении столетий люди именно в золе хранили огонь, как нечто самое дорогое, самое почитаемое, самое необходимое. Зола, правда, укрывала его от глаз, но она же и защищала от уничтожения.

На раннем этапе своего существования Нацаркекия, возможно, и выглядел бездельником, но был истинным героем, и сегодня уже очень трудно с точностью восстановить тогдашнюю его историю в первоизданном виде.

В некоторых памятниках устного творчества (например, в грузинских сказаниях об Амирани) четко прослеживаются пласты различных эпох, что указывает на их долгую жизнь. Такие же пласты обнаруживаются и в характерах некоторых фольклорных персонажей, но на этом до сих пор почему-то не заострялось внимания. Литературный герой представляет собой раз и навсегда сформировавшийся художественный феномен, хотя с течением времени меняется отношение к нему разных слоев общества. В фольклоре же меняется не только отношение общества к персонажу, но и он сам, его художественный портрет, однако нюансы первоначального характера героя каким-то образом все же сохраняются, что может оставить впечатление определенного несоответствия нынешнему его характеру.

Нацаркекия по своей сути вовсе не является обыкновенным лгуном или ловким плутом, которых так много в устном народном творчестве, но которые отнюдь не относятся к категории симпатичных героев. Очевидно, что у Нацаркекии должен был быть более достойный «предок».

Фольклорные характеры в основе своей схематичны и прямолинейны, но тем не менее всегда верны художественной правде.

Исходя из традиционно сложившегося для устных сказаний отношения к трудослобию (работяга — положительный герой, бездельник — отрицательный), Нацаркекия как будто не может быть до конца симпатичным героем. Но несмотря на это, он и сегодня по своей сути вполне положительный персонаж.

Конечно, дэвов мог провести и весьма заурядный обманщик, но взаимоотношениями с дэвами не исчерпывается наше знакомство с Нацаркекией! Мы знали его и до встречи с дэвами, и после того, как он одолел их, и можно сказать, что он благородный (пусть никого не смущает этот эпитет в применении к Нацаркекии) человек, во всяком случае по своему происхождению. Это проявляется во всем. Вспомним, как выставляет его из дому не-

вестка (разумеется, при молчаливом согласии братьев Нацаркекии). И хотя он просит, чтобы его впустили обратно, ни слова не говорит о своих, пусть даже незначительных правах на отцовское имущество.

А стоит ему победить дэвов, завладеть их добром и жилищем, как он тут же приглашает жить к себе всю свою семью, включая зловредную невестку. Видно, что он не испытывает ни малейшей обиды. Кстати, всех вышеупомянутых героев сказок, имена которых связаны с золой, также отличают доброта и незлобивость.

Немаловажно и то, что Нацаркекия — герой, не проливший не только человеческой крови, но и крови дэвов. Пусть никто не думает, что Нацаркекия не мог уничтожить их — в сказке все возможно, тем более, что Нацаркекия, каким мы его знаем, как будто и вовсе не обязан быть милостивым к дэвам.

Создается впечатление, что кто-то намеренно «пытался» смыть с лица позднего Нацаркекии вместе с золой присущее ему от рождения благородство, но ничего из этого не получилось.

В сущности, он и по сей день является героем, но сегодня мы воспринимаем его уже юмористически (в представлении народа современный Нацаркекия является лодырем, лентяем).

Почему же так получилось?

Дело в том, что хотя необыкновенное происхождение, необыкновенная внешность, необыкновенная сила становятся необязательными для героя, зато возрастает роль такого атрибута, как интеллект. Постепенно утверждается мысль о том, что обыкновенная ловкость и хитрость могут одолеть голую силу, что изворотливость и сноровка не только равны силе, но зачастую превосходят ее. Но в то же время чувство гармонии или симметрии, столь свойственное народу, подсказало, что стремление к максимальному упрощению жизни может коренным образом переродить человека физически, и тогда возникнет опасность обратной пропорциональной зависимости между силой и интеллектом человека (иными словами, уповая лишь на свою ловкость, человек может выродиться физически настолько, что будет не в состоянии воспользоваться ею). В одном из вариантов сказки о Нацаркекии рассказывается о трех братьях, из которых старший — самый сильный, но не умный, средний — посредственной силы и ума, младший же — Нацаркекия — физически слабый, но самый умный и хитрый из братьев. Однако, несмотря на свой ум и сообразительность, Нацаркекия неудачлив в жизни. (Невестка, к примеру, легко может обмануть его и выгнать из дому. Обмануть того, кто сам обманом и хитростью одолевает дэвов. Правда, Нацаркекия не ожидал от нее такого коварства). Ему самому просто не приходит в голову обма-

нывать людей — ни своих близких, ни посторонних; как это ни парадоксально, в принципе он не обманщик по природе. Скорее он фантазер, мечтатель, добрый сказочник, и, кто знает, может быть, известный нам сегодня вариант сказки о Нацаркекее придуман им самим.

Когда невестка гонит Нацаркекию из дома, она вполне уверена в своей правоте. И читателю (который почему-то не разделяет ее чувств) становится ясно, с кем он имеет дело — с бездельником и лоботрясом.

И все же, когда народ-сказитель «посылает» Нацаркекию на борьбу с дэвами и делает его победителем в ней, тем самым он осеняет лавровым венком человека вообще как единственное интеллектуальное существо на земле, способное одержать победу над всем одушевленным миром. Самый тщедушный среди людей, ни на что не годный человек только благодаря своему разуму умудряется покорить всемогущих дэвов. Фактически это — праздник человеческой мысли, на который приглашен только людской род.

Если герой, подобный Нацаркекии, обманом или хитростью одурачит своих же собратьев и заставит их подчиниться себе, он уже станет опасным, отрицательным героем (как это случилось с Кваркваре Тутабери, главным персонажем одноименной пьесы выдающегося грузинского советского драматурга П. Какабадзе). Может быть поэтому народ-сказитель не захотел порочить ни себя, ни своего истинного героя, сквозь века пронесшего чистое и доброе имя, и натравил его исключительно на дэвов. Испугаться Нацаркекии значит обречь себя на поражение. Его нельзя принимать всерьез. В борьбе с ничтожеством — истинный союзник не раздражение и злоба, а обличение и смех. Без смеха одолеть Нацаркекию невозможно. Представьте, что случилось бы с ним, если бы один из дэвов «случайно» рассмеялся! То есть догадался бы, с кем имеет дело. Дэвы слишком серьезно отнеслись к Нацаркекии, а поскольку «у страха глаза велики», они и пожалели плод столь печальные.

Как это ни парадоксально, но для полного раскрытия своих «способностей» и «возможностей» Нацаркекии необходимы дэвы. Без дэвов он ничто. Обыкновенное поприще «тесно» ему. Дэвы — это как бы то же общество, одураченное Нацаркекией, до конца так и не осознавшее себя, свою силу. Только в таком обществе мыслим хорошо знакомый нам поздний Нацаркекия в ипостаси настоящего героя.

Именно этот момент использовал П. Какабадзе в своей пьесе «Кваркваре Тутабери»*. Поликарпе Какабадзе был первым человеком, с которым свела судьба одолевшего дэвов Нацаркекию. Он и стал для него новым крестным отцом. Назвав его Кваркваре Тутабери, вновь оторвал от родного очага и бросил в страшный омут первой мировой войны.

Но Нацаркекия, окрещенный Кваркваре Тутабери, вступает в борьбу не непосредственно с врагом, а «покрывает себя позором» в отношениях со своими же и окончательно формируется как отрицательный герой. (Если бы писатель не преследовал определенной цели, то вполне возможно, что так хорошо знакомый нам сегодня Нацаркекия, унаследовавший немало хороших и добрых черт от своего далекого предка, с успехом мог послужить прототипом и положительного героя).

Мы знаем, что народный Нацаркекия не имел ничего общего с политикой, но когда П. Какабадзе тем не менее вывел своего Кваркваре на политическую арену, произошло нечто удивительное: Кваркваре, этому отрицательному герою, наряду с другими характерными для Нацаркекии чертами каким-то чудом передалось из сказки и тепло золы родного очага.

Тепло такого рода несут в себе Дон-Кихот Сервантеса, Швейк Гашека, «осенние» дворяне Квдиашвили...

В литературе, в искусстве слово объективного доброжелательного человека оказывает гораздо большее воздействие, чем гнев грозного обвинителя.

Рисую портрет своего отрицательного героя, Поликарпе Какабадзе высмеивает и то общество, которое взрастило Нацаркекию-Кваркваре. Именно поэтому писатель как будто в какой-то степени щадит своего героя. Немалая часть его грехов может быть отнесена за счет общества, что в какой-то степени реабилитирует Кваркваре. Он становится своеобразным мерилom духовного здоровья и зрелости общества: не обманывайся, не принимай всякую

* Кваркваре, которого отец за безделье выгоняет из дому, обзавав Нацаркекией, по ошибке принимают за подпольного революционера и, несмотря на его протесты, арестовывают. После Февральской революции Кваркваре за его «революционное прошлое» объявляют героем.

Кваркваре оказывается во главе целого войска. Политиканы разного толка стараются использовать его для своих целей, но у него лишь одна страсть — нажива. Новая жизнь разоблачает бездельника.

ерунду за червонное золото, и Кваркваре вновь уйдет в свою скорлупу, из которой он был вызволен, как сказочный джин, благодаря нашему простодушию.

П. Какабадзе «хорошо знал» Кваркваре и как будто предчувствовал, что его лицемерный герой и в дальнейшем будет пытаться обмануть общество. Поэтому чуть ли не на каждом шагу автор предупреждает читателя, что Кваркваре — это тот же Нациркекия, только очутившийся среди людей. Не надо его бояться. Хоть он и большой хитрец, но слаб и ни на что не годен. Пусть никого не пугает его общественное положение. Приглядывайтесь к нему, смело разоблачайте и тогда легко одолеете его.

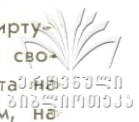
«Кваркваре Тутабери» П. Какабадзе — один из замечательных образцов переработки устного народного творчества. (О народных источниках драматургии П. Какабадзе интересная работа была опубликована Е. Вирсаладзе («Мнатоби», 1976, № 6), но она, к сожалению, не рассматривала эту проблему с интересующей нас точки зрения). Известна высокая оценка, которую дал пьесе выдающийся грузинский режиссер Котэ Марджанишвили. Она неоднократно ставилась на нашей сцене. Последняя постановка пьесы относится к 1974 году, ее осуществил в театре им. Ш. Руставели режиссер Роберт Стура.

Я не собираюсь писать запоздалую рецензию на этот спектакль. Обращу лишь внимание читателя на то, в какой взаимосвязи оказался Кваркваре из нового спектакля со своим прообразом из пьесы, так как на этом фоне более отчетливо проявляются некоторые, на наш взгляд, очень интересные штрихи художественных характеров фольклорного и литературного героев и их взаимоотношений.

Разумеется, невозможно оценить спектакль в целом, исходя только из данной позиции, да это было бы и несправедливо. Оценивая работу режиссера, надо иметь в виду, насколько близко подошел он к поставленной перед собой цели.

Рецензенты единодушно и вполне справедливо отмечали, что режиссеру великолепно удалось реализовать свой сценический замысел. Но подобное же единодушие относительно того, что новый Кваркваре из спектакля по своей сути то же, что и старый Кваркваре из пьесы П. Какабадзе (с оговоркой, что он более обобщенный, более масштабный, более значительный и т. д.), кажется нам сомнительным.

Коренное различие между Кваркваре из спектакля и Кваркваре из пьесы обнаруживается с самого же начала. Согласно пьесе, Кваркваре выходит на политическую арену совершенно случайно, хотя впоследствии вполне осваивается с этой новой для себя ро-

лью. В спектакле же Кваркваре совершенно сознательно и виртуозно использует представившийся ему случай для достижения своей цели (совсем как прожженный политический деятель). Эта первый взгляд незначительная деталь послужила камертоном, который «настроился» новый Кваркваре, а впоследствии обусловила существенную разницу между новым и старым Кваркваре.

Кваркваре П. Какабадзе — в сущности это скрывающийся под маской авантюриста Нацаркекия, а новый Кваркваре из спектакля — истинный политический проходимец, который лишь иногда, понимая, что зарывается, прикрывается «невинной» маской Нацаркекии.

Возможно, создатели спектакля хотели избежать проторенных путей. Известно, что работа большого режиссера или актера оказывает на зрителя подавляющее воздействие (впервые эту пьесу поставил К. Марджанишвили, а роль Кваркваре играл У. Чхеидзе, хотя, наверное, немногие помнят сейчас эту постановку), но если бы даже и не эта причина, время требует своего, и режиссер обязан учитывать это. Чтобы достигнуть чего-то значительного, нужно идти нехоженными путями. Нет ничего удивительного, если режиссер заострит свое внимание только на одном аспекте, одной проблеме, на одном моменте драматургического произведения, если даже он едва намечен, так сказать, находится в эмбриональном союжении (при условии, конечно, что именно этот аспект, эта проблема или этот момент на данном этапе наиболее интересен и важен). Как отмечали рецензенты, Р. Стуруа назвал свою постановку не «Кваркваре Тутабери», а «Кваркваре», подчеркнув тем самым, что цель представления — показать Кваркваре как политика. Но у этого однопланового Кваркваре оказалось очень мало общего со своим старшим «тезкой». Они отличаются друг от друга именно своей сутью.

Трудно сказать, сам ли по себе или благодаря прототипу, насчитывающему свою многовековую историю, но Кваркваре Тутабери прочно утвердился в сознании нашего народа. Называя представление «Кваркваре» и предлагая зрителю по существу совсем другого героя, мы ставим его в затруднительное положение. Грузинскому зрителю, заранее подготовленному к встрече с новым образом старого знакомого, естественно, трудно в своем воображении водрузить на предназначенный для старого Кваркваре пьедестал нового героя, если он по своей художественной силе и значению хотя бы в несколько раз не превосходит своего предшественника. Нам кажется, что если бы режиссер употребил свою фантазию и весь тот богатый арсенал изобразительных средств, который он со свойственной ему щедростью использовал в спек-

такле, не на создание нового героя, а на то, чтобы по-новому вылепить традиционный художественный образ Нацаркекии Кваркваре Тутабери, представление имело бы еще больший успех.

Признаться, разговор о традициях и народном духе порой вызывает даже раздражение (разумеется, не выражаемое вслух). Под традицией часто подразумевают штамп, хорошо утопанный, скучный путь, сковывающий творца. (Трудно поверить, но это тоже проделки Кваркваре, подобные тем «коррективам», которые он внес в понятие о донкихотстве. Но об этом чуть ниже).

Каждый спектакль в сущности не что иное, как сценический «перевод» драматургического материала. И чтобы он был конгениальным (разумеется, если мы верим, что драматургический материал заслуживает это), мы должны стремиться к точному, идентичному его воплощению на сцене. Это будет истинное соавторство в самом лучшем и широком понимании этого слова. «Вольный перевод» как в литературе, так и в театральном искусстве, если он не превосходит оригинал, скорее похож на попытку упростить, облегчить дело. Рождение нового Кваркваре, на мой взгляд, было обусловлено в известной степени недоверием к оригиналу. Режиссер, как видно, не был убежден, что «старый», «простодушный» Кваркваре сможет справиться с той тяжелой ношей, которую он собирался взвалить на него в соответствии со своим замыслом. Для этого Кваркваре «не хватило даже слов». Поэтому и были призваны на помощь другие персонажи того же П. Какабадзе, а также Брехт (который окончательно «прикончил» нашего старого знакомого).

Но Кваркваре был бы не Кваркваре, если бы он покорно подставил шею для нового бремени, не воспользовавшись моментом, чтобы увильнуть от него... И он ускользнул от нас, возможно, никем не замеченный прокрался в зрительный зал и сидит себе в укромном местечке, потирая руки и хихикая от удовольствия, что еще раз обманул нас, что тяжелая плеть, предназначенная ему, опустится на другого — возможно, более масштабного, более обобщенного, более значительного Кваркваре... а не на него, настоящего.

Вероятно, и зрителю не очень-то «доверяли» в том, что он, зритель, сможет до конца понять «примитивного» Кваркваре. Но одно упустили из виду: сегодняшний читатель или зритель далеко не тот, о котором с болью в сердце писал Лермонтов: «Наша публика так еще молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце ее не находит нравоучений... она просто дурно воспитана».

Когда о каком-либо произведении истинного искусства гово-

рят, что со временем оно становится более актуальным и современным, фактически речь идет не столько о самом произведении, сколько об обществе, которое все глубже постигает его суть и прочитывает по-новому.

Разве тот факт, что «Кваркваре» как имя нарицательное и «кваркваризм» как термин, обозначающий определенное общественное явление, идут именно от того «старого», «примитивного» Кваркваре, ни о чем не говорит? И разве можно утверждать, что произошло бы то же самое, будь зритель знаком с пьесой П. Какабадзе только по последней постановке руставелевцев?

Различие между подлинным Кваркваре и политическим авантюристом еще и в том, что авантюриста сравнительно легко распознать, но гораздо труднее одолеть, тем более смехом. Ему, правда, не по душе, когда смеются над ним, но страха он не испытывает.

Нацаркекию-Кваркваре же очень трудно распознать, но достаточно раскусить его, и дело его проиграно — смех для него пагубен.

Пафос П. Какабадзе, призывавшего к бдительности, в постановке руставелевцев получил иное направление: нет авантюризму! Это тоже большое и нужное дело. Но назвав авантюриста Кваркваре, мы фактически отождествили, точнее, уравнили понятия «кваркваризм» и «авантюризм». В результате старый наш знакомец был полностью игнорирован. Когда мы объясняем зрителю, что какого бы масштаба политическим авантюристом он ни был бы, по своей природе он все тот же Кваркваре и не надо бояться его, тем самым мы переключаем внимание читателя на более далекую и как будто более значительную цель, невольно мешая ему увидеть и узнать стоящего рядом истинного Кваркваре. В итоге мы вообще теряем его из виду.

Одним словом, пафос П. Какабадзе меняет свое содержание (повторяю, но не менее важное и нужное). Но когда меняется цель, должно смениться и оружие. Дело в том, что оружие, которое П. Какабадзе выковал для борьбы с «кваркваризмом», бессильно против авантюризма. Как, впрочем, и оружие, которым борются с авантюризмом, непригодно для борьбы с «кваркваризмом».

Нацаркекия и Кваркваре Тутабери так тесно связаны между собой и имеют столько общего, что иногда напоминают близнецов.

Нацаркекия — «мыслитель». Как, впрочем, и Кваркваре. Он целый день роется в золе и... думает. О чем, мы не знаем, может быть даже о том, как ему одолеть дэвов, хотя ему отнюдь не хочется на самом деле сразиться с ними. В противном случае не новость, а жажда борьбы оторвала бы его от очага; так же, как

Кваркваре не отсиживался бы у мельника и не ковырялся бы в золе, а позаботился бы о «практическом осуществлении» своих планов.

В отличие от авантюриста, ни у Нацаркекии, ни у Кваркваре не может быть никакого призвания или какой-либо определенной заранее намеченной цели.

Нацаркекию отрывают от родного очага. Последняя его просьба дать ему с собой мешок золы (вероятно, для того, чтобы где-нибудь рассыпать, а потом ковыряться в ней, и таким образом вернуться к привычной обстановке и привычным мыслям), молодой, свежий сыр (крепкий ему, наверное, было лень жевать) и шило, которое для бездельника, как говорят в народе, самый «необходимый» и «обязательный» инструмент.

Но чтобы у нас не сложилось впечатления, будто Нацаркекия, подобно истинным героям народных сказок, заранее знал, что его ждет и как он использует все это (какая сила заставила бы его уйти со двора, если бы он знал, что предстоит схватка с дэвами? А если бы он все-таки и ушел, то, наверное, поспешил к той самой мельнице, где прятался изгнанный отцом Кваркваре), сказитель заставил его очутиться в такой ситуации, которая требовала от него импровизации, чтобы сохранить жизнь и удержать «позиции». Очутившись в доме дэвов под тяжелой глиняной сквородой, он притворяется, что у него болит живот, а подброшенный под потолок воздушной волной от чихания дэва, вцепляется в балку, делая вид, что хочет вырвать ее и поколотить неотесанных великанов, осмелившихся чихать в его присутствии. Все это говорит о том, что сыр, зола и шило совершенно случайно оказались у него под рукой. Сказитель как будто хотел уподобить Нацаркекию «серьезному» герою.

Если бы Нацаркекия, а также и Кваркваре, умел заранее все рассчитать и продумать, пропал бы весь эффект комизма ситуаций. В этом нас еще раз убедил спектакль.

Даже Кваркваре, этого великого мастера маскировки, случайно оказавшегося на политической арене, легко раскусить, как обыкновенного авантюриста. Возможно, поэтому П. Какабадзе сделал его именно политиком, чтобы зрителю было ясно, с кем он имеет дело. Но если бы он представил своего героя в совершенно ином амплуа, то в этом не было бы ничего удивительного. В финальной сцене пьесы Кваркваре гонят, и он бежит, поджавши хвост (разумеется, ему можно было вынести и более суровый приговор, но автор знает — разоблаченный Кваркваре уже не представляет опасности для общества), но несмотря на это читателю ясно, что

он найдет для себя укромное местечко и будет процветать там до поры, пока его снова не раскусят и не прогонят взащей.

А нового Кваркваре из спектакля невозможно представить в каком-нибудь амплуа, ибо по призванию он действительно политикан. Но новый Кваркваре не имеет ничего общего с Нацаркекией ни в начале, ни в зените своей политической карьеры. А если в финале спектакля он и оказывается на мусорной свалке истории, это вовсе не значит, что он ничтожество, что он подобен Нацаркекии. Зритель верит в реальность подобного финала в отношении нового Кваркваре (сколько таких авантюристов оказались на мусорной свалке!), но знает и то, что не так-то легко избавиться от «старого», истинного Кваркваре. На протяжении веков политические шарлатаны восходят и сходят с авансцены истории (правда, иные из них сходят с опозданием), а Кваркваре-Нацаркекия по сей день шагает по земле с видом делового, практичного человека. Он оказался куда более крепким и живучим, чем какой ни на есть политический авантюрист самого крупного масштаба.

Нацаркекия-Кваркваре — общечеловеческий художественный образ. Он и Дон-Кихот по сей день сталкиваются друг с другом в жизни. Пути их пересекаются повсюду, во всех уголках земного шара, и каждая их встреча почти всегда знаменуется победой Кваркваре... Дон-Кихота легко узнать. Он так и не приспособился к жизни, все так же одолевает его юношеская болезнь преданности делу! А Кваркваре, чтобы скрыть свой нигилизм, индифферентизм, любому, кто болеет за общее дело, приклеивает ярлык Дон-Кихота (к сожалению, многие еще верят Кваркваре) и смотрит на него свысока. Удивительно, но в этих случаях Кваркваре абсолютно искренен. Он не в состоянии понять, что человек способен хотя бы в определенный момент своей жизни поставить общественные интересы над личными, принести хоть самую малую жертву на алтарь общества. Более того, если человек ведет себя просто порядочно и честно, Кваркваре бьет тревогу, узревая в его поведении донкихотство.

Он не протянет руки споткнувшемуся, не задумываясь, бросит человека в беде. Он никогда не станет на сторону истины, ибо «знает», что «сказавший правду должен держать коня оседланным», да еще будет нашептывать на ухо: «С сильным не дерись, с богатым не судись»...

При первой же опасности он зароется в землю, убеждая всех вокруг, что «береженого бог бережет».

Он растопчет человека и не почувствует угрызений совести. «Впереди идущий» для него — только «мост для последующего». Сам же он никогда не выступит в роли «впереди идущего».

Так «понимает» Кваркваре мудрость наших предков, он убежден, что все эти сентенции созданы лишь для оправдания его деятельности, для ее облегчения. И самое страшное «интерпретация» народной мудрости, а то, что он отравляет сознание окружающих, расслабляет их волю, парализует их благие порывы.

«Чего я не пойму, — говорит Кваркваре, — так это того, как иные люди со стыда готовы сквозь землю провалиться. Если ты на что-нибудь годен, ну и что, что сел в калошу, еще выше поднимай голову... вот так».

Так и уродуют Кваркваре и ему подобные общественное мнение, мораль, этику, способствуя тем самым зарождению подлости.

В этом смысле «кваркваризм», возможно, не менее опасное для общества заболевание, нежели авантюризм.

Порой Кваркваре так глубоко входит в свою роль, что и сам забывает, что он Кваркваре. Этим и объясняется «непосредственность», «естественность» его поступков, его наглая самоуверенность.

С течением времени он становится все более «утонченным», с большим мастерством маскирует свою бездарность. Кваркваре и талант взаимодействуют так же, как вода и огонь. Талантливый Кваркваре — это абсурд. Но, к сожалению, его хватку и способность к угодничеству порою принимают за талант.

Природа так щедро наделила его даром к перевоплощению, что часто только после его смерти «обнаруживают», что, оказывается, имели дело с кваркваре.

Он может быть ученым, писателем, инженером, каким-нибудь другим деятелем и т. д. и прожить всю свою жизнь так, что ни одна светлая мысль не посетит его, ни одна благословенная строка не выйдет из-под его пера, ни один дом (разумеется, для другого) не выстроится его руками, ни одно доброе дело не будет сделано им... А мы разводим руками — как, каким образом, с помощью каких средств удалось ему «снискать» такую славу, и забываем, что сами способствовали этому, что без нас, как Нацистская Германия без дэвов, он всегда оставался бы ничтожеством.

ПРИ изучении поэзии Николаза Бараташвили исследователями затрагивался лишь концептуальный аспект проблемы времени: каково отношение лирического субъекта (или автора) ко времени. Естественно, что при таком подходе в фокусе внимания оказывалась традиционная романтическая антитеза «мгновение — вечность». Не оспаривая важности концептуального подхода, позволяющего выявить мировоззренческую позицию автора, укажем на то обстоятельство, что для понимания механизма функционирования эстетического эффекта, в конечном счете для понимания эстетической природы словесного искусства гораздо большее значение имеет изучение принципов организации событийного (сюжетного) времени, то есть временных отношений, складывающихся в результате того или иного порядка следования событий в тексте. При этом отметим, что тот или иной порядок событий, а также то или иное нарушение этого порядка (временные инверсии) в тексте художественного произведения всегда имеют глубокий эстетический смысл. Исследование временных отношений представляет также возможность выявить взаимоотношения

Владимир ЧЕРЕДНИЧЕНКО

ВРЕМЕННЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
В ПОЭЗИИ
НИКОЛОЗА
БАРАТАШВИЛИ

между изображаемым (перцептуальный аспект) и авторской установкой, мировоззренческой позицией автора (концептуальный аспект).

авторской
установкой
мировоззренческой
позицией
автора

Как известно, принцип детерминизма был отвергнут теорией романтизма как не отвечающий духу искусства. Практика романтического искусства культивировала всевозможные формы нарушения причинно-следственных связей, отклонения от порядка последовательного расположения событий, хотя в ряде случаев и выходила за пределы романтических канонов.

Таким частичным исключением является четырехчастное стихотворение Бараташвили «Ночь на Кабахи», состоящее из 44 строк.

Схема событий в стихотворении имеет следующий вид:

- 1) женщины просят некоего Каплана спеть;
- 2) тот начинает напевать;
- 3) лирический субъект замечает одну из женщин и воспламеняется к ней любовью, получая от нее знаки внимания;
- 4) между ними происходит диалог. Финал диалога сопровождается рядом изменений, затрагивающих внешность возлюбленной, а также внешнюю среду;
- 5) неизвестное лицо отзывает женщину;
- 6) женщина исчезает.

«Ночь на Кабахи» — образец последовательного типа связи событий с неравномерным скачкообразным темпом протекания времени. Если, с одной стороны, в повествование вклиниваются невременные элементы (не говоря уже о начальных строфических структурах невременного типа), тормозящие темп, то, с другой, — динамичные элементы, взвинчивающие его.

Так, первая и вторая строфы выполняют роль экспозиции. В первой строфе невременность задана обобщающей формулой «Люблю», приуроченной к описываемой местности (Люблю окрестности Кабахи...) и времени года и суток (Люблю... майскую ночь... Но больше всего люблю ночь, когда...). Во второй строфе фиксируются пространственно-временные координаты конкретной ситуации (ночь, открытое пространство), а также характер передвижения в пространстве лирического субъекта (бродил я) и групп изображенных лиц (прохаживались, толпились). Большую роль в экспозиции играют описательные элементы (одежда, ландшафт и т. д.), выполняющие невременную функцию. Фиксация пространственно-временных координат ситуации содержит предпосылку для развертывания

событийного ряда, который начинается с обращения женщины Каплану:

«Скажи (спой) нам что-нибудь, — говорят Каплану, —
которые женщины, —

Хотя бы «Никто не волен», не думай теперь ломаться»¹.

Невременные элементы активно вклиниваются в различные участки повествования — невременной характер, в частности, носит обобщающее размышление о воздействии на абстрактных слушателей песни, исполняемой Капланом:

Какая из наших женщин, слыша эту песню,
Мгновенно не преисполнилась грустью и
любовным томленьем!

Любопытно, что данное положение в форме обобщения схематизирует сильную причинно-следственную связь; слышать песню → мгновенно преисполняться грустью и любовным томлением. Оно как бы иллюстрирует известное логическое правило, согласно которому одни и те же причины приводят к одним и тем же следствиям. При конкретизации и включении в изобразительную плоскость данное положение обрело бы временной характер как одно из звеньев событийного ряда:

Каждая из (присутствующих) женщин, слыша эту песню,
Мгновенно преисполнилась грустью и любовным томленьем.

Однако, подчеркиваем, основная функция невременных вкраплений в стихотворении — сбить темп событийного времени.

Следует отметить, что все события стихотворения развернуты в прошедшем времени. Единичный случай вторжения более отдаленного по сравнению со временем событий временного плана не нарушает последовательного хода событий, поскольку он не осваивается памятью, а служит лишь для подтверждения тождественности лица:

Узрел ее где-то, когда-то, в кругу женщин,
С тех пор я не видел ее...

Пунктирно намеченная антитеза «когда-то» («როდისღაც») — «теперь» («ახლა») — это не антитеза прошедшего-

¹ Здесь и далее подстрочный перевод А. Абашели, Мариджан, К. Надирадзе.

настоящего, а антитеза двух планов прошедшего — отдаленного (время первой встречи) и описываемого (время повторной встречи).

Тенденции к сбиванию темпа противостоят попытки взвинтить темп на других участках повествования с помощью лексически выделенных моментов времени (мгновений), имеющих наибольшую эстетическую ценность:

- 1) **Вдруг** среди них я увидел одну в белом платье,
И **вмиг** она лишила меня сознания (пленила).
- 2) При этих словах на ланитах ее **вдруг** расцвела
(распустила лепестки) роза.
- 3) И **тотчас же** скрылась она — свет очей моих.

Финал стихотворения совпадает с одним из таких моментов, придавая традиционному для романтической поэзии мотиву разлуки особую остроту:

Но другой окликнул любимую женщину,
И тотчас же скрылась она — свет очей моих.

Таким образом, в стихотворении «Ночь на Кабахи» мы наблюдаем **сильную последовательность** (отсутствие временной разобщенности событий), осложненную невременными элементами и акцентировкой особо динамичных моментов (мгновений). Неровный темп художественного времени, его ускорения и замедления выражали взволнованное отношение лирического субъекта к происходящим событиям. В более широком плане такая асимметрия темпа была следствием романтического, резко оценочного отношения к миру.

По типу **слабой последовательности** (наличие временной разобщенности событий) построены такие шедевры поэта, как «Цвет неба, синий цвет...» и «Мерани». На последнем следует остановиться особо. Исходная и финальная ситуации в «Мерани» локализованы в настоящем, тогда как основные фазы разворачивания событийного ряда отнесены к будущему. Здесь мы имеем дело с такой формой будущего времени, как предполагаемое будущее. Модальная частица « ϕ » (« ϕ сть») в сочетании с глаголами, а также сходные формы повелительного наклонения подчеркивают предположительный характер такого будущего. Степень желательности для лирического субъекта того или иного события колеблется в зависимости от контекста (она особенно высока в той части стиха, где он не-

посредственно обращается к Мерани). Ряд предполагаемых событий развернут в «Мерани» в слабой хронологической последовательности (за исключением третьего и шестого дублирующих звеньев, выпадающих из хронологической канвы):

- 1) пусть отчизну свою я покину...
- 2) пусть не увижу более родных и мою любимую...
- 3) где ночь настигает меня, пусть там и рассветет; пусть будет там моя земля родная;
- 4) пусть не буду похоронен в отчизне моей...
- 5) пусть не оплачет меня возлюбленная..., пусть не падут на меня слезы...
- 6) пусть, отвергнутый ею (судьбою), умру одиноким.

Таким образом, время может быть реально ощутимым и в том случае, когда события разворачиваются в ирреальном плане (то есть в будущем времени). Следует отметить, что возврат (последняя строфа) к исходной ситуации (первая строфа), тождественность начала и конца (лексико-семантическое кольцо) в «Мерани» не замыкает временной перспективы, поскольку не соответствует соотношению начала и конца в поэтической действительности, где бег коня является непрерывным непрекращающимся действием (ср. многократные обращения к коню), на фоне которого осваиваются все более дальние планы будущего времени. В стихотворении с большой художественной силой воплощена романтическая идея «вечного движения», которая в силу своей абстрактности и релятивности будет позднее отринута реалистами как идея «дурной бесконечности»:

Несись вперед, Мерани, твоему бегу **нет предела.**

Это указание на отсутствие пространственно-временного предела очень характерно для романтического мирозерцания. Выведенная романтиками формула бесконечности выражала новое в сравнении с предшествующим этапом литературного развития отношение человека к миру, означала расширение сферы его духовного опыта, его веру в возможность охвата в одном поэтическом акте всего многообразия мира.

Типичными образцами стихотворений, организованных по типу **непоследовательности**, могут служить «Взошло на востоке светило, живительное, как солнце...» и «Любимая, помню, очи твои...», причем последнее отмечено сложным и многократным переплетением более поздних и более ранних временных планов.

То сна не знает (сердце мое), то вздыхает с печалью,
То радует всякую душу,
То кличет смерть, то грезит вдали,
То пребывает в мире этом, то улетает в небо!
Не поверишь ты, как ты любима!

При таком подходе, конечно, не было логической необходимости в рефрене «Не поверишь ты, как ты любима!» («არ დაიჯერებ, თუ ვით ხატრვთ ხარ!»), замыкающем каждую часть. Однако не приходится сомневаться в мелодической функции этого рефрена, выполняющего роль припева к песне.

Другим типичным образцом стихотворения-обобщения может служить «Сумерки на Мтацминда». Здесь, в отличие от «Вечера» Фета, не отражены в своей последовательности те или иные фазы наступления вечера, а так же, как в тютчевском «Тени сизые смешались...», передан «сумеречный» пафос. Вообще «сумеречная» тональность, меланхолия — одна из характернейших черт романтического мировосприятия. «Сумерки на Мтацминда» рисуют обобщенную картину сумерек и тесно связанных с ними переживаний — аналогичные нерасторжимые природно-психические комплексы экстраполируются романтиками на все времена года и местности, демонстрируя их тягу к построению универсальных и абстрактных поэтических моделей. Элементы конкретизации (топоним «Мтацминда», указание на время года) растворяются в концептуальной антитезе **мгновенное — вечное**, выраженной в пятой строфе: «Я, созерцающий тебя (небо), забываю мимолетный (мгновенный) мир...» и метафорической концовке (десятая строфа). Отдельные событийные вкрапления в текст и апелляция к абстрактным временным планам (см. строки 9,40) не затрагивают основ невременной схемы, внося в нее лишь несущественные коррективы.

Конструкция обобщения легла в основу целого ряда философских произведений Бараташвили, стихотворений-рассуждений и стихотворений-деклараций: «Таинственный голос», «Раздумья на берегу Куры», «Младенец», «Сиротливая душа», «Моим друзьям», «Люблю глаза затуманенные» и др.

Невременность у Бараташвили иногда носит осложненный характер — так, в «Таинственном голосе» наличествует временная связка: «...**лишь только** познал я впервые мгновенный мир → ...с тех пор некий голос преследует все помыслы и желания мои».

Потенциально временные отношения содержатся в причинно-следственных связках-условиях в стихотворении «Налетел

на меня ветер суровый и унес от меня цветок...». Эти связи можно представить в следующем виде:

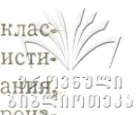
если увижу лепесток — то жизнь станет сладостной
когда мысленно представляется утрата — тогда мгновенно усиливаются горести сердца.

Подведем итоги. Малособытийность большинства лирических стихотворений Бараташвили неслучайна — философичность, обилие концептуальных акцентов были характернейшими признаками романтической поэтики (в этом плане можно провести типологические параллели между Бараташвили и другими «младшими» романтиками, в частности Шелли, Лермонтовым, Юлиушем Словацким). Невременная форма организации стихотворений позволяла романтикам предельно субъективировать изображаемое, поставив в центр лирического мира романтическую личность с ее многообразными духовными запросами и сложным взаимоотношением с вещным миром, со вселенной.

Что же касается собственно временных отношений, то непоследовательность как доминирующий в лирике Бараташвили тип вполне отвечает романтической поэтике и поэтому не требует особых комментариев. Гораздо больший интерес представляют единичные случаи последовательности («Ночь на Кабахи», «Цвет неба, синий цвет...», «Мерани»), ибо они позволяют выявить сугубо романтические акценты при обращении к чуждой временной форме. Это прежде всего скачкообразный темп протекания художественного времени, **асимметрия темпа** как следствие резко оценочного отношения к миру.

В этой связи укажем на ту особую роль, которую играет в лирике Бараташвили **мгновение** — и не только как член традиционной романтической оппозиции «мгновение — вечность», но и как обладающий независимым статусом лексически выделенный кратчайший момент времени, несущий на себе наибольшую эстетическую нагрузку. Категория мгновения — одна из наиболее фундаментальных категорий поэтики Бараташвили. По частоте обращений к данной категории и многообразию выполняемых ею функций Бараташвили выделяется из числа поэтов-романтиков и может быть поставлен в один ряд лишь с Фетом — поэтом скорее импрессионистической, чем романтической ориентации.

Протест романтиков против классицистических канонов, затронувший не только композицию и язык, но также и принцип изображения, безусловно имел исторически прогрессивное значение. Романтики подходили к проблеме соотношения еди-

ничного и общего, конкретного и абстрактного не так, как классицисты. Романтическая лирика в сравнении с классицистической — шаг вперед по пути конкретизации повествования, усиления его изобразительной стороны, углубления воспроизводимого переживания. В лирику входит конкретная личность с присущими ей комплексами переживаний. Однако поэта-романтика, хотя уже и не в такой степени, как поэта-классициста, продолжает устраивать абстрактная пространственно-временная схема действия: его мало интересует конкретная пространственная компоновка событий, своеобразие тех или иных отрезков времени — он поглощен вневременным и непреходящим. В этом — сила и одновременно слабость романтической поэзии, поскольку цельность поэтического чувства, сила обобщения, масштабность образов не всегда сочетались с необходимой дифференциацией чувств, силой подробностей, психологической мотивировкой образов. В одном из своих эссе Поль Валери дал романтизму следующую примечательную характеристику: «Романтизм провозгласил уничтожение рабства человеческого «Я». Основное в нем — упразднение **последовательности в мыслях**, одной из форм этого рабства; тем самым он способствовал необычайному развитию описательной литературы. Описательность делает всякую связность излишней, приемлет все, что приемлется взглядом, позволяет ежемгновенно вводить новые положения»¹. Романтиков «мало интересует **причинная связь явлений**, — пишет современный исследователь, — они хотят прежде всего схватить то общее начало, которое движет вещами, одухотворяет их»². Это обстоятельство подчеркивали и сами романтики. Так, Новалис утверждает в своих «Фрагментах»: «Сказка есть как бы канон поэзии. Все поэтическое должно быть сказочным. Поэт поклоняется случаю. Ничего не может быть противнее духу сказки, чем нравственный фатум, **закономерная связь**. В сказке царит подлинная природная анархия»³. Требование свободы от всех и всяческих канонов, сформулированное Новалисом, Фридрихом Шлегелем и другими идеологами романтизма, таило в себе угрозу не менее жесткого соблюдения романтического канона

¹ Валери Поль. Об искусстве. М., 1976, с. 469—470.

² См.: История эстетики, М., 1967, т. 3, с. 8. Выделено мной — В. Ч.

³ Новалис. Фрагменты. — В кн.: Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980, с. 98. Выделено мной — В. Ч.

свободы как системы запретов на различные проявления упорядоченности. Практика романтического искусства способствовала неуклонному возрастанию нормативности романтической поэтики — это и круг специфических тем, и набор постоянно повторяющихся приемов (со временем — романтических штампов как издержек такой нормативности). Тенденция к игнорированию причинно-следственных связей между событиями сочеталась у романтиков с осуществляемой на концептуальном уровне канонизацией нерасторжимых природно-психических комплексов. Вторжение в поэзию философии и риторики, мощная мифологизация повествования, упор на орнаментальную описательность не могли не сказаться на событийности романтической лирики. «Для романтической поэзии речь идет не только о том, чтобы определенно и наглядно представить суть дела, — писал Гегель, — напротив, — метафорическое использование явлений, далеко отстоящих друг от друга, становится самоцелью; чувство становится средоточием всего, бросает свет на свое богатое окружение, притягивает его к себе, остроумно и изобретательно пользуется им для собственного украшения, вдыхает в него жизнь, и в этих беспрестанных своих переходах она наслаждается собою, беспрепятственно отдаваясь своему изображению»¹. В то же время интенсивное расширение духовного опыта субъекта романтической лирики (в процессе которого, как заметил Н. К. Гей, вызревали те представления об относительности пространственных и временных измерений, которые окончательно утвердятся лишь в XX столетии), расширение возможностей поэтического языка не только придало лучшим образцам романтической лирики непреходящую ценность, но и подготовило почву для дальнейшего развития лирики в направлении от романтизма к реализму, к большей конкретизации, изобразительности и событийности.

¹ Гегель. Эстетика. М., 1971, т. 3, с. 387.

В Соединенных Штатах Америки вышел новый в области исторической лингвистики журнал «Диахроника», редактор которого в первом же номере сообщает читателю, что никогда не решился бы на издание этого журнала, не имея он поддержки некоторых выдающихся ученых. Одним из первых среди этих ученых он называет нашего соотечественника, академика Академии наук СССР, действительного члена Академии наук Грузинской ССР, директора Института востоковедения им. Г. Церетели АН Грузинской ССР Тамаза Валериановича Гамкрелидзе.

О всеобщем признании научных заслуг Т. В. Гамкрелидзе свидетельствует не только тот факт, что он является иностранным почетным членом Американской академии искусств и наук, иностранным членом Британской академии и Австрийской академии наук, почетным членом нескольких международных лингвистических обществ, членом редакционных коллегий целого ряда международных научных журналов и сборников трудов, но и то, что сегодня без его исследований, как видно, не могут быть решены многие кардинальные вопросы исторического языкознания. В этом смысле показательна изданная в Амстердаме в 1984 году серия ежегодных трудов, посвященная современным направлениям лингвистической теории. В ней опубликована работа известного американского лингвиста А. Бомхарда, целиком построенная на теоретических концепциях Т. В. Гамкрелидзе.

ОТ ГИПОТЕЗЫ К ТЕОРИИ

Чем обусловлен столь большой интерес ученых к трудам Т. В. Гамкрелидзе? Что нового внес он в науку о языке? Мы предлагаем беседу профессора ШОТА ГАГОШИДЗЕ с академиком Т. В. ГАМКРЕЛИДЗЕ, которая может дать некоторое представление о научных заслугах грузинского ученого, об основных аспектах выработанной им новой теории в области языкознания и востоковедения.

Вопрос: В издательстве Тбилисского государственного университета подготовлена к печати двухтомная монография «Индоевропейский язык и индоевропейцы», которая вскоре выйдет в свет и авторами которой являетесь вы совместно с доктором филологических наук, профессором Вячеславом Всеволодовичем Ивановым. Основные идеи этой книги, которые были высказаны вами в опубликованных ранее статьях и докладах, прочтенных на различных научных симпозиумах или конференциях (они переведены на английский язык и изданы отдельной книгой в Соединенных Штатах Америки), вызвали большой интерес со стороны ведущих лингвистов, историков, археологов, этнографов и антропологов мира. Монография еще не вышла из печати, но интерес к ней настолько велик, что несколько иностранных издательств выразили желание перевести и издать ее у себя. В чем суть вашего труда? Каковы основные выводы, к которым вы пришли в результате исследований?

Ответ: Приблизительно уточнен ареал обитания предков индоевропейцев. А это сыграло решающую роль в том, что поиски в области индоевропейского языкознания получили совершенно иное направление, чем это было принято традиционно. В частности, наши исследования дают основание заключить, что прародиной индоевропейцев должна была быть Передняя Азия, а именно территория между северной частью Месопотамии и югом Закавказья. Это те же географические области, где в IV—III тысячелетиях до н. э. общались между собой индоевропейцы, картвелы, семиты, т. е. племена — носители соответственно индоевропейского, картвельского (южнокавказского), семитского языков. В результате такого общения множество слов переходило из одного языка в другой, хотя они и относились к совершенно различным языковым семьям, так что порой трудно определить, какому языку принадлежало первоначально то или иное слово. Помимо этого, возникли и схожие структурные признаки. Кроме того, что не менее важно, приблизительно установлено время и направление миграций индоевропейских племен — носителей праиндоевропейского языка и ранних его диалектов.

Вопрос: Что подразумевается под названием «индоевропейцы», «картвелы», «семиты»? Какие этнические образования имеются в виду?

Ответ: Под этими названиями подразумеваются не различные индоевропейские, картвельские или семитские племена вообще, а их доисторические, арханческие предки: прото-

индоевропейские, протокартвельские и протосемитские племена, которые говорили соответственно на индоевропейском, картвельском и семитском языках. Это те языки-основы, которые положили начало исторически засвидетельствованным индоевропейским, картвельским (южнокавказским) и семитским языкам.

Вопрос: Общеизвестно, что ваши соображения представляют собой новое слово в языкознании. Читателю интересно было бы узнать, как вы пришли к своему открытию?

Ответ: Как это ни парадоксально, но мы искали не архаическую прародину индоевропейцев, а объективных свидетелей, которыми могли быть только сами индоевропейцы, т. е. лишь они, точнее, их язык мог сообщить нам, где, когда и как они жили. Но язык, на котором они говорили, не засвидетельствован исторически. Следовательно, первая задача состоит в том, чтобы восстановить такой язык-основу. Лингвистике по плечу такая задача. Чтобы было понятно, как это делается, приведу один пример. Сравнивая слова романских языков (французского, итальянского, португальского, румынского, испанского и др.), можно «вычислить», каким было то или иное слово в языке-прародителе — латинском, а так как латинский нам известен, мы свободно можем проверить сам этот метод реконструкции. Именно таким образом на основе всех известных индоевропейских языков восстанавливается их праязык. Аналогичным образом можно восстановить также и картвельский и семитский языки-основы или праязыки.

В соответствии с тем, в какой форме будет восстановлена система языка-основы, какие языковые и грамматические структуры будут ему приписаны, происходит реконструкция предьстории родственных языковых систем, путей их формирования и развития, начиная с первоначального общего состояния этих языков, отраженного в системе языка-основы, и кончая исторически фиксированным состоянием.

Вопрос: Вы проделали на редкость трудоемкую работу по воссозданию протоиндоевропейского языка и составлению соответствующего словаря на совершенно иной основе. Западные ученые назвали вашу систему реконструкции консонантного состава индоевропейского праязыка «глоттальной теорией». Она в корне изменила научную точку зрения на историю индоевропейских языков и их развитие, господствовавшую в классическом индоевропейском языкознании в течение более 150 лет. Неудивительно, что ваше открытие вызвало настоящую сенсацию среди специалистов. Известный американский языко-

вед А. Бомхард писал: «Глоттальная теория выделяется как самый значительный вклад в реконструкцию индоевропейской фонологической системы на протяжении всего нашего столетия. Ее единственная возможная соперница — ларингальная теория — возникла в последние десятилетия прошлого века». А известный советский востоковед И. М. Дьяконов на одной из конференций 1972 года заявил, что новая теория, подобно тунгусскому метеориту, упала с неба, предав огню все, что существовало донныне. Что вы скажете о «глоттальной теории»?

Ответ: Это в высшей степени специальный вопрос, притом достаточно сложный, но я постараюсь ответить так, чтобы он стал понятен широкому кругу читателей. Прежде всего нам стало ясно, что для всех трех языков-основ (протоиндоевропейского, протокартвельского и протосемитского) характерно поразительное сходство языковых структур. Между соседствующими языками в результате продолжительного общения (независимо от того, родственны эти языки или нет) возникают особые языковые связи. Этот процесс, между прочим, характерен и сегодня для определенных языков. Например, современные албанский, румынский, новогреческий и другие языки входят в балканский языковый союз, а грузинский, армянский и другие языки кавказского ареала характеризуют общие фонетические признаки. Именно наличием особых языковых связей, прежде всего, можно объяснить то глубокое сходство систем согласных, которое отличало картвельский, индоевропейский и семитский языки-основы. Это сходство было обнаружено, когда мы пересмотрели традиционную систему согласных индоевропейского языка-основы. Выяснилось, что система согласных, восстанавливаемая классическим индоевропейским языкознанием, внутренне противоречива и не соответствует синхронной типологии языков. Более того, она не соответствует и универсальным языковым закономерностям, устанавливаемым лингвистикой универсалий. Поэтому мы не могли признать реальным допущенные классической индоевропейской сравнительной грамматикой фонетические изменения и преобразования. Необходимо было выработать совершенно новую концепцию. А именно: консонантный ряд звонких смычных, предполагавшийся донныне в индоевропейском языкознании для праиндоевропейского языка, был заменен глухими согласными особого типа, так называемыми «абруптивами», которые характерны для современного грузинского и предполагаются для общекартвельского в доисторическом прошлом. Новая интерпретация «звонких согласных» общиндоевропейского языка позволила есте-

ственным образом объяснить целый ряд таких фактов индоевропейской языковой структуры, которые были непонятны и типологически необъяснимы в традиционной модели общепринятого доевропейского консонантизма.

Что касается того, почему по-новому осмысленную консонантную систему индоевропейского праязыка назвали «глоттальной теорией», то в ней, как говорилось выше, постулированы по аналогии с консонантизмом картвельских языков «гортанные» или «глоттализированные» фонемы типа абруптивных согласных (п') -т' -к'.

Вопрос: Что практически дало использование «глоттальной теории» современному индоевропейскому языкознанию?

Ответ: Новая модель индоевропейского праязыка требует, конечно, коренного пересмотра постулатов всей системы классического индоевропейского языкознания и воссоздания новой картины возникновения индоевропейских языков и их доисторического развития. В соответствии с этим необходимо преобразовать всю традиционную сравнительно-историческую грамматику индоевропейских языков и пересмотреть основы сравнительно-этимологического словаря. Между прочим, необходимость этого признают ведущие ученые различных стран мира. К примеру, американский лингвист Ф. Болди отмечает: «Совершенно очевидно, что «глоттальная теория» представляет собой новую парадигму в индоевропейском языкознании, сравнимую по масштабам с ларингальной теорией, и принятие этой теории приведет к необходимости полного пересмотра всех основ индоевропейского языкознания... Тот факт, что это потребует переработки всех существующих в области индоевропейского языкознания словарей и руководств, не должен мешать ее признанию». Аналогичную мысль высказывают выдающийся австрийский индолог М. Майерхофер, крупнейший американский лингвист У. Леман и др.

Вопрос: Почему так актуально решение проблемы индоевропейской «прародины»? Какое значение она имеет для истории происхождения и развития индоевропейских народов — для этногенеза хетто-лувийских, индо-иранских, греческих, италийских, славянских, германских и других племен?

Ответ: В зависимости от того, где будет локализована прародина племен, говоривших на том или ином языке-основе, какой географический регион будет принят за первоначальную территорию распространения этого языка-основы, и восстанавливается картина доисторических миграций этих племен и их перемещений, а также процесс дифференциации языка-основы

и его распада на отдельные родственные диалекты. А это дает возможность воссоздать предысторию народов, говоривших на соответствующем языке, осуществить реконструкцию их этногенетической предыстории.

Вопрос: Каково было мнение о прародине индоевропейцев до вашего открытия?

Ответ: Надо сказать, что освещение проблемы «индоевропейской прародины» отличалось определенной тенденциозностью; она не раз становилась даже предметом политических спекуляций и зачастую приобретала резко националистическую окраску. Я имею в виду, в частности, нацистскую Германию, где проблема «индоевропейской прародины» была подменена лженаучной теорией о «чистоте» нордической расы «арийцев». Таковыми без всяких на то оснований считались германские племена и собственно немцы, обитавшие в северной части Центральной Европы, якобы представлявшей первоначальную территорию распространения «индогерманского» языка-основы (так в немецкой науке назывался «общеиндоевропейский» язык).

В свое время были высказаны серьезные возражения против этого ошибочного тезиса. Еще до аншлюсса и оккупации немцами Вены здесь вышли солидные труды ученых-антифашистов, в которых убедительно доказывалось, что прародиной индоевропейцев не могла быть Центральная Европа. Большинство исследователей были вынуждены переместить «прародину» индоевропейцев ближе к востоку и искать ее в регионе северного Причерноморья, в археологическом ареале так называемой «курганной» или древнеямной культуры. Эта точка зрения считается наиболее распространенной в настоящее время в международной науке.

Вопрос: А теперь ее сменила новая теория. На какие данные вы опирались, решая проблему индоевропейской прародины? Какие конкретные факты служат подтверждением тому, что протоиндоевропейцы проживали именно в Передней Азии?

Ответ: К этому выводу мы пришли в результате семантического и культурно-исторического анализа словаря индоевропейского праязыка. Об одном из основных аргументов мы уже говорили выше, когда касались вопроса о тесном общении протоиндоевропейского, протокартвельского и протосемитского языков (взаимное заимствование слов, общие признаки языковой структуры и др.). Такое взаимовлияние возможно и типично лишь при условии тесных контактов и взаимосвязей всех трех языков-основ, и говорившие на них племена, оче-

видно, должны были жить по соседству. На то, что именно Передняя Азия являлась первоначальным ареалом распространения индоевропейского праязыка, указывает и семантика целого комплекса тех общиндоевропейских лексем, в которых отразился быт говорящих на диалектах древнего индоевропейского языка, их материальная и духовная культура. Первое, что мы можем утверждать с уверенностью, это то, что индоевропейская прародина — край горного ландшафта. Об этом свидетельствует множество общиндоевропейских слов, обозначающих «высокие горы», «скалы», «возвышенности», а также названия деревьев и растений («горный дуб», «береза», «бук», «ясень», «осина», «пихта», «орех» и др.), в которых отразились особенности горного ландшафта прародины и указание на то, что она располагалась к югу от побережья Средиземного моря.

Такой сравнительно южный характер экологической среды предполагаемой индоевропейской прародины подтверждается и анализом общиндоевропейских названий животных. Некоторые животные, которые были известны говорящим на праязыке и его диалектах (барс или леопард, лев, обезьяна, слон и др.), характерны именно для южного региона, а это исключает возможность того, что Центральная Европа могла быть первоначальным местом обитания индоевропейских племен.

Большую группу индоевропейского словаря составляют названия домашних животных, а также термины, обозначающие продукты животноводства и земледелия, в Европе же развитое животноводство устанавливается для периода не ранее III тысячелетия до н. э. Для локализации индоевропейской прародины особое значение приобретают названия сельскохозяйственных растений (ячмень, пшеница, лен), а также названия фруктовых деревьев и кустарников (яблоня, кизил, вишня, тутовое дерево, виноградная лоза). Интересно, что культура ячменя известна на Ближнем Востоке с глубокой древности, в то время как в Европе она получила распространение только в конце четвертого и начале третьего тысячелетия до н. э. (из Малой Азии через Балканы). Что касается лозы, то еще академик Н. Вавилов установил, что культурная лоза зарождается в закавказско-западноазиатском центре земледелия и совершенно неизвестна для Европы архаического периода.

Особо следует остановиться на одном из важнейших аргументов — индоевропейской терминологии колесного транспорта, которая лишней раз указывает на локализацию индоевропейской прародины именно в регионе Передней Азии. Назва-

ния колесной повозки и ее составных частей (колесо, ось, дышло, ярмо), металла, необходимого для их изготовления (бронза), тягловой силы (одомашненная лошадь) широко использовались говорящими на индоевропейском языке. Дело в том, что изготовление колесной повозки относится примерно к IV тысячелетию до н. э., а очагом ее распространения, согласно новейшим исследованиям, признан ареал от Закавказья до верхней Месопотамии. В раннюю эпоху бронзового века с территории Ближнего Востока колесная повозка проникает в Волго-Уральский район и через северное побережье Черного моря и Балканы попадает в Центральную Европу.

Таковы вкратце аргументы, подтверждающие, на наш взгляд, тезис о том, что прародиной индоевропейцев могла быть только Юго-Западная Азия (Малая Азия, север Месопотамии и юг Закавказья).

Вопрос: Таким образом, можно считать, что прародина индоевропейцев приблизительно установлена. Но естественно возникает не менее важный вопрос. Современные индоевропейские языки широко распространены в Европе и Азии. Когда и как говорящие на них народы попали сюда? И, конечно же, интересно, что заставило индоевропейцев покинуть их первоначальную родину?

Ответ: Как утверждает академик Н. Вавилов, культура раннего земледелия зародилась в горах. Но народам, живущим в горах, со временем становится все более тесно, происходит демографический взрыв. Следует учесть также и то, что этот географический регион был заселен достаточно плотно — в Западном Иране жили народы, говорившие на эламском языке, в Месопотамии — шумеры и семиты, севернее — хурриты, а в центральной части исторического Закавказья обитали наши предки — картвельские племена. Наверное, это и толкнуло индоевропейцев на далекие миграции, и если принять во внимание, что в IV—III тысячелетиях до н. э. у них уже был колесный транспорт и одомашненные лошади, технически такие перемещения были вполне осуществимы.

Вопрос: О чем говорят данные, связанные с переселением индоевропейцев? Каковы были основные направления их миграций?

Ответ: Сравнительно недалеко от первоначальной территории располагались хеттско-лувийские, греческие, протоармянские, индоиранские племена. Тохарские и т. н. «древнеевропейские» племена (италийские, кельтские, германские, балтийские, славянские) должны были пройти огромный путь через

Центральную Азию, прежде чем достигнуть своей исторически известной территории в Азии и Европе. С другой стороны индоарийские племена, двигавшиеся также в восточном направлении, к концу III тысячелетия до н. э. проникают в Индостан и теснят коренных жителей этих областей — дравидов. Отдельно следует выделить здесь вопрос о миграции греков через Малую Азию в материковую Грецию и на острова Эгейского моря, поскольку он имеет определенную связь и с грузинско-картвельской исторической действительностью. Дело в том, что в сравнительно ранних пластах мифа об аргонавтах, возможно, отразились именно эти переселения греческих племен в районы, граничащие с Малой Азией и Закавказьем, где они могли встречаться с картвельскими племенами и устанавливать с ними определенные отношения. Лингвистическим отражением этих миграций можно считать лексический пласт заимствований из картвельских языков в древнегреческом. Несомненный интерес представляет в этом отношении то, что древнейшая форма греческого названия «руна», «кожи» — «ков-» (греч. «коас», «ково») должна быть западнокартвельского происхождения («тков-») и соответствовать грузинскому слову «ткав-» (кожа). Поэтому можно предположить, что пришедших в Колхиду греков встретило картвельское население, говорившее на одном из западных диалектов картвельского языка. Немаловажен и тот факт, что отраженные в древнейшем греческом мифе культовые представления о «руне», которое обычно вешали на святое дерево, сохранились в западнокартвельской культовой традиции, в частности в сванских празднествах.

Вопрос: Итак, можно сделать вывод, что по соседству с древнейшими народами Ближнего Востока (шумерами и др.) в Передней Азии IV—III тысячелетия до н. э. в непосредственной близости друг от друга расселялись такие этнические объединения, которые начиная с III тысячелетия складываются в исторически известных индоевропейцев, картвелов и семитов. Какое существенное значение имеет этот фактор для последующего развития и совершенствования соответствующих научных дисциплин?

Ответ: Если до сих пор мы полагали, что развитие картвель-

ского языкознания и историко-сравнительного языкознания вообще немислимо без полного учета данных индоевропейского языкознания, то сейчас с полным правом можно утверждать, что последующее развитие и совершенствование самого индоевропейского сравнительного языкознания стало возможно лишь с учетом типологических данных других языковых семей и прежде всего картвельской (южнокавказской) семьи языков. Совершенно очевидно, что именно данные картвельского языкознания, сравнительно-типологическое изучение именно картвельских языков поставило в индоевропеистике новые проблемы, предложило оригинальные их решения и открыло перед индоевропейским языкознанием широчайшие перспективы. Таковы, по нашему глубокому убеждению, значение и роль картвельских языков в деле последующего развития сравнительно-исторического языкознания вообще и индоевропейской сравнительной лингвистики в частности.

Со своей стороны, новейшие достижения индоевропеистики должны содействовать дальнейшему развитию и совершенствованию картвельского сравнительного языкознания. С целью более глубокого изучения этногенетической проблематики и восстановления адекватной картины доисторического прошлого картвельских племен в отношении картвельских языков необходимо проделать ту же работу, что была выполнена в отношении языков индоевропейских, и должным образом проанализировать реконструируемую общекартвельскую лексику. Это даст возможность более полно воссоздать общекартвельский духовный и материальный мир, мир наших далеких предков, говоривших на общекартвельском языке, и более глубоко исследовать пути формирования и развития исторических картвельских племен.

Вопрос: Таким образом, исходя из вашей теории, можно утверждать, что Передняя Азия — родина не только этих языков-основ, но и вообще колыбель современной цивилизации, если даже и греки — выходцы отсюда?

Ответ: Распад языков-основ, распространенных в пределах древней Передней Азии, и миграции племен, говоривших на их диалектах, естественно, означали и распространение переднеазиатской культуры на различные регионы Ираки, а картвель-

ские племена вместе с другими племенами и народами сред-
дельных ареалов, очевидно, сопричастны этой древнейшей
культуре. Это положение новой теории об «азиатской праро-
дине» индоевропейцев и следовательно о восточных истоках
современной западной цивилизации перекликается с известным
стихотворением великого Гете из цикла «Западно-восточный
диван», в котором есть такие строки:

Если ты в сердцах знаток,
Эту мысль пойми ты.
Ныне Запад и Восток
Неразрывно слиты.

(пер. С. Шервинского).

В связи с этим нельзя не вспомнить также известное ла-
тинское изречение «Ex oriente lux»: «Свет идет с Востока».
Воистину!

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДВУХ КУЛЬТУР

ПРОФЕССОР И. С. Богомол принадлежит к числу литературоведов, чьи работы вызывают неизменный интерес не только специалистов, но и широких читательских кругов. Это обусловлено двумя факторами: во-первых, тем, что И. Богомол занят изучением интересной самой по себе области науки — литературных взаимосвязей, а во-вторых, тем, что он чаще всего обращается к малоизвестным или вовсе не известным страницам этих взаимосвязей.

Все это относится и к недавно вышедшим книгам И. Богомолова, среди которых прежде всего следует назвать «Страницы великой дружбы», выпущенную в свет издательством «Сабчота Сакартвело» на грузинском языке.

Рецензируемую книгу условно можно разделить на три части. В первую из них вошли очерки и статьи «А. С. Грибоедов в Грузии», «А. С. Пушкин и грузинские романтики», «Я. П. Полонский в Грузии», «В. К. Кюхельбекер и Д. А. Эристави», «М. А. Балакирев и грузинские деятели», «Н. А. Некрасов в грузинских переводах», «Л. Н. Тол-

стой в оценке Важа Пшавела», «Неизвестные письма к В. Короленко и И. Михайловскому».

Эта часть привлекает прежде всего обилием новых материалов, обнаруженных И. Богомолым и впервые опубликованных на грузинском языке. К их числу относится письмо Нины Чавчавадзе к Булгарину, проливающее новый свет на историю надгробия Грибоедову, письмо Д. Эристави к Кюхельбекеру, свидетельствующее о его связях с некоторыми участниками декабристского движения, переписка грузинских деятелей с В. Короленко, Н. Михайловским, композитором М. Балакиревым и т. д.

Много нового и интересного найдет грузинский читатель и в разделе, посвященном взаимосвязям Я. Полонского с грузинской действительностью. Особый интерес привлекает анализ двух прозаических произведений: «Тифлиские сабли» и «Два незнакомца — живой и мертвый», которые, как убедительно доказал И. Богомол, принадлежат перу Я. Полонского.

Вторая часть рецензируемой книги посвящается в основном периодической печати прошлого столетия. Здесь рассмотрены такие вопросы, как Ш. Руставели в русской литературе первой половины XIX столетия, Н. Бараташвили и русское печатное слово, роль и значение литературного альманаха «Пешкеш». Хочется подчеркнуть, что И. Богомол не ограничивается анализом малоизвестных статей и заметок, опубликованных в русской печати, но рассматривает и ранние переводы

творений Ш. Руставели и Н. Бараташвили, попутно установив на основе архивных материалов, что над переводом «Витязя в барсовой шкуре» в 50-х гг. прошлого столетия работал известный русский поэт и прозаик Владимир Соллогуб.

Заключительная часть книги «Страницы великой дружбы» посвящается советскому периоду.

В главе «Маяковский и грузинские писатели» образ великого поэта предстает через восприятие его грузинскими современниками. Давая обзор известных и малоизвестных материалов о контактах Маяковского с Грузией, исследователь воссоздает целостную картину многолетнего дружеского и творческого общения его со страной детства. Особое внимание уделяется И. Богомоловым воспоминаниям Т. Табидзе, К. Надирадзе, Л. Киачели, С. Чиковани, Г. Леонидзе, К. Лордкипанидзе и др., запечатлевшим облик поэта, а также интересу Маяковского к путям развития грузинской советской литературы (в частности, его заботе о чистоте грузинского языка).

В последующих разделах книги автор рассматривает взаимоотношения с грузинской культурой и грузинской общественностью выдающихся русских советских поэтов С. Есенина, Н. Тихонова и П. Антокольского. Здесь щедро использованы первоисточники, а также воспоминания их грузинских друзей и соратников по перу (Г. Леонидзе, А. Мирцхулава, А. Белиашвили, И. Абашидзе и др.).

Заключительный очерк

книги «Страницы великой дружбы» посвящен отношению к Грузии замечательных представителей братских литератур (М. Бакара, Е. Чаренца, М. Ибрагимова, Э. Межелайтиса и др.), показу того, каких высот достигло интернациональное звучание советской литературы в нашу эпоху.

Именно эта проблема положена в основу другой работы И. Богомолова «Тема дружбы народов и интернационализма в грузинской советской литературе», выпущенной в свет издательством «Цодна» на русском языке. На XX Всесоюзном конкурсе на лучшие произведения научно-популярной литературы она удостоена диплома и премии.

Диалектика национального и интернационального — основная тема этой работы. Анализируя произведения и высказывания Г. Табидзе, К. Гамсахурдиа, И. Гришашвили, Н. Думбадзе, И. Нонешвили, И. Абашидзе, Г. Абашидзе, К. Каладзе, К. Лордкипанидзе и других, автор убедительно показывает, что интернационализм советской литературы в целом, и в частности грузинской литературы, является не свойством, привнесенным извне, а следствием идеологических предпосылок, в результате которых развивается тема дружбы народов и крепнет интернационалистическая позиция писателей. Но есть и другая причина, в силу которой дружба народов стала фактором, определяющим природу советской литературы, — это политическое, экономическое и культурное единство народов Советского Союза. Великие стройки

коммунизма, совместная борьба советских народов за независимость Родины, за успешное выполнение задач пятилеток, единые цели и стремления способствуют укреплению братских уз, приводят к тому, что взаимообогащение литератур становится нормой жизни. Литература не отстает от жизни, она отображает сближение советских народов и сама способствует этому сближению. Являясь отражением жизни, она вместе с тем стимулирует становление и развитие этой жизни.

Все это хорошо показано И. Богомолотовым не только на примере грузинской советской литературы, но и творчества М. Луконина, А. Корнейчука, О. Тумаяна, С. Вургуня, Г. Гуляма, А. Рошки, Э. Матузевичюса, А. Айдамирова и др., свидетельствующих о том, что интернационализм, взаимообогащение литератур для нас понятие не абстрактное. Это — сама жизнь, наша социалистическая действительность.

В 1983 году, к 200-летию Георгиевского трактата, издательство «Сабчота хеловнеба» выпустило в свет на русском языке книгу И. Богомолотова и Г. Хуцишвили «Эта удивительная Военно-Грузинская дорога». Известный ленинградский литературовед В. Э. Вацура справедливо писал об этой книге: «Как определяются нужные книги? О них говорят: а разве такой книги не было? Почему же ее до сих пор никто не написал? У меня было именно это ощущение, — но, если бы я задался специальной целью навести нужную справку о Военно - Грузинской доро-

ге, я бы убедился восточно, что навести ее негде. А теперь есть где. В этой примитивной формуле заключена, видимо, суть нашей работы».

Вместе с авторами книги мы совершаем увлекательное путешествие по одной из живописнейших дорог нашей страны. И в этом нам помогает тот раздел книги, который со свойственным ему глубоким знанием предмета написал Г. Хуцишвили. Вторая и большая часть книги принадлежит перу И. Богомолотова и посвящена Военно - Грузинской дороге, как одному из ярких, высокохудожественных образов в русской и грузинской литературах. Автор справедливо утверждает, что для русских и грузинских писателей это была не просто живописная магистраль, поскольку они воспринимали дорогу прежде всего как «надежный», прочный мост, соединяющий две богатейшие культуры, как мощную артерию, питающую их многовековые устремления к взаимосвязям во всех областях общественно - политической, культурной и экономической жизни, как дорогу дружбы и братства. Если к тому же учесть эстетическое воздействие горной дороги на умы и сердца деятелей русской и грузинской культур, нетрудно понять, почему она оставила у них впечатление «живой радуги», пролегшей между Россией и Грузией.

В книге рассказывается не только о тех русских писателях, которые проезжали по Военно - Грузинской дороге и воспели ее, но и говорится о том, что дорога стала великолепным художе-

ственным образом и в русском искусстве — в живописи (Н. Чернецов, Г. Гагарин, В. Васнецов, И. Айвазовский и др.), музыке (П. Чайковский, М. Ипполитов-Иванов, А. Рубинштейн и др.).

Что касается грузинской литературы, в книге мы читаем: «Если для многочисленных деятелей русской культуры дорога эта явилась чем-то возвышенным и прекрасным, могучим источником вдохновения, то грузинские писатели воспринимали ее прежде всего как жизненно важную магистраль, по которой с древнейших времен шло общение северного и южного соседей... Здесь мы не столь часто встречаем восторженно-красочные описания (для грузинских писателей все это было привычно, хорошо знакомо). Весь акцент переносится на социально-политические, философские и эстетические проблемы».

Следует отметить, что И. Богомолов затронул и такую интересную тему, как Военно-Грузинская дорога в жизни и творчестве писателей народов СССР (Г. Сундукян, О. Туманян, А. Венуолис - Жукаускас, Х. Суммер, А. Венцлова, М. Хведорвич, Б. Микулич, И. Байзаков, Т. Уметалиев и др.), а также в зарубежной литературе (А. Дюма, К. Гамсун, Я. Бешше, Т. Лада-Заблоцкий и др.).

Особо хочется подчеркнуть, что И. Богомолов рассматривает обширный материал на широком общественно-политическом и культурно-экономическом фоне различных эпох, начиная с XVIII столетия и кончая нашей современностью.

Интересная книга «Эта удивительная Военно - Грузинская дорога» лишний раз подтверждает, сколь плодотворным может быть творческое сотрудничество двух прекрасных специалистов.

Закончить свой небольшой обзор мне хочется книгой «Русские писатели в Грузии», которую выпустило в свет на русском языке издательство «Мерани» под грифом Музея дружбы народов АН ГССР. Это очень интересная книга, являющаяся первым такого рода исследованием. Она посвящена писателям, которые не просто приезжали в Грузию, а жили здесь долго или всю жизнь, становились «тифлисцами», «мокалаке», обрели здесь родину, принимали самое активное участие в местной общественно-литературной жизни. Книга эта написана коллективом авторов и, конечно же, неравноценна. Наряду с глубоким литературоведческим анализом в ней встречаются чисто информационные (причем не всегда исчерпывающего) характера места.

Перу И. Богомолова принадлежит один из лучших разделов — «Русские писатели в Грузии в первой половине XIX века», в котором научный обзор литературного развития умело сочетается с монографическим рассмотрением творчества русских писателей указанной эпохи. На широком общественно - культурном фоне в тесных взаимосвязях с грузинской духовной культурой И. Богомолов рассматривает не только жизнь и творчество Я. Полонского, но и таких малоизученных, но очень интересных писателей, как О. Константинов,

В. Соллогуб, Е. Вердеревский, И. Сливичкий и др. В основу этого раздела книги легли многолетние изыскания автора, результаты которых в разное время были опубликованы в научных изданиях. Поэтому смело можно утверждать, что И. Богомолов во многих случаях является первооткрывателем интереснейших страниц истории многовекового русско - грузинского обществено - литературного содружества.

Как убедительно показывает И. Богомолов, произведения русских писателей, живших в Грузии, имели много общих черт. В то же время каждый из них вносил в разработку грузинской темы что-то свое, оригинальное: описание жизни социальных низов (Я. Полонский), попытку осмыслить будущее Грузии (В. Соллогуб), пристальный интерес к ее духовной культуре (И. Сливичкий), тяготение к документальной точности (Е. Вердеревский). К их произведениям и к их деятельности проявляли внимание В. Белинский, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, а также грузинские писатели, которые рецензи-

ровали и переводили на родной язык произведения своих русских друзей и братьев. И это весьма знаменательно, т. к. именно в первой половине прошлого столетия, после присоединения Грузии к России, укреплялись основы дружеских взаимосвязей представителей русской и грузинской литератур, которые в дальнейшем стали традиционными. В закладке фундамента этих взаимосвязей, как доказал И. Богомолов, активно участвовали многие русские писатели, в чем и состоит одна из главных их заслуг.

Таков общий круг вопросов, рассмотренных в книгах, изданных И. Богомоловым или при его участии за прошедший год. Книжки эти разные и цели у них неоднозначны, однако всех их роднит характерное для исследовательского метода И. Богомолова стремление найти свой, оригинальный ракурс подхода к новому материалу, высветить те стороны процесса литературных взаимосвязей, которые подчас оставались в тени.

Огар ЛОРДКИПАНИДЗЕ

СОКРОВЕННОЕ ОДЕЯНИЕ СЛОВА

УДИВИТЕЛЬНАЯ это книга. Странная. На ее страницах в неожиданном жанровом согласии уживаются опереточный злодей маршал Бетанкур, герой психологического романа Доменико, словно вышедший из народной героической легенды Зе Морейра, хорошо узнаваемый мещанин и пустозвон Дуилио, романтическая возлюбленная Анна-Мария, вполне земная Тереза.

Удивительная это книга. Странная. Сюжетные ходы ее нечаянны и разнообразны, как в самой жизни, и как в жизни же, переплелись в ней слабость* и сила, равнодушные и отчаяние, высокий порыв и животный страх. Зеркалом отражает она огромный и пестрый земной шар, но зеркалом особым — сжимаются до размеров кукольного театра необозримые пространства, превращаются в карнавальные маски лица. Яркий, возвышенный до настоящего искусства балаган, начиненный сказочно-реальными картинами калейдоскоп...

Мир, созданный воображением писателя, одновременно нелеп и органичен, но он и не может быть иным, только волшебное, чудно смещенное зрение позволяет вылучить из кожуры сердцевины, из Сокровенного Одеяния — Слово.

Прекрасно Сокровенное Одеяние, хранимое отцом Доменико, множество драгоценных камней сияет в его склад-

ках, но сила его непонятна юноше — богатое украшение? нечто, за что платят деньги? Долог путь до понимания истинной ценности отцовского наследства: трижды подаренное, растраченное по пустякам, из горя и мук восставшее Слово оказывается единственным, ради чего стоит жить, единственным, что превращает человека в «счастливого несчастливца».

Роман Гурама Дочанашвили «Одарю тебя трижды» (грузинское название «Одеяние первое») — своеобразная мистерия рождения творческой личности, которая, по словам автора, чем выше ее талант, тем богаче и тем несчастнее.

В основе образного строя произведения лежит мифологическое сказание о блудном сыне. Как и любой миф, оно выражает собой глубокую философскую идею, можно сказать, что в нем нашло воплощение одно из толкований идеи отцовской любви вообще. Душа, вступившая в мир, чиста, но и беспомощна — ни добра, ни зла не ведает она. И если материнское начало призвано охранять дитя, то отцовское — ведет его вперед, от падения к падению, от вершины к вершине. Отчее древо — основа основ, но для того, чтобы окреп на нем новый, только что появившийся на свет росток, он должен пережить бурную осень и холодную зиму, когда связь со всем родным кажется потерянной. А весной, вновь напивавшись отцовских соков,

Гурам Дочанашвили. Одарю тебя трижды. Роман. Перевод с грузинского Э. Джалиашвили. Москва, «Советский писатель», 1984.

росток расцветет небывало пышной зеленью.

Превращает в монеты свою часть отцовского наследства Доменико, чтобы растратить, разметать ее по миру, и спускается он (один из ростков на древе отца) из Высокого селения вниз, к жестоким каморцам, суетным краса-горожанам, свободным канудосцам. Даже единственную драхму не хочет оставить он дома, единственную драхму, за которой можно вернуться и получить прибежище от бед, все свое богатство юноша несет с собой, и пятном на потолке следует за ним любовь отца, охраняя, но не заслоняя от испытаний.

Первая ступень вниз, на которую спускается Доменико, — Краса-город. Он не так уж разительно отличается от Высокого селения, только чуть-чуть смещены акценты — то, что имело дома силу, было почитаемым и святым, здесь высмеивается. В селении сама природа выносит приговор, совпадающий с приговором отца, ему даже не приходится говорить, а в городе обличительные проповеди Александры вызывают драки и сплетни — невинное развлечение бездельников.

Да и сам Александр, покровитель, отец Краса-города, воспринимается окружающими как сумасшедший, такой же сумасшедший, как одержимый желанием убивать Уго — еще слабый, не вышедший из младенчества зачаток города-ада Каморы.

Жители Высокого селения близки к звездам, каждую весну с дымом праздничного костра посылают они вести далеким предкам, обитающим на небе. Сознание же краса-горожан ничем не отличается

от сознания обывателей любого города нашей планеты. Автору не пришлось при их описании ничего особенно преувеличивать и выделять (хотя стиливая манера и здесь — гротескно - сатирическая). Можно сказать, что Гурам Дочанашвили построил описание Краса - города на полутонах, если это слово вообще применимо к его творчеству.

Краса-город — переходная ступень. Здесь сосуществует все. Именно тут, в суете и бездумности, воспринимаемой им как жизнь, Доменико находит свою первую любовь Терезу, «настоящую женщину», как определяет ее автор, и познает с ней радости плоти (обычный этап юношеского мужания, когда мальчик открывает для себя мир взрослых). Здесь же встречает он Анну-Марию, возлюбленную своей души, любовь к которой и вырывает его из мешанского уюта гостиных Краса-города. И когда эта еще неумелая, незащитная и романтическая любовь Доменико должна дать первый плод — Анна-Мария носит под сердцем ребенка, — она становится легкой добычей зла, и убегает с места преступления убийца Уго, а побежденный горем Доменико отправляется за избавлением от мук в Камору. Смерти ищет он, смерти духовной и физической.

Но Доменико подросток, он уже не ребенок, для которого не существует возврата, в Краса-городе он оставил зарытыми в землю тысячу драхм. Сюда путь открыт. И все-таки он «все еще сырая масса, тесто, глина»...

Камора — полюс, противоположный Высокому селению. И день и ночь он будто «во тьме, в зловеще разлившем-

ся безмолвию». Город разбойников и подлецов, убийц и предателей.

И в Каморе не все жители одинаковы, и тут есть добро, но ему приходится скрываться под маской зла, как брату Александру, или неведения, как Петэ-доктору. Эти двое одиноки в городе и тем не менее с достоинством несут тяжкий крест служения людям, они спасают, выводят из ада и Доменико, и других, случайно попавших сюда бедолаг. В отличие от сил зла силы добра в романе оказываются тесно связанными, идущими из единого источника.

А покорные власти и страсти наживы, обманутые маршалом Бетанкуром обыватели утопают в страхе, насилии, крови...

Насилие, как ни странно, не самое страшное в гниющем заживо, зловонном городе. Против насилия можно найти оружие. «Не бойся полковника, Мичинию, Кадиму и прочих, самое худшее — убьют, — предупреждает Доменико брату Александру. — Остерегайся маршала Бетанкура — загубит душу».

Маршал Бетанкур и его супруга Мерседес Бостон сразиваются в романе с Молохом, а Молох — это не просто завоеватель, это божок, идол, сидящий на вершине и оттого кажущийся высоким. Идол видится стоящим внизу привлекательным, блестящим, богато украшенным, мощным. Это образец для примера, приманка для тщеславия.

Вот какой представляется Доменико супруга маршала:

«Мерседес Бостон повернула к нему голову, раскосила

глаза, оглядывая водруженного на ее колени скитальца узким вертким языком слезнула с зеленой губы крупный изумруд и, жмурясь, смачно обсосала толстые губы. Доменико услышал, как хрустнул дробимый зубами изумруд, и мороз пробрал его, а Мерседес Бостон оковала его затылок гибкими пальцами - клешнями и, притянув к себе бледное лицо, ласково извергла прямо в рот ему: «Моей грудью ты вскормлен», невыносимым смрадом обдало Доменико...»

И все-таки однажды потрясенный своим открытием Доменико понимает, что страшный Молох ненастоящий, а настоящим, живым оказывается свободный город Канудос, населенный простыми тружениками, ушедшими из-под ига каморцев. Отвергнув тщеславие, они выбрали свободу, ради свободы пожертвовали всем и должны погибнуть: ни один идол не потерпит рядом живых людей, слишком ясно будет тогда его убожество.

Канудос — это опять полюс добра, Доменико приходит сюда через Краса-город. Но в отличие от Высокого селения, основанного когда-то богами и потому неподвластного Каморе, Канудос — дело рук смертных. Он не может долго существовать, вспыхнет яркое пламя народного подвига, взвоет к небу и погаснет.

«— Мы победим, конселейро, увидите, победим! — воскликнул Жоао Абадо. — Каждый из нас сильнее оравы каморцев, не сомневайтесь, одолеем их, и ружья есть у нас, и патроны, непременно победим, конселейро.

Но Мендес Масиэл пробормотал на это совсем непонятное:

— Не дай бог...»

Почему предводитель повстанцев хотел гибели своего города? Знал он, что Молоха нельзя победить ничем, кроме благородства и смелости, но люди, носители этих качеств, неизменно гибнут в борьбе, оставляя свой свет потомкам. Победивший же насилует насилем сам становится Молохом, меняются маски, но спектакль продолжается.

И становятся уязвимыми канудосцы после того, как один из них, ослепленный жадной мести, бросил тропы каморцев хищному растению, чтобы оно пожрало их. Это победа маршала Бетанкура: мечь, убившая благородство мстителя, — его смерть. А старый крестьянин Сантос сделался одним из пяти избранных великих канудосцев потому, что отпустил побежденного врага и действиями своими превратил зло в добро. Поражение канудосцев — это лишь переход в новое качество, светом народной легенды, дымом костра, на котором горит Сокровенное Одевание, поднимутся они к небу, чтобы оттуда нести людям знание.

Блудный сын Доменико вернулся домой. У него не было сил доползти до отца, и тот сам подбежал к нему. Поднял, утешил, не упрекнул, что промотал состояние, большее богатство принес с собой скиталец — муку свою и свою возмужавшую любовь. Воссоединение свершилось! И одарил его отец второй раз — Сокровенным Одеванием, и третий раз одарил — Словом...

В многослойности, сложности образной ткани романа — его достоинства, но именно они и создают трудности восприя-

тия текста русским читателем. Поэтому мне хотелось бы сказать о филигранной работе переводчика Э. Джалишвили, которой удалось перевести непереводаемое — саму грузинскую культуру произведения. В книге играет каждое слово, каждая пауза, каждая интонация.

Еще одну удивительную и странную книгу Гурама Дочанашвили в переводе Э. Джалишвили выпустило не так давно издательство «Мерани». Это сборник рассказов «Песня без слов», который местами кажется своеобразным прологом к роману «Одарю тебя трижды». Правда, рассказы несколько уступают роману по глубине, они более эскизные, что ли.

Ситуации здесь вполне реалистические (за исключением, пожалуй, первого рассказа «Аралетцы, аралетцы...»), хотя стиливая манера писателя и тут гротескно-сатирическая. Рассказы и роман так тесно переплетаются между собой, связаны таким множеством нитей, что кажутся частями одного целого.

Краса-городом, Каморой и Канудосом бредит писатель Лука — герой рассказа «Дело», а у его антипода — маленького хулигана глаза зеленые, как у убийцы Уго. Любовь Луки превратила маленького хулигана в обиженного мальчика, Уго же поднял руку на Анну-Марию. Но ведь в жизни тоже бывает по-разному.

В рассказе «Человек, который любил литературу» мы знакомимся с молодым энергичным руководителем, который напоминает «респонденту» — фотографу Васико — брата маршала Бетанкура. Видим, как прячется он от об-

личающего объектива фотоаппарата, потому что, узанный, он бессилён, и никакие заумные научные термины не скроют нищеты его души.

У фотографа Васико есть брат Гриша (рассказ «Он рождён был любить, или Гриша и «Главное»), который, совсем как чудак Александро, мучается проблемой, как помочь людям стать лучше, чем они есть.

И, наверное, старший брат Васико и Гриши Шалва (рассказ «Любовь, которую надо таить, или третий брат Кеже-радзе»), влюбленный в Грузию и пытающийся заразить своей любовью еще одного родственника маршала Бетанкура Симу (полное имя — Герасиме), мог бы повторить за Мендесом Масиэлом:

«Не считайте, что в плохое

время родились, несчастливое. Кто знает, возможно, и в самом деле золотым был золотой век, о котором в сказках сказывается, но такое ли уж счастье все время на лужайке полеживать да на свирели наигрывать под плеск ручья — врагу не пожелаю этого! В счастливейшее время родились и жили все вы, братья, поднялись из грязи, возвысились над скверной — это ли не счастье, и оно дано было вам!»

Согласимся же и мы, читатели, что герои Гурама Дочанавили — счастливые люди, хоть и выпадают им на долю огорчения, неприятности, поражения и даже гибель. Согласимся и пожелаем, никогда не складывая оружия, сражаться за души людей.

Ирина ЛЕЖАВА

ОСВАИВАЯ ВПЕРВЫЕ ВАЖНУЮ ТЕМУ...

НЕ ТАК давно в наших книжных магазинах появилось скромное на вид издание. Однако, несмотря на неброскость оформления и академизм названия, разошлось оно почти мгновенно. Очевидно, потребность в такого рода ис-

следовании давно назрела. Оно явилось закономерным результатом освоения такой объемной и значимой темы, как развитие русской литературы в Грузии с начала минувшего века по сей день.

До этого разработка ее преимущественно шла в аспекте русско-грузинских литературных взаимосвязей, которые имеют, как известно, давнюю и богатую историю, крепко устоявшиеся традиции. И хотя многое в этом направлении в республике было уже сделано, самостоятельной работы со всесторонним охватом и последовательным изложением как уже накопленного, так и еще совершенно не

изученного материала по данному вопросу пока не существовало. Рассматриваемая книга — первый опыт в этом направлении. И поэтому перед ее авторским коллективом (И. Богомолв, В. Пирадов, Р. Прилипко, В. Балуашвили, М. Филина, Е. Квасашвили), естественно, стояло немало трудностей.

Правда, несомненным подспорьем в подготовке этого труда послужил целый ряд исследований по отдельным аспектам данной проблемы. Это — «Русские пролетарские писатели в Грузии» (1926) Ю. Либединского, «Грузия в творчестве забытых русских поэтов Н. П. Лукина и А. П. Опочинина», «Письма русских литературно-общественных деятелей к Н. Я. Николадзе» (1949), «Декабристская литература и грузинская общественность» (1958) В. Шадури, который является также составителем таких сборников, как «Русские писатели о Грузии» (1948), «Летопись дружбы» (1961), «Шумит Арагва предо мною...» (1974), «Поэтический край» (1978), а также «Я. П. Полонский в Грузии», «Важа Пшавела и русская действительность» (1980) И. Богомолова и другие.

Но значительную часть из отстоявшегося фактического материала надо было заново осмыслить в соответствии с требованиями и возможностями данного издания. К тому же, как видно из приведенных выше названий, большинство этих

«Русские писатели в Грузии». Тбилиси. «Мерани». 1983.

работ относится к первой и второй половинам XIX века, и значительно меньше — к началу XX столетия, а тем более к нашим дням.

Тем не менее это было не самое большое препятствие на пути создания хотя бы общей картины русской литературной жизни в Грузии, жизни, которая, как можно судить по рассматриваемой книге, вышедшей под редакцией кандидата филологических наук Р. Миминошвили, на протяжении охватываемого ею довольно протяженного временного отрезка была довольно интенсивной, многогранной и плодотворной.

Сложность, надо полагать, заключалась и в том, что у данной проблемы — много сторон. Книга называется «Русские писатели в Грузии». Значит, это и те из них, кто в разное время посещал Грузию, гостил здесь, попадал сюда в силу разных жизненных и общественно-политических ситуаций. Контакты, которые у них возникали с представителями грузинской литературной общественности, имели свои положительные последствия. Пребывание в Грузии русских писателей, как известных, так и менее известных, несомненно оказывало влияние на местную литературную жизнь.

Затем — русские писатели, которые определенное время жили в Грузии, а потом покинули ее по разным обстоятельствам. Следовательно, их интенсивная творческая работа, падающая на этот период, тоже никак не может быть сброшена со счетов. В те годы и они подключались к здеш-

нему литературному процесу, и сами немало черпали из него.

Далее — те русскоязычные литераторы, которые постоянно живут и трудятся в Грузии. Причем в самых разных направлениях и жанрах. А поскольку наша республика для них вторая родина, творчество их неизбежно носит специфический характер, так как протекает на стыке двух культур — русской и грузинской, что не может не отразиться в их произведениях не только в виде непосредственно грузинской темы, грузинских мотивов, но и других более тонких и подспудных линий и течений.

К тому же немаловажное место в их литературной деятельности занимает в большинстве случаев целенаправленная переводческая работа, которую тоже следовало бы выделить в самостоятельный разговор, как чрезвычайно актуальный для нашей сегодняшней действительности.

И все же, очевидно, наибольшую трудность в этом процессе представляло не столько накопление информации, сколько систематизация, требовавшая определенной методологии и типологического единства в ее изложении.

Охватить все это многообразие материала и аспектов, ввести его в единое русло, в стройную систему, сохранив при этом необходимую соразмерность и пропорцию, полноту охвата и подлинную глубину, да еще не одному, а многим и разным авторам, конечно, немалое благородное, но труднодостижимое. И созда-

тели книги «Русские писатели в Грузии» сознавали это, впервые предприняв попытку популярного чтения как широкого читателя, так и специалистов с этим на редкость интересным явлением нашей мюргонациональной литературы.

На данной ступени его освоения они, как оговорено в предисловии, не претендовали «на исчерпывающую полноту и всестороннюю глубину», тем самым давая понять, что начатое исследование такой важной темы, как «Русские писатели в Грузии», получившее отражение в одноименной книге, находится в процессе совершенствования.

Пока же первым принципом, положенным в ее основу, был хронологический, позволивший облегчить показ основных этапов развития русской литературы в Грузии.

Две части издания — «XIX век» и «Советский период» — вобрали в себя шесть разделов, детализирующих избранную периодизацию в такой естественной последовательности, как первая и вторая половины XIX века в первой части и четыре временных отрезка, охватывающих двадцатые, тридцатые годы нашего столетия, пору Великой Отечественной войны, послевоенное время и наши дни — во второй.

Такое построение, пусть и условное, правомерно дало возможность, как сказано в аннотации, осуществить и обзорную панораму литературного процесса, и монографическое рассмотрение творчества наиболее крупных русских прозаиков; доэ-

тов, драматургов, критиков и публицистов, работавших в Грузии в дореволюционный период и особенно после победы Великого Октября.

Вместе с тем знаменательно, что речь идет здесь «о писателях, чья деятельность, — по утверждению автора предисловия, озаглавленного «Навеки вместе», — явилась прямым результатом Георгиевского трактата и породнения Грузии с Россией, чем и объясняется выход книги именно в год 200-летия подписания этой хартии дружбы и братства русского и грузинского народов.

Все это так. И хотя благодаря рецензируемому изданию мы впервые получили общее представление о феномене русскоязычной литературы на грузинской почве в продолжение почти двух столетий, что само по себе уже достойно внимания, желательнее, чтобы при разработке в дальнейшем этой темы имели место единый принцип и отбора сведений, и архитектоники книги, единый подход к ним и угол зрения, исключаящие некоторый разноречивый и непоследовательный в отношении творческой деятельности объектов этого литературоведческого исследования. Ведь порою текст смахивает на конспективное изложение, а детальный разбор и всесторонний охват в совокупности всех аспектов литературно-общественной деятельности того или иного русского писателя в условиях нашего края соседствует с досадной скороговоркой, лишенной порою даже фактической опоры. Наряду с полным обзором

определенного периода, который вполне может быть назван литературным очерком, как, например, раздел «Русские писатели в Грузии во второй половине XIX века», присутствует не объединенное основной мыслью или тенденцией фрагментарное перечисление и скудных сведений о тех или иных авторах, чем, к сожалению, больше всего грешит раздел, посвященный последнему сорокалетию, кстати, как раз наименее знакомому.

Отчасти это, конечно, объяснимо. Если в историческом плане, пусть в отдельных изданиях, касающихся частных вопросов темы, картина так или иначе сложилась, если период с 20-х годов до начала Великой Отечественной войны, а также послевоенные годы изучались историками литературы, о чем свидетельствуют соответствующие разделы в книге, то исследование русской литературной жизни в Грузии с послевоенной поры по настоящее время — без преувеличения можно назвать целинной, на которой авторами последнего раздела была произведена первая разведка, позволившая заполнить одно из белых пятен на нашей литературной карте.

А ведь русская секция Союза писателей Грузии насчитывает уже полстолетия. В первые годы ее существования сюда входили такие ныне хорошо известные русские литераторы, жившие в Тбилиси, как А. Антоновская — автор знаменитой эпопеи «Диди Муравьи», П. Петренко — один из лучших переводчиков на русский язык «Витязя в бар-

совой шкуре» Шота Руставели, а также поэты, прозаики, переводчики В. Эльшнер, Б. Корнеев, Б. Серебряков, К. Чернявский и другие, без которых сегодня представление о литературном процессе в Грузии было бы неполным.

Что же касается последних лет, то в заключительных строках книги, не лишенной неизбежных при первом освоении такой важной темы издержек, частично отмеченных выше, содержится следующая справедливая оценка деятельности русских писателей в нашей республике за этот период: «Появление в последние годы в Грузии новых талантливых литераторов, пишущих на русском языке, создание целого ряда значительных произведений, получивших широкий всеобщий отклик, перевод их произведений на иностранные языки, активизация переводческой деятельности русскоязычных писателей

свидетельствуют о том, что творческая деятельность русских писателей в Грузии находится на подъеме».

Не согласиться с этим нельзя. Так что есть все предпосылки для продолжения начатого дела с преимущественным вниманием к советскому периоду творческой практики живущих в Грузии русскоязычных авторов, как наименее исследованному, при условии приведения всего имеющегося фактического материала, относящегося к интересующему нас аспекту, к единому знаменателю.

А опыт первого издания подобного труда, конечно, поможет, с учетом допущенных просчетов, в осуществлении следующего шага этого насущно необходимого начинания, предпринятого Музеем дружбы народов Академии наук Грузинской ССР совместно с издательством «Мерани».

Л. ТИХОНОВА

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ

В МОИХ руках — увесистый том темно-зеленого цвета: Александр Межиров «Теснина». Пятьсот страниц убористого текста — переводы грузинских поэтов, стихи о Грузии, лирика разных лет. Саша Межиров... Мы оба родились и выросли в одном

из переулков в самом центре Москвы. Об этом скромном переулке с поэтическим названием Лебяжий писали многие поэты. Но и по сей день непревзойденными, по моему мнению, были и остаются лаконичные и удивительно точные строки Межирова: «Неровный строй домов сутулых, всё в мире знающих про всех. Лебяжий — только переулок, не улица и не проспект. Да и не переулок даже, а так, проулок в сто ша-

гов, — без лебедей и берегов, — и всё ж воистину Лебязий».

Лебязий переулоч у Кремля, рядом с Большим Каменным мостом, у Межирова — символ Родины. Именно отсюда осенью приснопамятного сорок первого года уходил на фронт семнадцатилетний поэт. Уходил, чтобы защитить от врага родной дом, Лебязий переулоч, Москву, Родину...

Он сам был мальчишкой из его стихотворения «Защитник Москвы»: «Невысокого роста и в кости неширок, никакого геройства совершить он не смог. Но с другим со всеми, неокрепший еще, под тяжелое Время он подставил плечо... Он был тихий и слабый, но Москва без него ничего не смогла бы, не смогла ничего...»

Саша — старше меня и не только по годам. И это всегда незримо присутствовало в наших отношениях старшего с младшим, обстрелянного с необстрелянным...

С благодарной признательностью я храню в сердце строки поэта: «Наша разница в возрасте невелика, полдесяток не будет годов. Но во мне ты недаром узрел старика — я с тобой согласиться готов. И жестокость наивной твоей правоты я тебе не поставлю в вину, потому что действительно старше, чем ты, на Отечественную войну».

Отечественная война... «Какая музыка была! Какая музыка играла, когда и души и тела война проклятая попра...» Тема войны звучит во многих стихах Межирова.

Вот его «Десантники»: «Скоро спросит, скоро спросит Родина по программе, до сих пор не изданной, всё, что было выучено, пройдено в шко-

ле жизни, краткой и нестойкой...»

Вот стихи о защите Ленинграда: «В снег Сивявских болот падал наш соленый пот, прожигая до воды в затененных пущах бесконечные следы впереди идущих...».

Война оставила неизгладимый след в сердце поэта: «Две книги выстраданы мной. Одна — физически. Другая — тем, чем живу, изнемогая, не в силах разорвать с войной...» Тема войны проходит и через весь сборник «Теснина», звучит в переводах грузинских поэтов, в лирике разных лет...

Помню, вскоре после окончания войны Межиров подарил мне, тогда еще школьнику, свою тонкую книжку стихов, названную по программному не только для поэта, но и для всего советского народа стихотворению «Коммунисты, вперед!»

На этом томике Саша написал: «Дорогому Юре Анохину, чтобы, мужая, сохранил душевную чистоту и чуткость, ибо из мужества и нежности рождается подчас настоящая поэзия».

Межиров был первым живым поэтом в моей жизни. От него я впервые наглядно узнал и понял то, о чем читал у Маяковского: «Поэзия — та же добыча радия: в грамм добыча, в год труды...»

Межиров первым познакомил меня с Грузией, с грузинской культурой и литературой, с творчеством замечательной плеяды мастеров грузинской поэзии, представленной им в сборнике «Теснина».

Переводы замечательных грузинских поэтов, блестяще сделанные Александром Межировым, знакомят читателей с Грузией, ее историей, пол-

ной страданий, борьбы и побед.

Мужеством и нежностью дышат стихи и переводы поэта. Новая книга Александра Межирова, большого, верного друга грузинской поэзии, выпущенная недавно издательством «Мерани», — прекрасный подарок не только любителям и ценителям поэзии, но и всем, кому дороги Грузия и Россия, наша великая Советская

страна, наша нерушимая братская дружба!..

В связи с недавним 60-летием поэт был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Присоединяясь к поздравлениям благодарных читателей его таланта, предлагаю читателям «Литературной Грузии» свое стихотворение, посвященное Александру Межирову.

ИДЕТ МАЛЬЧИШКА...

Год сорок первый.
Осень у ворот.
И сапоги
В тиши грохочут
Гулко.
Враг у ворот.
И время настает:
Идет мальчишка
По родному
Переулку.
Семнадцать лет.
Шинель до пят,
Не в пору.
Идет великая
Народная
Война.
Враг у ворот.
И в эту пору
Поднялись все.
И встали,
Как стена.
О вы,
Войну узнавшие
По книжкам!
По книжкам
Даже жизнь узнать
Нельзя...
Смотрите:
В бой идут
Безусые мальчишки,
Такие же,

Как вы,
Мои друзья.
И ждут ребят
Не лавры
И не розы.
Их труден путь —
С начала
До конца!
И матери
Неудержные слезы,
И грустный взгляд
Усталого отца...
Лебяжий переулочок.
Дом поэта
Такой,
Как все, —
Угрюм и сер.
Но это — Родина.
И именно поэтому
За домом этим —
Весь СССР!
И потому
Шаги грохочут
Гулко,
Подковами звеня
На всю страну,
В солдатских сапогах
По переулку
Идет поэт-мальчишка
На войну!

Юрий АНОХИН

ПОЭТ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

АЛИО Мирцхулава, в силу особенностей своего таланта, никогда не был и не мог быть равнодушным наблюдателем жизни. Героика трудовых будней требовала от него полной отдачи сил. С первых же строк первого стихотворения, опубликованного в потийской газете, и до последней строки он оставался активным строителем новой жизни. Именно это определило содержание и социальный настрой его сборника «Скажут обо мне», выпущенного издательством «Мерани».

Деятнадцатилетним юношей, выдвинутый революционной волной, Алио Мирцхулава стал пламенным певцом Советской Грузии. Он — один из основоположников грузинской советской поэзии.

Поэт приветствует урбанизацию страны, чутко улавливает поступательный ход времени, противопоставляя себя поэтам, что, «словно кутеж... жизнь пропели».

В поэме «Я и Бараташвили» поэт обращается к образу Мерани, осмысливая его с позиций сегодняшнего дня. Старе для него ушло безвозвратно: железные строчки железных людей определяют быт и поэтические настроения большинства. Правда, кто-то еще грустит по прошлым временам, но голоса их тонут в грохоте великих свершений.

В стихотворении «Морской орел», переведенном Б. Пастернаком, А. Мирцхулава обращается к герою — своему

земляку капитану **А. Дуру-**мия, с восхищением пишет о нем. Великая Отечественная война мобилизовала силы советских людей, выдвинула на передний край лучших из них, и эти люди смогли доказать, что они достойные сыны своих отцов, делавших революцию:

Лети, герой, лети, орел,
Предвестьем стаи

соколиной,

Куда б грабитель ни ушел,
Кидайся молнией в спину!

Поэт приветствует героев, возвратившихся с войны. Слыша стук молота о наковальню, поэт по праву может сказать о себе: «Кует кузнец, а значит, я живу».

А. Мирцхулава — поэт своего времени. В своих произведениях он отвечает на вопросы, которые ставит перед ним жизнь. Он приветствует настоящие и грядущие перемены.

Тревожные раздумья поэта о зле, которое «в мир спускается», сменяются оптимистическими настроениями — «непреодолим рассвет». В стихах поэта встает человек будущего. Своими корнями он связан с эпохой, его породившей, эпохой революции.

А. Мирцхулава долгие годы связывала творческая дружба с видными русскими писателями и переводчиками. На русском языке его стихи живут в переводах Н. Тихонова, Б. Пастернака, А. Межирова, Д. Самойлова, Е. Исаева, Н. Гребнева, В. Леонovichа.

Книга «Скажут обо мне» представляет лишь небольшую часть произведений поэта, который не до конца открыт русским читателям. Поэзия А. Мирцхулава, возможно, еще ждет своего прочтения, своего переводчика.

Михаил РАЗМАДЗЕ

«СОВЕРШЕННО независимо от основного ствола декабристского движения, — пишет академик М. В. Нечкина, — возникали и действовали в то время другие тайные организации. Некоторые из них (общество «Русских рыцарей», Общество соединенных славян) слились с декабристскими организациями, другие (например, Польское тайное общество) вступили в переговоры с декабристами, иные (общество «Военных друзей») действовали вполне самостоятельно»¹. Не все тайные общества были раскрыты следствием по делу декабристов, поэтому в исследовательской литературе до сих пор идут споры о существовании и деятельности этих обществ. К числу таких сюжетов относится вопрос о возникновении в эпоху декабристов самостоятельной тайной организации на Кавказе. «Возможность возникновения самостоятельной тайной организации на Кавказе представляется вполне правдоподобной», — пишет М. В. Нечкина².

¹ Восстание декабристов (далее: ВД) т. X, с. 29.

² ВД, т. X, с. 29. См. также: Сохвадзе Б. К. — Декабристское движение и грузинская общественность. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).

- ДОКУМЕНТЫ,
- ПИСЬМА,
- ВОСПОМИНАНИЯ

Владимир ФЕДОРОВ

СЛЕДСТВИЕ О КАВКАЗСКОМ ТАЙНОМ ОБЩЕСТВЕ

ДЕКАБРЬ 1825 —
МАРТ 1826

Предметом данной статьи является анализ следствия о Кавказском обществе в Следственном комитете по делу декабристов.

Впервые о Кавказском обществе упомянул в своих показаниях от 22 декабря 1825 г. предатель А. И. Майборода, который сообщил следствию, что об этом ему рассказывал П. И. Пестель. В тот же день находившемуся под арестом в Тульчине Пестелю была предъявлена обширная опросная анкета, в которой значился пункт о переговорах Южного общества с Польским и Кавказским. Пестель по данному пункту дал такой ответ: «Никогда никому не говорил и ничего не знаю как о Кавказском, так и о Польском обществе»³. Однако уже 23 декабря Следственный комитет получил из показаний С. П. Трубецкого некоторые, хотя и неопределенные сведения о существовании «какого-то общества в Грузинском корпусе». Здесь впервые прозвучала и фамилия А. С. Грибоедова, «который состоит при генерале Ермолове». Грибоедов был назван членом тайного общества. Сведения о Кавказском обществе Трубецкой, по его показаниям, получил от С. Г. Волконского, а о Польском от Пестеля⁴. Этому показанию Трубецкого Николай I придал особое значение. Более подробные и определенные сведения об этом он надеялся получить от Пестеля и Волконского. «Мне особенно важно иметь Пестеля и Сергея Волконского», — писал он к брату Константину Павловичу 23 декабря⁵. Пестель был доставлен в Петербург 3 января, а Волконский 14 января.

Пестель, ранее отрицавший свою принадлежность к тайному обществу, после предъявленных ему неопровержимых «улик» из показаний других арестованных декабристов 4 января 1826 г. стал давать следствию «откровенные» показания. На этот раз он уже не отрицал вероятность существования тайного общества на Кавказе, даже назвал двух предполагаемых членов этого общества — адъютантов Ермолова Н. П. Воейкова и В. Ф. Тимковского (впоследствии бессарабского губернатора). Особое внимание следствия привлекли следующие слова в этом показании Пестеля: «Мне также сказывали, что общество сие хотело край, вверенный г[енералу] Ермолову, от России отделить и начать новую династию Ер-

³ ВД, т. IV, с. 12, 52.

⁴ ВД, т. I, с. 20—21.

⁵ Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в мемуарах и переписке членов царской семьи. М.—Л., 1926, с. 168.

моловым, но сие токмо в случае неудачи революции. Все сие подробности извлек к[нязь] Волконский от Якубовича, кото-
рый, несколько выпив, был с ним откровенен»⁶.

По этому показанию Пестеля Следственный комитет в начале января 1826 г. завел специальное дело «О существовании (мнимого) тайного общества в Отдельном Кавказском корпусе»⁷. Следственный комитет полагал, что А. И. Якубович, приехавший в 1825 г. с Кавказа в Петербург, мог сообщить важные сведения о Кавказском обществе наиболее видным членам Северного общества. 6—8 января об этом были специально допрошены С. П. Трубецкой, К. Ф. Рылеев, Е. П. Оболенский, И. И. Пущин и Н. М. Муравьев. Следственный комитет требовал от них показаний о том, что сообщил им Якубович о Кавказском обществе и особенно о «намерении общества отделить от России край, вверенный ген. Ермолову, и сим начать новую династию». Снова был допрошен по этому вопросу Пестель. Допрошен был и сам Якубович, которому была предъявлена об этом группа вопросов: «Комитет имеет прямое показание как о существовании в корпусе генерала Ермолова тайного общества, к числу членов коего принадлежали и вы, так и о том, что вы говорили князю Сергею Волконскому о намерении общества отделить от России край, вверенный генералу Ермолову, и сим последним начать новую династию. С какого времени существует сие общество? кем основано? в чем именно состоит цель оногo? когда и какими средствами положено было начать открытые действия? кто составляет душу и кто члены? чрез кого и какие сношения были сего общества с другими таковыми же, и извещен ли об этом генерал Ермолов?»⁷

Трубецкой показал, что он «слышал» о существовании Кавказского тайного общества не от Якубовича, а от Волконского (о чем показывал следствию еще 23 декабря), «но чрез кого он (Волконский — В. Ф.) сие узнал и было ли ему известно более сказанного мне,... он сие мне не открыл», равно ничего не слышал о намерении Ермолова «отделить Кавказ от России и начать новую династию»⁸. Каждый из остальных опрошенных руководителей Северного общества заявил: «О су-

⁶ Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (в дальнейшем ЦГАОР СССР), ф. 48, д. 6.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 6, л. 2.

⁸ Там же, л. 11, 12 об.

существовании тайного общества в корпусе, вверенном генералу Ермолову. совершенно никакого сведения не имел»⁹. Пестель, не приводя никаких новых данных о Кавказском обществе, показал, что принял еще во время существования Союза благоденствия майора А. А. Авенариуса и полковника И. М. Тимченко, которые потом были «назначены» на службу в Грузию, но были ли они членами возникшего там тайного общества, Пестель не мог положительно утверждать, так как связь его с ними прекратилась¹⁰.

Якубович на предъявленные ему вопросы следствия ответил следующее: «Князь Сергей Волконский в бытность свою на водах познакомился со мной, предлагал быть в обществе и хотел знать, есть ли в Грузии таковое же, ибо видел общее уважение ко мне войска и доверенность начальства. Я, желая знать подробности и с кем буду иметь дело, и в чем будут состоять намерения, для сего, чтобы выведать, лгал князю. Но я не принадлежу к обществу и не знаю, есть ли оно в Грузии, и рад, что высокий Тайный комитет знает о существовании такового в Грузии, ибо, открыв членов, увидят мою невинность». Якубович уверял следствие, что он «смеялся над князем Волконским, бредил ему вздор, который давно истребился из моей памяти», и если ранее об этом не показал Следственному комитету, то только потому, что «разговор был ничтожный»¹¹.

Следственный комитет отнеся с недоверием к этим показаниям Якубовича и 7 января постановил: «Снять с Волконского допрос о Якубовиче, когда Волконский привезен будет»¹². Когда 14 января арестованный Волконский был доставлен в Петербург, то уже на первом допросе был ему поставлен вопрос: «Какое известие имели вы о Кавказском корпусе?» Волконский показал: «Я слышал от Якубовича, что есть общество в корпусе, разделенное на три разряда. Первый разряд, не известный двум последним, а второй, не известный третьему. Два первые разряда составлены из малого числа членов, последний же, говорил, многочислен. Определительного ничего не сказал, почему на слова его основаться не мог»¹³.

⁹ Там же, л. 4—6, 9, 13 об.

¹⁰ Там же, л. 1.

¹¹ Там же, л. 2—3.

¹² ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 26, л. 52 об.

¹³ ВД, т. X, с. 105, 110.

Из показаний Трубецкого, Пестеля и Волконского Следственный комитет вывел заключение, что если Кавказское общество действительно существовало, то оно имело связи с Северным, а с Южным обществом через Волконского. Поэтому Комитет повел расследование в другом направлении: он в начале и середине января решил допросить о Кавказском обществе руководителей «управ» Южного общества — Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола, В. Л. Давыдова и А. П. Юшневского, а также и некоторых «рядовых» членов этого общества — П. В. Аврамова, братьев А. В. и И. В. Поджио, В. П. Ивашева, К. В. Тизенгаузена, И. С. Повало-Швейковского и др.

Полученные от них ответы дали следствию новый материал, позволявший сделать уже более определенные выводы как о существовании Кавказского общества, так и о связях его с Южным. Пестель в своем показании от 13 января сообщил следствию, что Волконскому, отправившемуся летом 1824 г. на Кавказ, было дано задание от руководства Южного общества связаться с членами тайного Кавказского общества и собрать о нем подробные сведения. Следует подчеркнуть, что сведения о существовании на Кавказе тайного политического общества Южное общество имело еще до поездки на Кавказ Волконского и до его разговора с Якубовичем, который будто бы «лгал», чтобы «ввести в заблуждение» Волконского. Пестель показывал, что Волконский вел переговоры на Кавказе не с одним Якубовичем, но и с другим членом Кавказского общества — В. Ф. Тимковским. В числе «главных членов» Кавказского общества был назван адъютант Ермолова Н. П. Воейков¹⁴.

А. П. Юшневский в письме к Николаю I от 9 января и в показании Следственному комитету от 15 января писал, что Пестель «однажды» давал ему читать «сочиненный Василием Давыдовым отчет кн. Волконского по возвращении его с кавказских вод». Отчет был написан по-французски. «С точностью объяснить содержание отчета или записки кн. Сергея Волконского о Кавказском обществе я не в силах, пробежавший с поспешностью один раз, в чем ссылаюсь на него самого», — писал Юшневский. Смысл «отчета», насколько Юшневский мог «упоминуть», состоял в том, что «в управлении войсками Кавказского корпуса замечается необыкновенное и при том очень явное братство между общими и частными на-

¹⁴ ВД, т. IV, с. 117—118.

чальниками, нисходящее даже до нижних чинов», что «главное действующее лицо» здесь — «сам главнокомандующий» (Ермолов), что «повсюду заметно влияние сокровенных его действий на умы, но что будучи необыкновенно хитер, он весьма искусно скрывает пружины, посредством коих дает направление целому». Далее Юшневский писал: «В записке сей встречались имена неизвестных мне лиц, означенные только начальными буквами, коих Волконский тогда хотя и назвал, но услышав только однажды незнакомые мне имена, я не мог удержать в памяти оные»¹⁵. Это свидетельство Юшневского подтвердил в своем показании от 15 января П. В. Аврамов. «В [1824] году, — показывал он, — после лагеря был я с полком в карауле при главной квартире армии, в то время приехал туда после петербургского отпуска и П. Пестель и показывал однажды в присутствии моем, Бяратинского и Крюкова Юшневскому бумаги на французском языке, доставленные, кажется мне, кн. Еолконским от кого-то из Кавказского корпуса по случаю бытности его там на водах. Я языка французского не знаю, только несколько для приветственных разговоров, и потому содержание бумаг не знаю, которых никто мне не переводил»¹⁶. Были запрошены и «свидетели» чтения «отчета» Волконского А. П. Бяратинский и Н. А. Крюков, которые отозвались только тем, что «слышали» о «существовании общества в Грузии под начальством генерала Ермолова и в его пользу составленного», однако «ничего утвердительного на сей счет» сказать не могут¹⁷. Надо отметить, что Бяратинский и Н. А. Крюков вообще отличались крайней скупостью своих показаний, отзываясь «забывчивостью» или «неведением».

Более ценные сведения сообщил следствию В. Л. Давыдов, принимавший непосредственное участие в составлении «отчета» Волконского о Кавказском обществе. Давыдов сообщил, что Кавказское общество «управляется двумя советами: один из шестнадцати, другой из четырех членов», что «цель сего общества — основание независимого царства в Грузии» и что якобы «генерал Ермолов не чужд сему предприятию»¹⁸.

¹⁵ ВД, т. X, с. 50, 58—59.

¹⁶ ВД, т. XII, т. 196.

¹⁷ ВД, т. X, с. 271.

¹⁸ Там же, с. 204.

25 января 1826 г. Следственный комитет предъявил Волконскому в числе других «вопросных пунктов» и «пункт» (он числится в вопросной анкете 11-м) о Кавказском обществе. Судя по развернутому характеру этого «вопросного пункта», разделенного на 8 подпунктов («статей»), следствие к этому времени уже располагало достаточно определенными сведениями о Кавказском обществе, его связях с Южным, о роли самого Волконского как посредника между обоими обществами. Волконскому прямо было указано: «Комитету положительно известно, что в бытность на кавказских водах вы успели собрать подробные сведения о тайном обществе, существующем в Отдельном Кавказском корпусе, и не только рассказывали об оном многим членам, но представили в директорию (руководящий орган Южного общества — В. Ф.) и письменный отчет, составленный Василием Давыдовым». От Волконского требовали рассказать о содержании этого отчета, от кого он получил для него сведения и особенно о связях с Кавказским обществом генерала Ермолова¹⁹.

Подробный ответ «по статьям» Волконский представил в комитет 30 января. Этот ответ представляет большой интерес, так как он подтверждает вероятность существования Кавказского общества. Из него видно, какие усилия предпринимало руководство Южного общества, чтобы связаться с Кавказским обществом. Сама поездка Волконского в 1824 г. на Кавказ имела целью выполнение поручения руководства Южного общества войти в контакт с Кавказским, о существовании которого в Южном обществе было уже известно еще до этой поездки Волконского. Сам Волконский показывал, что до этой поездки он знал, что «в Кавказском корпусе есть тайное общество». Узнал он о нем «из разговоров» с Н. И. Комаровым и В. П. Ивашевым. Показания Волконского не оставляют никакого сомнения в том, что встреча его с Якубовичем на Кавказе не ограничилась «случайным» и «пустым разговором», в чем пытался уверить следствие сам Якубович. Волконский прямо указывает: «По приезде моем на Кавказ старался я учредить тесное знакомство с Якубовичем». Состоялись **неоднократные** встречи Волконского с Якубовичем. Якубович вел себя крайне осторожно; даже тогда, когда Волконскому удалось войти в «тесное знакомство с Якубовичем». Совершенно очевидно, что не Якубович «в хмельном угаре» решил «похвастаться» перед Волконским, рассказав ему «небылицы» о «не-

¹⁹ ВД, т. X, с. 111—112.

существующем» Кавказском обществе, а сам Волконский «зондировал» Якубовича: Волконский «открыл ему», что он, Волконский, и В. Л. Давыдов (уже известный Якубовичу) члены тайного общества, желали бы «присообщить» это общество «к Кавказскому». Волконский, по его словам, «объявил Якубовичу о пользе, ежели бы все общества в России, вероятно во многом числе существующие, могли бы состоять под одним управлением». При этом, как свидетельствует Волконский, Якубович проявлял большую осторожность — «неизменно опровергал существование Кавказского общества», ограничивался разговорами «о лучшем составе и способах тайных обществ», из чего Волконский заключил, что «он (Якубович) не хочет дать мне сведения о Кавказском обществе». Чтобы более расположить к себе Якубовича, Волконский «объявил ему те правила, которые были приняты Южною управою»²⁰. По-видимому, речь шла об «объявлении» Якубовичу содержания программных и тактических принципов Южного общества, т. е. той «сокровенной цели», которая объявлялась посвященным во все дела тайного общества его членам. Вероятно, после этого Якубович счел возможным сообщить **некоторые**, весьма общие и туманные сведения о Кавказском обществе, которые он категорически потом отрицал на допросе.

5 марта Волконский вновь был допрошен в Следственном комитете о попытках Южного общества установить связи с Кавказским. Волконский снова подтвердил, что инициатива исходила от Южного общества («разговор же сей был начат мною»), переговоры «продолжались несколько времени довольно часто, но я, видев, что Якубович не делает мне точного откровения о мнимом мною Кавказском обществе, прекратил даже всякие поиски к возобновлению оных». Однако незадолго до отъезда Волконского из Кисловодска Якубович сам пришел к нему и сообщил некоторые сведения о Кавказском обществе. Эти сведения Волконский и включил в свой письменный «отчет». Якубович при последней встрече с Волконским сказал, что надеется снова увидеться с ним, при этом они обменялись адресами. «Такое его желание продолжить разговор и сношение по сему предмету меня еще утвердили в моих мыслях, что есть общество и что он не может взойти в сношения без разрешения на то директории их общества», — заключил свой ответ Волконский²¹.

²⁰ ВД, т. X, с. 124—125.

²¹ ВД, т. X, с. 154.

Надо полагать, что осторожный Якубович получил от «кавказской директории» инструкции продолжать переговоры с представителем Южного общества, если перед отъездом в Кавказ он сам явился к нему и сообщил некоторые сведения о Кавказском обществе. В целях конспирации Якубович не назвал ни одного из членов Кавказского общества, сообщив лишь самые общие сведения об его организационной структуре. Иных сведений о Кавказском обществе, строго законспирированном и не раскрытом следствием, мы не имеем. Отсюда в декабристоведении до сих пор ведутся споры о том, действительно ли существовало такое общество или оно — «выдумка» Якубовича.

Взятые в феврале 1826 г. под арест и допрошенные в Следственном комитете предполагаемые члены Кавказского общества Н. П. Воейков, А. А. Шишков и В. Ф. Тимковский категорически отрицали сам факт существования этого общества (равно как и свою принадлежность к какому бы то ни было тайному обществу) и за недостатком «улик» в конце февраля 1826 г. были по распоряжению Николая I освобождены с «оправдательными аттестатами»²².

С «кавказской проблемой» и «ермоловским вопросом» было связано следствие о принадлежности к тайному обществу А. С. Грибоедова. Как указывалось выше, имя Грибоедова как члена тайного общества (как и указание на существование Кавказского общества) было названо 23 декабря Трубецким. 27 декабря был отдан приказ об аресте Грибоедова, но этот приказ был исполнен лишь 22 января. Арест Грибоедова и следствие о нем подробно освещены в литературе. 11 февраля 1826 г. Грибоедов был доставлен в Петербург. Грибоедов категорически отрицал свою принадлежность к тайному обществу. В ходе следствия Следственный комитет установил факт поездки Грибоедова в июне 1825 г. в Киев и его свидания там с некоторыми членами Южного общества. 14 февраля Следственный комитет допросил Рылеева, не связана ли была эта поездка Грибоедова в Киев с какими-либо поручениями от Южного общества, а «также и о распространении членов оного в корпусе генерала Ермолова». Рылеев показал, что он лишь «слышал» (от Трубецкого) о попытках Южного общества при-

²² ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 183 (следственное дело Шишкова), д. 187 (следственное дело Воейкова), д. 251 (следственное дело Тимковского).

нять в свой состав Грибоедова²³. 19 февраля был допрошен об этом М. П. Бестужев-Рюмин, а 24 февраля и сам Грибоедов. Бестужев-Рюмин показал, что Грибоедову «никаких предложений не было сделано», а «к Ермолову общество наше доверенности не имело». Грибоедов занял позицию полного отрицания²⁴. В течение февраля-марта 1826 г. следствие над Грибоедовым получило уже иное направление — речь шла не просто о выяснении принадлежности Грибоедова к тайному обществу, но и о его роли как вероятного посредника между Южным и Кавказским тайными обществами. Но как раз именно на этом моменте следствие над Грибоедовым (и о Кавказском обществе) было приостановлено. М. В. Нечкина тщательно проанализировала все данные по этому вопросу и пришла к следующему выводу: «Полагаю, что именно вопрос о Ермолове и решил грибоедовское дело, причем вовсе не потому, что Ермолов был сочтен невинным, а Кавказское общество — несуществующим. Николай I считал опасным вести следствие о Ермолове в обычном порядке и повел дознание особым, секретным путем. У него в руках было более чем достаточно данных для ареста и допроса Ермолова. Но Ермолов был слишком крупной военной и политической фигурой, к тому же единственный в числе всех кандидатов в революционное правительство (речь идет о планируемом декабристами составе Временного революционного правительства — В. Ф.), обладавший реальной военной силой. Николай I разработал в дальнейшем план дискредитации Ермолова по военной линии, снятия его с постов и его отставки»²⁵.

Грибоедов был признан непричастным к тайному обществу, и 2 июня 1826 г. был издан приказ об освобождении его из-под ареста и выдаче ему «очистительного аттестата». Характерно, что после взятых с Якубовича в январе 1826 г. показаний о Кавказском обществе его по данному вопросу следствие уже не запрашивало: его заслонил другой, наиболее опасный для Якубовича вопрос — о намерении Якубовича совершить покушение на Александра I «во время петергофских маневров». Кавказское тайное общество было признано «мнимым», т. е. не существовавшим. В «Кратком обзоре

²³ Нечкина М. В. Следственное дело А. С. Грибоедова, М., 1982, с. 58—59.

²⁴ Там же, с. 62.

²⁵ Там же, с. 90.

различных тайных обществ», составленном по окончанию следствия правителем дел Следственного комитета А. Д. Бороновым для Николая I, значит: «По строгому исследованию оказалось, что Якубович выдумал рассказ сей нарочно, дабы посмеяться над легковерием Волконского, что на Кавказе никакое общество не существует и не существовало»²⁶. Но этот вывод никак не согласуется с теми данными, которые получило следствие и которые были приведены нами выше. Здесь уместно сказать, что так же было «прикрыто» следствие о причастности к заговору декабристов известных государственных деятелей М. М. Сперанского и Н. С. Мордвинова. Николай I столкнулся с фактом, что политический заговор декабристов распространялся до «высших государственных лиц» — А. П. Ермолова, М. М. Сперанского, Н. С. Мордвинова, которые, как установлено исследователями, знали о существовании тайных обществ и были связаны со многими декабристами²⁷.

Следствие и суд над декабристами — первый в истории России широкий политический процесс, вызвавший значительный резонанс как в самой России, так и за ее пределами. Стремясь представить декабристов лишь как небольшую группу «мятежников и цареубийц», самодержавие отнюдь не было заинтересовано в том, чтобы выяснять истинные масштабы заговора.

²⁶ ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 332-в, л. 17 об.

²⁷ Семенова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982.

Придон СИХАРУЛИДЗЕ

ГРУЗИНСКАЯ ПЕРВОПЕЧАТНАЯ КНИГА В МОСКВЕ

ГРУЗИНСКАЯ колония, сформировавшаяся в Москве в конце XVII века, своей разносторонней деятельностью сыграла большую роль во всех сферах русско-грузинских взаимоотношений.

Значительным результатом длительной, целенаправлен-

ной деятельности царя Арчила и царевича Александра в России было издание в Москве первой печатной грузинской книги. Идея создания типографии для печатания книг на родном языке возникла еще в 80-х годах XVII века.

Почти два десятилетия ушли на то, чтобы создать высокохудожественный грузинский печатный шрифт: по просьбе царя Арчила шведский ученый и дипломат И. Спарвенфельд, встречавшийся с ним во время своего пребывания в Москве, заказал изготовить грузинские буквы известному венгерскому букворезчику Тотфалушу Кишу Миклошу¹.

Творческое содружество, возникшее между грузинским царевичем Александром -- сыном Арчила II и амстердамским бургомистром Н. К. Витсенем во время посещения его Нидерландов в составе российского «Великого посольства» в 1697 году, послужило впоследствии широкому обмену исторической и научной литературой и информацией.

Царевич Александр не оставлял своих стараний по обретению грузинского печатного шрифта даже и во время пребывания в шведском плену, куда он попал после битвы под Нарвой (1700 г.). В период жизни в Стокгольме ему удалось встретиться с И. Спарвенфельдом², отпечатать оттиски грузинского алфавита с текстами («Отче наш», «Богородица дева» и др.) и, как явствует из письма, хранящегося в столице Швеции³, переслать матрицы через М. Давыдова в Москву к отцу в 1703 году.

¹ Д. Ватеншвили. Грузинские оттиски из Амстердама. В журн. «Литературная Грузия», 1981, № 4.

Г. Шарадзе. Миклош Киш Тотфалуш и грузинская типография. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.).

² О. Касрадзе. Древнегрузинская печатная книга. Тб., 1973 (на груз. яз.). Его же. Очаги грузинского книгопечатания. Тб., 1980 (на груз. яз.). Н. Надибаидзе. Жизнь и деятельность Александра Арчиловича Багратиони (автореферат). Тб., 1975.

Пр. Сихарулидзе. Документы к истории грузинско-шведских отношений. В сборн. «Мегоброба» (на груз. яз.). Тб., 1980. Тр. Шарашидзе. Грузинский шрифт в Амстердаме. Труды Гос. Публ. библиотеки СССР им. К. Маркса. Т. III (на груз. яз.). Тб., 1937.

³ Д. Л. Ватеншвили. К биографии Арчила II и Александра Арчиловича Багратиони. В журнале «Сабчота хеловнеба» (на груз. яз.), 1978, № 4, стр. 58—60. Упомянутый в письме царевича Марута и есть Давыдов.

Арчил II, известный поэт и переводчик, к этому времени окончательно поселившийся в Москве, со своей стороны предлагает усилия для получения права создания печатного станка и напечатания грузинских книг при Московской типографии, как это видно из опубликованных писем грузинского царя Ф. А. Головину, изданных Н. Головиным в 1852 г., содержащих отдельные неточности⁴, которые нам удалось исправить благодаря сохранившимся в ЦГАДА (Центральный Государственный Архив древних актов) в фонде русско-грузинских взаимосвязей (№ 110) текстам этих писем.

Грузинский царь 4 июня 1704 г. обратился с письмом к Ф. А. Головину в Петербург, в котором убедительно просил окончательно решить ранее поднятый вопрос о печатании грузинских книг и получить разрешение на это у Петра I «...Прошедших лет повелось нам, — писал Арчил II, — от высочайшая державы печатать книги на нашем языке ради церковных и гражданских пользы нашему иверскому народу, а наипаче в тиранстве под турком и персом сущим, кои зело великую скудость книг церковных имеют и тогда начатое дело недостатком литер и людей, к делу приличных, остановилось. А ныне, за божией помощью, литеры нашего диалекта построились изрядно и художники к делу обретаются искусные.

Прошу *убо Вашу любовь, донеси Державнейшему, дабы повелел в своей Царской Типографии на нашем языке несколько книг церковных напечатать».

28 июля Арчил II вновь напомнил Ф. А. Головину о своей просьбе, объясняя отсутствие ответа вероятной пропажей своего предыдущего письма. Однако разрешение уже было дано, как это явствует из ответа Ф. А. Головина царю Арчилу от 11 августа того же года: «Писание твое, моего государя, писанное июля 28 дня, получил я у Петрополя августа 3.

А что, государь, позволил ты ко мне писать о позволении печатания книги, о том указ монаршеской послан уже наперед сего к Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину, велено дать повеление печатать и на то употребить некоторое число денег из казны его монаршеской»⁵.

Обстоятельства печатания в Москве грузинской книги

⁴ Письма имеретинского царя Арчила к боярину Федору Алексеевичу Головину. Сообщено Н. Г. Головиным. «Раут на 1852 год. Исторический и литературный сборник». Издание И. В. Сушкова. М., 1852, стр. 328.

⁵ ЦГАДА, фонд 110. 1703 г., дело № 2, стр. 10.

долгое время не были до конца выяснены, и исследователи не могли пойти дальше констатации данных, содержащихся на титульном листе грузинского издания «Псалтыря»⁶.

Обнаруженные нами в АВПР (Архив внешней политики России) и ЦГАДА документы⁷ проливают свет на создание печатного стана, сотрудничество типографщиков — представителей разных национальностей и т. д.

Из документов следует, что Петр I выделил для издания грузинских книг в русской типографии 200 рублей. Вскоре после получения царского указа в Московской типографии столярами Т. Алексеевым, Ф. Савельевым и кузнецами Л. Абрамовым, П. Дмитриевым был изготовлен стан, что явствует из документа от 24 ноября 1704 г., в котором они просят оплатить вышеупомянутое изготовление печатного стана для грузинского царя в размере 4-х рублей столярам и 2-х рублей кузнецам. Наряду с этим в Печатном дворе проведены другие работы. Об этом и вообще обо всем процессе печатания грузинского «Псалтыря» сообщает сохранившаяся «смета» расходов по этому изданию, вложенная в 20-ю книгу выписок и приказов Московской типографии за 1705—1706 гг.

Этот документ гласит, что для печатания грузинской книги было использовано 174 пуансона, 185 матриц, купили у словолитца М. Ефремова для отливки шрифта олова по цене 4 руб. 10 алтын за пуд, и он отлил 9 пудов шрифта, за что ему было выплачено 43 р. 15 алтын. Затем из отлитого шрифта было перелито, по данным документа, 7 пудов 33 фунта литр. Отливка, перелитие и очистка литер были выполнены М. Ефремовым. За эти работы ему уплатили свыше 87 рублей.

Из той же «сметы» явствует, что для издания книги приобрели бумаги на сумму 27 рублей, кроме того, в расходах

⁶ Грузинская книга. Библиография. Т. I (на груз. яз.). Тб., 1941, стр. 8.

А. Абрамшвили. Из истории грузинского книгопечатания за пределами Грузии. Книга. Исследования и материалы. Т. III., М., 1960, стр. 268—274.

О. Касрадзе. Древнегрузинская печатная книга (на груз. яз.). Тб., 1973, стр. 11—12.

Его же. Очаги грузинского книгопечатания (на груз. яз.). Тб., 1980, стр. 29.

⁷ АВПР, ф. 110. 1730 г., д. 5, л. 3; ЦГАДА; ф. 1182; кн. 30; л. 37.

упоминаются купленные материалы и для переплетных работ.

При печатании грузинского «Псалтыря» сотрудничали грузинские и русские типографщики. Наборщик и разборщик были грузины, а тередорщик и батырщик — русские⁸.

Всего же на издание книги пошло, как видно из документов, более 178 рублей.

Книга вышла из печати 19 марта 1705 г. большим по тем временам тиражом (600 экз.), содержала 24 с половиной тетради форматом в 4° листа.

Первой напечатанной в Москве грузинской книгой являлся «Псалтырь», переведенный на грузинский язык еще на рубеже IV—V веков и позже, в каноническом переводе Георгия Афонского, распространенный в Грузии в многочисленных рукописях⁹.

Тексты псалмов употреблялись в народе и как первое учебное пособие после изучения букваря. Арчил II придавал большое значение делу народного просвещения, поэтому он требовал, чтобы книга была небольшого, карманного формата, художественно оформлена и хорошо переплетена. Пожелания грузинского царя были учтены — «Псалтырь» был издан размером 16×10 см.

Крышки переплета деревянные, обтянутые красным сафьяном, на верхней крышке вытеснен ромб, книга имеет золотой обрез, снабжена двумя металлическими застёжками.

В книге два титульных листа (на грузинском и русском языках).

⁸ АВПР, фонд 110. 1730 г., д. 5, л. 3.

⁹ Деятели грузинской колонии в Москве провели работу по текстологическому изучению этих рукописей. Под руководством Арчила II они сличили грузинский текст со славянским и на протяжении многих лет готовили книги Ветхого и Нового завета для публикации, но завершить подготовку текста всех библейских книг для издания им все же не удалось.

Несколько книг Библии изданы и в Тбилисской типографии. Творческое наследие освоил и развил проживавший в Москве царевич Вахушти, под руководством которого был подготовлен полный текст грузинской Библии. В 1743 г. книгу напечатали в самостоятельной грузинской типографии во Всехсвятском под Москвой. Издание осуществлено иждивением царя Бакара на высоком уровне и поэтому называется «Бакаровской библией». См. Пр. Сихарулидзе. Выстраданная Бакаром. «Сабчота хеловнеба» (на груз. яз.), № 8, 1980 г., стр. 88—93.

Текст русского титульного листа составляет ^{неполную} страницу, а грузинский титульный лист более просторен и занимает почти две страницы, так как включает в себя ^{в себя} и похвалу за создание книги царю Арчилу II и сыну его, царевичу Александру, который в то время находился в шведском плену. Упоминание заслуг Александра Арчиловича само по себе имело важное моральное и политическое значение.

Тексту предшествует небольшое предисловие.

Шрифт книги четкий, двухцветный (черный и красный). Для оформления употреблены надстрочные буквы.

Пагинация дана на двух языках (русском и грузинском) по листам и по тетрадам. В книге всего 200 листов¹⁰.

В оформлении наличествует четыре заставки и одна иллюстрация (портрет).

Русский титульный лист украшен заставкой и одной заглавной буквой. На заставке изображен расцветший крест (знак тогдашней цензуры), стоящий в центре, окаймленный волнистым орнаментом из листьев. Его постамент и нижняя часть заслонены рисунком. Эта заставка несколько отличается от русской работы, встречающейся с 1677 года¹¹.

Грузинский титульный лист оформлен как единое художественное произведение, украшен заставкой и концовкой весь текст окаймлен орнаментом, состоящим из двух звездных линий.

Заставка, воспроизведенная в этой части книги с изображением Христа — русской работы, встречается с 1662 года¹².

В тексте титульного листа имеется несколько надстрочных букв. Лист завершается концовкой, изображающей ребристую вазу с тюльпанами. Нам удалось обнаружить в голландских изданиях конца XVII века почти аналогичные концовки. В беседе с нами член-корреспондент Академии наук СССР А. А. Сидоров, рассматривая фото указанной концовки, имеющейся в грузинском «Псалтыре», предположил западноевропейское ее происхождение.

¹⁰ В библиографии грузинской книги указывается, что в «Псалтыре» 268 страниц.

См. Грузинская книга. Библиография. Тб., 1941., стр. 4.

¹¹ А. С. Зернова. Орнаментика книг Московской печати XVI—XVII веков. М., 1952, стр. 26.

¹² Ее же. Альбом орнаментики книг Московской печати XVI—XVII веков. М. 1952. В. 45.

В русской же печати вышеуказанное украшение впервые встречается в «Апостоле» и изданном в феврале 1704 г. «Трехязычном Лексиконе» Ф. Поликарпова (декабрь 1704 г.) а в марте 1705 года оно уже использовано в грузинском «Псалтыре».

Предисловие имеет заставку, изображающую нерукотворный образ, обрамленный орнаментом из листьев и цветов, встречающийся с 1704 года.

На первом листе текста книги заставка — в орнаменте из листьев и цветов изображен в овале сидящий на троне спаситель — русской работы.

«Псалтырь» украшен заголовком из красных заглавных букв.

В первопечатной грузинской книге особого внимания заслуживает портрет царя Давида, данный на отдельном листе, изображающий автора Псалмов во дворце во время их сочинения. Давид стоит в царском одеянии и короне, окруженной нимбом, со скрещенными на груди руками в позе молящегося. С правой стороны от него — открытая книга, между прочим, на славянском языке, лежащая на покрытом дорогой материей столе. У ног царя лежит лира. С левой стороны — царский трон, а в верхнем левом углу — изображение Святого духа в виде распростершего крылья голубя с надписью: «Дух святыи». Над головой царя на фоне дворцовых колонн имеется надпись титлом: «Царь Давид».

Под портретом подпись — «Михайло Карновикин».

После работ выдающегося художника С. Ушакова¹³ этот портрет царя Давида М. Карновикиным выполнен с большим мастерством.

Вышеприведенные факты свидетельствуют о творческом сотрудничестве печатников и общественных деятелей обеих стран.

Издание в Москве первой грузинской книги — результат многолетней упорной работы грузинских поселенцев — явилось большим событием в многовековой истории русско-грузинских культурных взаимосвязей.

¹³ А. А. Сидоров. Древнерусская гравюра. М., 1951, стр. 258.

Ольга КОСТИНА

МЕРАБ БЕРДЗЕНИШВИЛИ

Для каждого исследователя иной национальной культуры в нее становится открытым и поразившим его какой-то один творец — поэт, композитор, художник, писатель, актер. Для меня, искусствоведа, таким толчком для проникновения в сущность образного мышления грузинского народа стало творчество скульптора Мераба Бердзенишвили. Должна сознаться в некогда удовлетворявшей меня формальной осведомленности в области искусства и истории Грузии — но именно пронзительная эмоциональность поэтических памятников Бердзенишвили заставила по-новому, уже не христоматийно, прочитать произведения Шота Руставели и Давида Гурамишвили, а напряженный драматизм образа Саакадзе как бы дал ключ к пониманию героической истории народа. Неизмеримо обогатившись за последнее десятилетие, творчество скульптора не только ликвидирует препоны для проникновения в культуру его нации, но является одним из мощных средоточий духовно-содержательных проблем всего современного изобразительного искусства.

Художник большого внутреннего масштаба, Мераб Бердзенишвили способен синтезировать в своем искусстве духовные заботы времени и искания собственного духа, неповторимо преломляющего общегуманистические категории. Очень точно сказал Ч. Айтматов: «Личность — подтекст творчества». В скульптуре Бердзенишвили подтекст с самого начала был настолько

«Саакадзе».

явственен, а индивидуально-образный отклик на мир настолько самобытен, что уже ранние работы художника выводили зрительское восприятие за рамки укорененного в сознании эстетического стереотипа. Таким стал памятник Давиду Гурамшвили в Тбилиси. Созданный в 1959 году и установленный позже, в 1965, он даже в середине 60-х годов

несколько выпадал из круга привычных представлений о городском памятнике. Сама критическая традиция в осмыслении современной монументальной скульптуры, как бы поставившая «Гурамшвили» в ряд с произведениями уже 70-х годов, объединенными в особую группу «камерных памятников», показывает, каким качественным скачком в

развитии художественной концепции городского монумента была эта работа.

С середины 50-х годов в советской скульптуре появляются памятники, привлекающие своим антириторическим, антипарадным характером. В их ряду — дипломная работа Бердзенишвили, памятник Шота Руставели, созданный в 1955 и установленный в Москве в 1966 году. И в этом смысле «Гурамишвили» не одинок. Но степень поистине интимного соприкосновения скульптора с лирикой и личностью поэта — изгнанника и обусловленные этой близостью пластико-стилистические качества работы выводят ее за пределы даже вышеуказанной тенденции.

Два самые сильные ощущения от встречи с этим произведением — бесплотность фигуры и напряженнейшая экспрессия внутренней жизни, выраженная через динамически-нервную проработку лица. Оно, исхудавшее и измученное, с глубокими глазницами и впалыми щеками, построенное на резких сочленениях плоскостей, на обостренной игре света и тени, хранящее на своей почти эскизно решенной поверхности следы борьбы рук скульптора с материалом, как бы фокусирует в себе те токи, которые питали поэзию Гурамишвили. Все телесное словно сгорает в пламени поэтического духа. Отсюда — уплощенность торса, сведенная к ясности формулы крестообразная фронтальность абриса композиции, аскетическая сдержанность моделировки одежды.

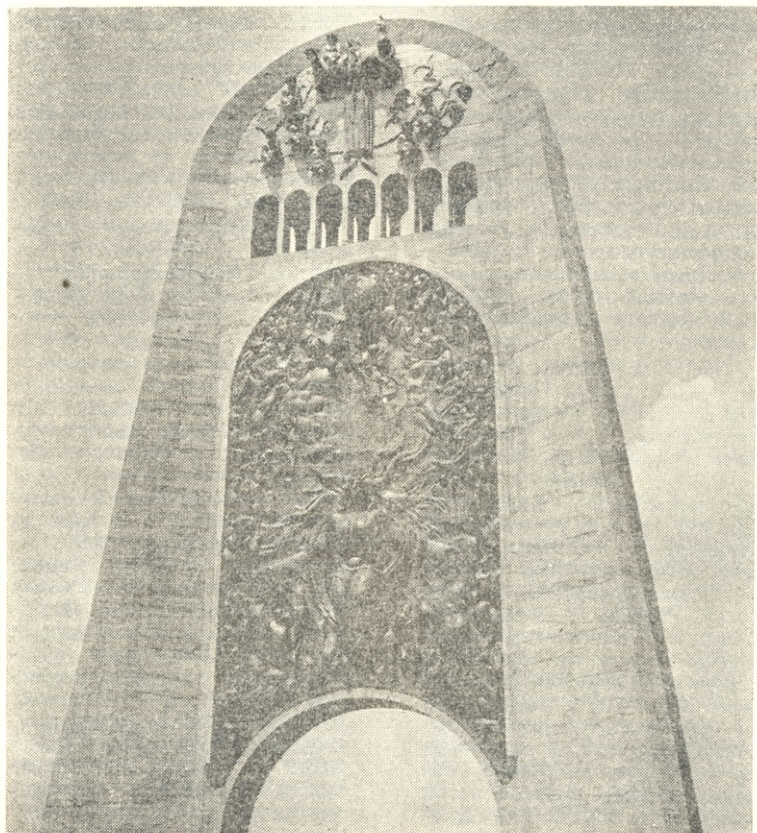
Открытость лирического мотива образа и обнажен-

ность авторского чувства, полное отсутствие «представительности» делали памятник над-типичным даже для середины 60-х годов. В годы же создания произведения, когда определяющим в образно-пластическом мышлении художников почти повсеместно стал «суровый» монументализм, он и вовсе выпадал из стилистических норм времени. «Суровость» почти не коснулась творчества Бердзенишвили. На первый взгляд кажется странным, что художник, изначально тяготеющий к монументальной форме, прошел как бы мимо задач, выпавших на долю его поколения. Ни в «Руставели», ни в портретах, ни тем более в «Гурамишвили» нет черт прямолинейно-волевой, огрубляющей форму выразительности. При всей уверенной крепости и обобщенной структурности архитектурной основы произведений им неизменно свойственны многомерность внутренней жизни, душевное изящество и некоторая элегичность, что как бы перемещает их в 70-е годы. Даже подчеркнутая материальность обнаженных торсов тех лет не становится свидетельством появления «суровых» черт в творчестве Бердзенишвили. В гипертрофии объемов, словно наступающих на пространство, воплощается пантеистическая идея чувственной динамики природно-человеческого бытия, характеризующая скорее национально-мифологические истоки образного мышления художника, чем его фиксацию конкретно-стилистических проблем времени. Еще будучи студентом, скульптор со-

здает «Портрет боксера» (1951), который в какой-то степени можно отнести к разряду «суровых» образов. Так дань художественно-стилистическим проблемам времени была отдана прежде, чем оно, это время, наступило.

На рубеже десятилетий скульптор решает иные задачи. Его интересует личность на пределе своих духовно - созидательных возможностей. Именно в кон-

тексте этих задач создается образ Вахтанга Горгасала — проект конного монумента посвященного основателю Тбилиси (1958). Благородное юношеское лицо, исполненная грациозного движения фигура, легкая поступь коня, раскованное «самочувствие» композиции в пространстве — светлое начало образного строя определяет своеобразие концепции памятника, концепции, не замыкающейся в господст-

Барельеф кутаисского мемориала «Крик матери».

вовавших тогда представлений о монументальной скульптуре.

Именно к началу 60-х годов в республике начинает складываться своя школа вааяния. Основывающаяся на искусстве двух крупных творческих индивидуальностей — Я. Николадзе и Н. Каделакви, воспитавших в Академии художеств ряд талантливых мастеров, эта школа развивается по двум руслам — портретной скульптуры и монументальной пластики. Смыкаясь и обогащая друг друга, эти две ветви имеют единую питательную среду — чувство монументальности, обусловленное комплексом природно-исторических условий существования народа. Максимально в выявлении эмоционально-волевых качеств человека, возвышение над обыденностью, романтическая взволнованность — вот что характеризует лучшие произведения национальной пластики.

Уже на ранних этапах развития школы отчетливо определилась особая тема, составившая и в дальнейшем принципиальную сторону идейно-образной содержательности не только грузинской, но и всей советской скульптуры — тема духовного избранничества человека, разрабатываемая в творчестве Мераба Бердзенишвили. Обнаженность лирической ноты, прозвучавшей в решении этой темы на рубеже 50-х—60-х годов, была еще непривычной. И закономерно, что в конкурсе на памятник Вахтангу Горгасалу первая премия была присуждена проекту Э. Амашукели, гораздо больше отвечающему духу «сурового»

монументализма, свойственного искусству того времени. «Горгасал» же Бердзенишвили, как бы выходящий в среду, отмеченный живой объемно-пространственной и светотеневой игрой, кажется, принадлежит совсем близкой к нам современности, когда складываются гораздо более сложные и опосредованные взаимоотношения образа и зрителя, скульптуры и пространства. Поэтому не случайно, что позже, уже на рубеже 70-х—80-х годов, при создании мемориала Победы в Кутаиси скульптор вновь обращается к теме светлой романтической героини, отчасти используя для ее решения то, что было пережито и осмыслено им при работе над проектом памятника Горгасалу.

Композиционные идеи конного монумента в искусстве Бердзенишвили — предмет для особого разговора. В этом коротком очерке хочется сказать об одном — о точном соответствии творческого метода мастера поставленным в каждом случае идейно-содержательным задачам. Героиню — поэтическая образность «Горгасала» стала как бы подходом к гораздо более масштабному решению памятника Георгию Саакадзе (1971, Каспи). Работа Бердзенишвили над памятником совпала с тем периодом в его творчестве, который можно назвать периодом «бури и натиска». Именно в эти годы создавались для Пидунды «Медея» (1967 — 1970) — один из самых мятежных образов скульптора. Противоречиво-драматическая сложность исторической биографии и

характера Саакадзе также выразилась в чрезвычайно бурной, буквально клокочущей пластике произведения.

Несомненно, тематика этих работ диктовала метод их пластического осмысления. Но не менее существенным побуждением динамики - экстатического построения и моделировки произведений являются внутренние закономерности развития личности и таланта самого художника. И «Саакадзе» стоит как бы в эпицентре исканий скульптора в этот период. В массивности вздыбившегося коня, в напрягшейся фигуре всадника, искаженном яростной страстью лице, в неистовой борьбе объемов и пространств, в экспансионистском овладении памятника средой находит выражение наступательная энергия созидательно-волевого художественного темперамента, раскрывшегося здесь во всю свою зрелую силу и полноту.

Но обогатившись новыми качествами и живя теперь в гораздо более объемном мире духовно - содержательных и пространственных координат, образы Бердзенишвили, созданные в начале 70-х годов, сохраняют то человечески - проникновенное начало, которое является определяющим в мышлении художника. Тяжело восседающий на коне полководец уступает место словно готовому воспарить Георгию Победоносцу или прекрасному в своем атлетизме античному герою, а с некоторых точек даже экспансивному испанскому идалго — столь острохарактерно воспринимаются отдельные пластические акценты. Каждый зритель волен в своих ассоциа-

циях, но сложная, волнующая идиоматика образа налицо — перед нами не статический знак какого-то одного состояния, а живой характер во множестве своих эмоционально - чувственных ипостасей. Столь же неоднозначна и «Медея». Вся — могучий порыв, смятение, отчаянная воля, она, защитница и охранительница своих детей, решена скульптором не в жестко - драматическом ключе еврипидовской интерпретации мифа, а скорее в русле его эллиановской трактовки, отвергающей образ мстительной женщины-детоубийцы.

«Саакадзе», «Медея» да еще «Муза» перед зданием филармонии в Тбилиси (1971) — самые «круглые» скульптуры Бердзенишвили. Теперь, в 70-е годы, самоценно - организующая сила объемно - пространственной структуры произведений обусловливает их единовластное господство в среде. Правда, только «Муза» по-настоящему решена в ансамбле с архитектурой — дуга раскинутых в стороны рук статуи, изгибы складок одеяния, вторящие упругим формам тела, очертания провисающих нитей с атрибутами театрального лицедейства находят развитие в криволинейных абрисах архитектурно - декоративных деталей двухъярусной площадки и круглого здания. Так в самой планировке ансамбля была предопределена особая роль «Музы» как композиционно - художественного «узла», упорядочивающего пространство, а собственные пластические качества статуи осуществили эту роль, сообщив урбанистический ей среде образный смысл.

В остальных случаях скульптор словно и не нуждается в поддержке архитектурой. Конечно, если говорить строго, то ни один памятник не осуществим без участия архитектора. Но в монументальных произведениях Бердзенишвили архитектура проявляет себя не как внешнее подспорье, а как внутреннее правило. Оно прочитывается прежде всего в незыблемо убедительной архитектонике самой скульптуры, в ее идейно-содержательном и пространственно - пластическом господстве в среде. Голова Важа Пшавела в проекте памятника поэту (1964) — это сама архитектура, как бы зияющая на законах природно - структурной образности гор и потому органично воспринимающаяся рядом с ними. Но при всей обобщенности формы это психологический портрет, а не архитектурный знак-символ, получивший большое распространение в 60-е годы. Стремление к эмоционально - индивидуализированной трактовке образа свидетельствует о том, что актуальные для всякого монументалиста проблемы организации среды никогда не заслоняли от скульптора задач, изначально присущих искусству, — задач воссоздания бытия человеческого духа.

В прошедшее десятилетие, такое напряженное и насыщенное для Бердзенишвили, ознаменовавшееся почти что ежегодным появлением крупных работ, реализация творческого кредо скульптора приобрела особенную убедительность и масштабность. В эти годы меняется тематический «ре-

пертуар» монументального творчества художника. Историко - легендарные и мифологические образы уступают место произведениям, увековечивающим конкретных людей и события, еще не отстраненные от нас большой исторической дистанцией. Заметно меняется и пластический язык скульптора. Динамическая свобода формообразования, внутренне присущая пластическому дарованию мастера и адекватная его «мифотворческому периоду», словно смиряется теперь под влиянием строгой самодисциплины художнической мысли.

И «Захарий Палиашвили» (1972, Тбилиси), и «Сисванг Воиг» (1975, Вьентьян) и памятник, посвященный 30-летию со дня победы в Великой Отечественной войне (1975, Марнеули), и «Отец солдата» (1978, Гурджаани) — все произведения, созданные в последнее десятилетие, объединены одним качеством, которое можно определить как суверенность образа в среде. Искусство Бердзенишвили всегда было искусством глубокого драматического конфликта. Но если раньше «сюжетика» работ как бы материализовалась на стадии своей кульминации, то теперь художник тяготеет к воплощению такого величьево ясного состояния образа, которое способно отозваться душевным катарсисом зрителя. И если раньше — в «Медее», «Саакадзе» — кульминация «драматургии» произведения выражалась через напряжение борьбы пластики и пространства, скульптурной формы и окружающей среды, то теперь напряжение, став как бы са-

ним ядром скульптуры и словно спрессовав объемы вокруг неридимого остова, разрешается в ее убедительно-незыблемом самоопределении в среде.

Мастер сосредоточивается не столько на самом движении, сколько на его внутренних мотивах. Выразительная мимика лица, пластичный взмах пальцев над партитурой во внешне статичной, словно закованной в броню тяжелой одежд статуе Палиашвили — и в воображении зрителя реконструируется сам творческий процесс композитора, то есть нечто неуловимо подвижное, абсолютно духовное.

Так и в классицистически строгим по композиции памятнике в Марнеули именно жест является тем безусловно точно найденным акцентом, который определяет содержание и конфликт произведения. Благословляюще — жертвенное движение рук величественно предстает женщины, грузинской матери, передающей меч от старшего поколения детям, будущим защитникам отечества, не только размыкает композиционный силуэт, «связывая» скульптурную группу с окружающей средой, но — и это главное — выявляет внутреннее развитие образа, духовные побуждения к действию.

Концентрация внимания — и авторского, и зрительского — на внутренней жизни образа делает монументальную пластику Бердзенишвили во многом независимой от архитектуры. Самостоятельный скульптурный объем и пространство — вот две поэтические стихии мастера. Причем каждый объемно-пространственный эле-

мент имеет для него значение лишь в той мере, в какой он необходим в целом — жательно — духовном контексте образа. Мастер пластической детали, Бердзенишвили, тем не менее, предельно ограничивает себя в изобразительных средствах. В то время, когда для советской пластики в целом становится характерным усложнение композиционного мышления, стремление к подробной детализации изображения, введение атрибутов быта и пейзажа, обострение литературно-сюжетной канвы, что приводит к размыванию жанровых — видовых границ, Бердзенишвили своим творчеством словно стоит на страже сохранения чистоты скульптуры как вида.

И в этом он тоже «нетипичен». Не то чтобы художник был равнодушен к бытию внешней среды — просто все проблемы внешнего мира предстают в его искусстве через отражение их во внутренней жизни человеческой души. Поэтому мастер так нерасточителен в использовании выразительных средств. Импульсы жизни образов идут не от внележащей среды, а изнутри изображаемого скульптором человека. Отсюда — дарующая сила энергии, как бы заключенной внутри произведений скульптора, энергии, требующей свободы своего волеизъявления в пространстве. Благодаря ей даже архитектурно неподготовленная среда оказывается побежденной.

Внимание мастера к самому человеческому в человеке сосредоточивает его на лице и руках изображаемого. Поэтому при всей «округлости» статуарной пла-

стики последнего десятилетия она ориентирована на одну, главную точку зрения. С целенаправленностью гуманистических интересов автора отчасти связана и традиционность тематики его станковой скульптуры. Обнаженный торс, портретная голова, фигуративный исторический портрет — вот, пожалуй, весь ее арсенал. Мощный энергетический потенциал образного мышления скульптора вообще достаточно редко выражает себя в станковой пластике, и она занимает сравнительно небольшое место в его работе. Монументальные памятники — они являются настоящими вехами творческой судьбы Бердзенишвили.

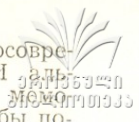
И скульптура для мемориала Победы в Кутаиси (1982) могла появиться лишь на таком этапе этой судьбы, когда сливаются воедино человеческая и профессиональная зрелость художника. Несомненно, кутаисский мемориал — самое целостное выражение мировидения мастера. И дело не только в пространственно-временной развернутости общего замысла, изначально предусматривающего синтез пластики с архитектурой, но в содержательной глубине символично-изобразительного решения скульптуры. Мемориальный комплекс в целом дает интересный материал для рассуждений о взаимодействии городской среды и художественного ансамбля, о взаимоотношении его элементов друг с другом. Здесь же больше стоит говорить о характере скульптурного замысла.

Двухчастность композиции — арка с рельефом и кон-

ная статуя перед ней — создают то «энергетическое поле», в котором зритель чувствует себя как бы на пересечении двух его составляющих — драматически напряженного и романтически-утверждающего начала. Замысел скульптора альтернативен — возвышенное и трагическое, светлое и темное, жизнь и смерть даны в своем противостоянии друг другу.

До сих пор Бердзенишвили мыслил в своем творчестве исключительно позитивными категориями. И здесь лейтмотив образа звучит оптимистически — торжественно. Обнаженный юноша, восседающий на коне, — на фоне арочного проема, старец с чашей в руках, окруженный виноградной лозой и детьми — в верхней части арки символизируют животворящие источники человеческого существования — мужество и мудрость. Но одновременно в сложный символично-изобразительный ряд произведения художник вводит обозначения носителей зла и смерти. Именно «обозначения» — настолько неконкретны их изображения. Заполонившие значительную часть плоскости рельефа, эти нелюди, лишённые человеческого облика (каска вместо лица) способны уродовать красоту, уничтожать жизнь. Изломанно-неподвижные тела жертв, искаженные ужасом лица — их сгустки и переплетения создают динамически-трагедийный фон, на котором развивается тема торжества сокрушающих зло победоносных сил.

Диалектическая суть образа словно сконцентрировалась в центральном изобра-

жении рельефа. Женская фигура со скорбным лицом, как бы распростертая по фону и в то же время вынесенная перед ним, экзотически напряженная, подчеркнута объемная, убедительно телесная, принадлежит сразу двум мирам — миру страдания и миру торжества природно — жизненных сил, возвышающихся над злом. Смысловая роль отдельных изображений раскрывается лишь в совокупности с целым, и «соборное» звучание образа во многом определено тем, как он разворачивается во времени и пространстве, то есть его существованием в архитектуре. Но при всей сложности сюжетно — символической основы произведения его смысл постигается мгновенно — в силу эмоциональной ясности художественно высказывания. Язык, посредник между автором и зрителем, такой здесь разнообразный, то упрощенно грубальный, то изысканно барочный, достигает той предельной гибкости в подчинении авторской мысли, когда перестаешь замечать его как средство, когда он сам становится смыслом, говоря словами поэта Д. Самойлова — как «фраза, так облегачающая мысль, как будто это одно и то же».

Такая «близость» с материалом скульптуры позволяет мастеру даже в широких пределах ансамблевого образа сохранить ту исповедальную ноту, которая свойственна большинству его произведений. В пристрастном личном отношении художника к вечным проблемам человеческого бытия проявляется прежде всего

чуткость к его остросовременным коллизиям. И альтернативность образа мемориала в Кутаиси, как бы порожденная самой альтернативностью нынешней ситуации в мире, — это художественный отклик и на прошлое, и на настоящее, и на будущее.

Скульптуру кутаисского мемориала, как, впрочем, большинство работ мастера, трудно вложить в «прокрустово ложе» какого-то одного направления или тенденции. Творчество Бердзенишвили, художника широкого пластического диапазона, осмысляющего и органично переопределяющего в своем искусстве различные традиции мировой скульптуры, не поддается однозначному стилистическому определению. В известном смысле оно «нетипично», и по нему подчас нелегко проследить внешние приметы эволюции современной пластики. Путь художника, не всегда подчиняющийся общим закономерностям перехода от одного периода к другому и, тем более, от простого к сложному, от худшего к лучшему (разве «Гурамишвили» проще, чем «Палиашвили?»), естественно, неравноценен на различных его этапах. Но глубина гуманистической мысли и эмоциональная сила авторского отношения к миру, открытие его духовной сущности ставят творчество Бердзенишвили если не всегда строго в контекст текущего художественного процесса, то — сейчас это уже очевидно — в контекст истории советской художественной культуры.

РАСЦВЕТ грузинского кинематографа в последние десятилетия уже давно никого не удивляет — это явление признанное, и знатоки ждут от грузинского кино шедевров, как избалованные дети в день рождения ждут подарков от родителей.

Александр ЗЛАТКИН

ВЕСНА УХОДИТ...

ЗАМЕТКИ О НОВОМ
ФИЛЬМЕ НОДАРА
МАНАГАДЗЕ

Возможно, один из секретов этого взлета в том, что грузинские фильмы, как правило, создаются на добротной литературной основе, которая служит надежным фундаментом и для развития характеров, и для создания обстановки, настроения. Само литературное произведение может претерпеть в экранном воплощении самые существенные превращения, может стать собственной противоположностью, но даже в этом случае оно остается истоком. Тем самым я вовсе не хочу умалить заслуги кинематографистов, напротив, хочу подчеркнуть ту изначальную ответственность, с которой они берутся за работу над картиной.

В этом смысле у нас достаточно материала, чтобы говорить о синтезе грузинской литературы и кино. Возьмем, к примеру, фильмы Тенгиза Абуладзе. «Я, бабушка, Илико и Илларион» сделан по роману Нодара

Думбадзе, «Мольба» — по мотивам Важа Пшавела, «Древо желаний» — по Георгию Леонидзе (сценарий фильма написан одним из интереснейших грузинских прозаиков Резо Иванишвили). Еще пример — Эльдар Шенгелая поставил «Мачеху Саманишвили» по пьесе классика грузинской литературы Давида Клдиашвили, а новый фильм «Голубые горы» снят по мотивам новеллы Резо Чейшвили, который в данном случае выступает и в роли автора сценария.

Этот перечень можно продолжить, можно даже написать целое исследование о литературных корнях грузинского кинематографа (если только такого исследования еще не существует...). У нас же речь пойдет о новом фильме Нодара Манагадзе «Весна проходит». Режиссер знаком зрителям по фильмам «Ожидание», «Общая стена», «Жизнь Иванэ Которашвили», «Плотина в горах». Не столь широкому зрителю посчастливилось посмотреть и его фильм «Ожившие легенды» («Вознесение»).

Новый фильм создан по мотивам произведений Гурама Рчеулишвили. Сценарий Нодар Манагадзе написал сам. Когда режиссер снимает картину по собственному сценарию, это придает работе особую цельность. И в данном случае перед нами именно такой, авторский фильм, хотя в основу его положены мотивы творчества другого человека.

Нодар Манагадзе не просто заимствует какие-то сюжетные коллизии у Гурама Рчеулишвили. Этот режиссер, собственно говоря, вообще не особенно нуждается в «сюжетных коллизиях», он строит свои фильмы не по традиционной фабуле; впрочем, отсутствие четкой, событийной фабулы уже успело стать традиционным... Так или иначе, режиссер пропускает мотивы творчества писателя через призму его трагической судьбы и переплавляет в тигле собственного киновидения мира.

...Как говорить о фильме? Пересказывать содержание? Это ни к чему. Разбирать с точки зрения кинопрофессиональных критериев? Но это интересно только специалистам. Мне кажется, лучший способ говорить о произведении — это попытаться выразить тот отклик, который оно рождает в душе зрителя, ведь оно, произведение, для того и существует, чтобы заставить нас что-то подумать, почувствовать, и то, что я буду говорить сейчас о Гураме Рчеулишвили, меня заставил понять, впитать и пережить фильм «Весна проходит».

Кроме того, говорить о Гураме Рчеулишвили — это значит, в сущности, говорить о Важа Джандиери, герое фильма

«Весна проходит». И, в таком случае, лучше уж говорить о Важа Джандиери, поскольку речь у нас идет все-таки о фильме.

Итак, Важа Джандиери, молодой писатель, ему двадцать шесть лет, столько же, сколько было Гураму, когда он... Стоп. Мотива гибели в фильме нет. Точнее, он звучит только для тех, кто знаком с биографией Гурама Рчеулишвили, и здесь я должен сказать о главном, на мой взгляд, «проколе» фильма. «Весна проходит» говорит очень много тем, кто знает творчество и биографию писателя. Не могу назвать это просчетом режиссера; быть может, он стремился именно к тому эффекту, который рождается на стыке экранного действия и зрительского знания того, что осталось за пределами экрана. Это смелый эксперимент, и он, бесспорно, увенчался успехом. Однако для остальной (увы, немалой) части зрителей, которой о Гураме Рчеулишвили ничего не известно, многое в фильме остается непонятным. Так, например, один из самых интересных героев писателя и самых ярких персонажей фильма Батарека Чинчараули может показаться таким зрителям просто живописным варваром... Но я отвлекся. Мы говорили о том, что мотива гибели в фильме объективно нет, и мне кажется, это правильно. Да, Гурам Рчеулишвили погиб, почти детально описав свою гибель в одном из своих рассказов, но не это придает такой накал, такую остроту его творчеству. Гурам Рчеулишвили-Важа Джандиери ломает голову не над смертью, а над загадками жизни, маленькими тайнами повседневного бытия, для разгадки которых требуется вечность. Это тайны любви, дружбы, «простых» взаимоотношений. Тайны поступков. Пожалуй, проблема поступка, активного действия, непосредственного участия в жизни — одна из самых острых для... Важа Джандиери. Он возвращается в Тбилиси после долгого отсутствия, и начинается чудесная, грустная игра узнавания родного города, узнавания — и неузнавания, а это всегда связано с памятью, и не раз на протяжении фильма взрослый Важа встретится со своим юным двойником — Важа из детства. И вот маленький Важа дома у старой учительницы немецкого; он обещает не забыть ее, как это сделали другие ученики, — для маленького человека нестерпимо одиночество старухи, единственным близким существом которой остался допотопный фикус... Большой Важа поздно вспомнил об этом обещании — он стоит перед знакомой дверью и ему говорят, что учительница умерла в прошлом году. Однако он сдержал слово — он не забыл. Не забыл теп-

ла, которым делились с ним люди, и хочет, чтобы этого тепла в жизни было больше, чтобы мужчины были мужественны и великодушны, а женщины — прекрасны и добры. Это страстное желание — главный нерв его творчества. Важа талантлив, и это видно не только по тому, что и как он рассказывает, но и по тому, как он воспринимает мир, каким он его видит, а это становится доступным зрителю благодаря великолепному мастерству Нодара Манагадзе, оператора-постановщика Абесалома Майсурадзе и художника-постановщика Шота Гоголашвили.

Фильм «Весна проходит» фантастически красив, и это не та кинематографическая красивость, которая достигается только техническим мастерством («Кино может все!»), нет, это красота влюбленного весной или поэта, читающего свои любимые стихи. Это надо видеть; надо видеть лепестки, осыпающиеся на волосы дочери Батареки Чинчараули...

Чего хочет, чего ищет Важа Джандиери, что его мучает, что мучило Гурама Рчеулишвили, молодого, красивого, сильного, талантливого? Почему весна — уходит? Нодару Манагадзе удалось создать на экране ощущение самой большой боли писателя, а боль была вызвана существованием невидимого барьера, словно отделявшего этого человека от жизни, которую он описывал, которой восторгался, которую боготворил. Что ему мешало? Не знаю. И, кажется, никто не знает. Он исходил пешком всю Грузию, часто бывал в горах, занимался спортом, любил, дружил, писал, — казалось, жить активнее и реальнее просто невозможно, о каком одиночестве может быть речь... А он все равно чувствовал себя зрителем на празднике бытия, а стало быть, чужим, посторонним, пришельцем — откуда? И куда он шел? Ведь это так несправедливо, обидно — чувствовать себя чужаком среди своих только потому, быть может, что острее других ощущаешь именно свое родство со всем, что вокруг... Он смотрит, как живут другие, он хочет жить, как они, — просто, естественно, но он так не может, потому что влюблен в эту жизнь, он поэт, он смотрит на нее как бы со стороны, и ему лучше видна ее ошеломляющая красота, которая и не дает ему жить «просто». Но как же так, ведь он хочет быть с людьми, жить, радоваться и горевать вместе с ними, и он видит лишь один путь к этому: разбудить, растормошить тех, кто вокруг него, пусть и они увидят эту красоту и захлебнутся ею хотя бы на миг! Мы сами не замечаем, как Нодар Манагадзе последовательно, неотвратно ведет нас на купол Алаверди, — и вот

мы уже смотрим с головокружительной высоты на мир, простирающийся окрест. Но... ведь не все мы — наверху. Многие предпочли остаться внизу и с удивлением gazeют на человека, стоящего под самым куполом храма, — «Чего ему надо?.. Псих какой-то...»

И барьер остается, не исчезает...

Важа размышляет о прошлом: а прежде, как было прежде? Ведь когда-то праздник был не только осколком традиции, а сказочный Шатили — не просто достопримечательностью под открытым небом. И ему кажется, что предки жили свежее, острее, реальнее, чем он сам, что жизнь их была насыщена страстью и волей, что была «пляска дэвов», и был Батарека Чинчараули... На празднике Алавердоба Важа Джандиери и живописный, задумчивый, мрачный Батарека Чинчараули сидят, прислонившись к одному дереву, Важа с одной стороны, Батарека — с другой. На них глядит девочка — дочь Батареки в одном эпизоде фильма, в другом — Натела. Неважно, кто она в данный момент, потому что и сейчас, и всегда она олицетворяет собою Поэзию, Женственность, Любовь в их первобытном, густом, неразбавленном и незамутненном естестве. Эта девочка — одна из удачнейших находок Нодара Манагадзе, ведь здесь «кончается искусство», вернее, оно еще не начинается: маленькая девочка — не профессиональная актриса, она не может так играть, и значит, все это — в самом деле есть? К этой догадке режиссер подводит осторожно, чутко, собирая и усиливая волнение и тревогу, которые испытывает зритель. Конечно, не существует фильма, который одинаково трогал бы всех, и тем не менее трудно поверить, что кто-то сможет равнодушно смотреть фильм, где каждая сцена эпизодов — это толчок, импульс, подавленный (все же в зале находимся!) крик восхищения, восторга, словно режиссер, незаметно завязав нам глаза, выводит нас на самую выигрышную точку обзора, внезапно срывает с нас эту повязку, — и перед нами вспаханное поле, которое словно дышит на экране, по пашне бежит Натела... Или Тбилиси в дождь... Или Алаверди — «белый лебедь»... Или поезд в ночи: окна купе, где едут, едят, пьют, спорят, размышляют. Пишут, — это Важа Джандиери, он возвращается или, наоборот, снова уезжает...

Затем камера отдаляется, и освещенные окна поезда превращаются в вереницу ярких точек, мелькающую ленту жизни, света и тепла, которая доверчиво движется к своей цели сквозь ночную тьму...

...Мягким синим сумраком окружена нарядная танцплощадка, которая кажется совершенно неподвижной, застывшей, хотя ветер раздувает ленты и кружатся танцующие. Она словно противостоит устремленности поезда, потому что именно на этой танцплощадке, в ритме медленного танго, рассказывается история о несчастном случае на пляже — мужчины спас тонувших в море жену и сына, а у самого, уже возле самого берега, не выдержало сердце. Это не просто история, это пророчество: спустя три года после того, как был написан рассказ «Медленное танго», Гурам Рчеулишвили бросился на помощь людям, погибавшим в штормовом море. Превосходный пловец, он помог им продержаться на воде до прибытия спасательного вертолета, помог взобраться по веревочной лестнице в кабину; когда же сам он собирался последовать за ними, веревка оборвалась, а силы были на исходе... Сегодня он был бы вдвое старше Важа Джандиери, героя одного из своих рассказов. Судьба распорядилась иначе — они остались ровесниками...

Однако темнота, которую пронзает поезд, — не траурная рамка, а всего лишь фон, на котором ярче выделяются эти сгустки жизни, именно жизни: он не собирался умирать, он верил в свои силы, и сил у него было много; так уж случилось... Он пришел на выручку — и помог, спас людей от гибели, и это самое главное:

«Юноша: — Белняга, он был настоящим мужчиной.

Девушка: — Конечно. Таких сейчас немного.

Джаз перешел на медленное танго, и юноша теснее прижал к себе девушку.

Юноша: — И все-таки, поверьте, они еще встречаются».

...В одной из предыдущих своих работ — фильме «Ожившие легенды» («Вознесение») Нодар Манагадзе создал прекрасную, трагическую картину бытия народа, истории Грузии, сумев сконцентрировать в зрительных образах национальный дух, всенародную боль, гордость за своих предков и страстный призыв удержать ныне те вершины духа, которые были достигнуты ими.

В новом фильме режиссер продолжает развивать эту тему, но по-иному: он выражает ее через восприятие нашего современника, молодого, талантливого человека, одного из тех, кто должен — и готов — взять на себя нелегкую задачу сохранить то, что создано предками, и в первую очередь это относится к ценностям нравственным, потому что благородство, преданность, мужество, любовь к своей земле и своему

народу, и не просто любовь, но знание их истории и культуры — это именно то, что делает человека — Человеком. Не обладая этими качествами, человек не может уважать себя, ни других, не способен на любовь, бессилён созидать. Об этом писал Гурам Рчеулишвили. Об этом фильм — вернее, фильмы — Нодара Манагадзе.

Умная, бережная любовь к родной земле и ее народу проявляется во всем — ведь прежде чем запечатлеть на пленке прекрасные грузинские пейзажи, надо было их найти, надо было обойти, объездить, излазить всю Грузию; надо найти и увидеть эти необычайно выразительные лица, каждое из которых — уникальный тип, характер, прожитые годы, судьба — лица, которые теперь глядят на нас с экрана...

Весна уходит. Это значит, что времени терять нельзя, его мало. Надо действовать, жить, работать... Рассказ «Алавердоба» пронизан болью и горечью, вызванными зрелищем того, как большой, чистый и светлый праздник опускается до бестолковой пьянки со всеми ее компонентами. В этом ключе поставил свой фильм и Георгий Шенгелая, в точности передав похмельное настроение рассказа. Нодар Манагадзе поступил иначе. Сохранив канву рассказа Гурама Рчеулишвили, он наполнил соответствующий эпизод своего фильма совершенно другой атмосферой, свежим, бодрящим воздухом, придал ему нотки какой-то задиристой дерзости, в которой гнездится надежда. И не случайно на празднике присутствуют Батарека Чинчараули и его дочь — Красота и Поэзия неизбежны, и совсем уж не случайно именно эта девочка подводит к Важа белого коня, словно повелевает ему совершить свой отчаянный поступок. Режиссер допустил вольность по отношению к рассказу, но в этой вольности — истинная, большая верность духу всего творчества Гурама Рчеулишвили.

Подобно тому, как в «Оживших легендах» звучали шедевры народной поэзии, стихи Важа Пшавела, в новом фильме звучат прекрасные стихи Галактиона и Тициана Табидзе; с изящной свободой режиссер включает в свой фильм все, что способно украсить, углубить, усилить его.

Хочется отметить еще одну особенность стиля Нодара Манагадзе: в его фильмах, и в частности в новом, очень мало текста. Диалог присутствует лишь постольку, поскольку необходимо избежать нарочитости... Я бы не сказал, что Нодар Манагадзе — поклонник немого кино: в фильме органично звучат стихи, музыка (композитор Нодар Габуня) — но ки-

но для режиссера остается прежде всего искусством зрелищным, он прежде всего показывает.

Текст, разумеется, несет определенную смысловую нагрузку в фильме, и в этой скупой точности текстовой записи заслуга редактора картины — известного грузинского писателя Гурама Гегешидзе (вот, кстати, еще «информация к размышлению» о взаимосвязи кино и литературы!)

...Говоря о Гураме Рчеулишвили в связи со своей новой работой, Нодар Манагадзе процитировал слова писателя: «Вся острота страсти — в созидании, а не в наслаждении созданным». Что ж, в таком случае остается только позавидовать создателям фильма, испытавшим «всю остроту страсти»; на мою же зрительскую долю выпало «лишь» наслаждение. У меня есть все основания считать, что мне досталось не так уж мало.

Фильмы Нодара Манагадзе не просты для восприятия, они требуют от зрителя напряженной работы ума и сердца, и не каждый поймет их сразу. Но я убежден, что перед нами — достаточно значительное и интересное явление, чтобы им занялись профессиональные кинокритики и, в свою очередь, заинтересовали им зрителя.

ХРОНИКА

ВЕЧЕР АБХАЗСКОЙ ПОЭЗИИ

В МОСКВЕ в Центральном Доме литераторов имени А. Фадеева состоялся вечер абхазской поэзии, посвященный 110-летию со дня рождения основоположника абхазской литературы Дмитрия Гулиа.

Вечер, который пршел под председательством секретаря правления Союза писателей СССР Ю. Суровцева, вылился в большой праздник поэзии.

На вечере выступили актер МХАТа Александр Дик, который прочел стихотворение Д. Гулиа, Мушни Ласуриа, Евгений Долматовский, Шалва Цвижба, Иван Тарба, Хута Бериулава, Георгий Гублиа, Яков Козловский, Фазиль Искандер.

Константин Ломиа, Елена Николаевская, Нелли Тарба, Михаил Синельников, Владимир Солоухин и другие.

Они читали свои собственные произведения, переводы стихотворений абхазских поэтов, стихи о Родине, о дружбе и любви.

Перед собравшимися выступили секретарь Абхазского обкома КП Грузии Р. Бутба и поэт-академик И. Абашидзе.

На вечере абхазской поэзии присутствовали заведующий отделом культуры ЦК КП Грузии Н. Ш. Джанберидзе, постоянный представитель Совета Министров Грузинской ССР при Совете Министров СССР Т. Ш. Хачидзе, Председатель Совета Министров Абхазской АССР Ю. Д. Убилава.

КОНТАКТЫ РАСШИРЯЮТСЯ

В БЕРЛИНЕ в издательстве «Фольк унд Вельт» вышла в свет антология грузинского рассказа под общим названием «Далекая белая вершина».

Немецкий читатель сможет познакомиться с рассказами Михаила Джавахишвили, Нико Лордкипанидзе, Константина Гамсахурдиа, Георгия Леонидзе, Нодара Думбадзе, Арчила Сулакаури, Реваза Иванишвили, Чабуа Амирэджиби, Отиа Иоселиани, Гурама Дочанашвили и других.

В книге даны краткие сведения о каждом авторе, а послесловие, написанное Зазой Абзианидзе, дает представление о путях развития грузинского рассказа.

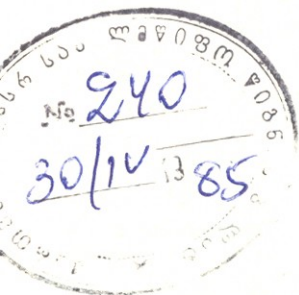
Перевод осуществлен немецкими переводчиками при содействии Главной редакционной коллегии по художест-

венному переводу и литературным взаимосвязям при Союзе писателей Грузии. Подборку рассказов и библиографические справки подготовила Тетфи Уотивари-Онгер.

ИЗДАНО В ЛЕЙПЦИГЕ

ЛЕЙПЦИГСКОЕ издательство «Кипенхойер» в серии «Памятники мировой классической литературы» выпустило в свет свод летописей истории Грузии «Картлис цховреба». Перевод осуществила одна из старейших картвелологов ГДР, профессор Гертруда Печ, у которой давние и прочные контакты с грузинскими коллегами. Книга снабжена ее предисловием и комментариями.

Издание этой книги—еще одно свидетельство постоянного интереса читателей ГДР к грузинской литературе, как классической, так и современной.

Сдано в набор 12.II.85 г. Подписано к печати 18.IV.85 г. Формат 84×108¹/₃₂. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 11,97, Уч. изд. л. 14,0. УЭ 00023. Тираж 5.100 экз. Заказ 412. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон 99-06-59.

Главный редактор Т. П. БУАЧИДЗЕ

Редакционная коллегия:

Ч. И. АМИРЭДЖИБИ, Э. Г. АНАНИАШВИЛИ, Р. Н. АСАЕВ, А. Н. БЕСТАВАШВИЛИ, Х. Л. ГАГУА, А. Н. ГОГУА, Э. В. ЕЛИГУЛАШВИЛИ, М. И. ЗЛАТКИН, Н. Г. КАРАШВИЛИ [ответственный секретарь], Г. Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, В. Г. МАЧАВАРИАНИ, Л. Ш. СТУРУА, Э. А. ФЕЙГИН, Г. В. ХАРАИДЗЕ [заместитель главного редактора], Г. Ш. ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 к.

85-240

ИНДЕКС 7617
8020101033

26-85